

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 13 (135)

Academic Journal

Series:
Historical Studies. General History

Moscow 2014

ВЕСТНИК РГГУ
№ 13 (135)

Научный журнал

Серия
«Исторические науки. Всеобщая история»

Москва 2014

УДК 94(05)
ББК 63.3(0)я5

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Серия «Исторические науки. Всеобщая история»

Редакционная коллегия:
Н.И. Басовская – ответственный редактор
О.В. Саприкина – заместитель ответственного редактора
В.А. Бароне – ответственный секретарь

О.В. Ауров
Л.М. Брагина
Е.Д. Браун
В.П. Буданова
А.В. Воеводский
В.М. Володарский
Ю.П. Зарецкий
Г.И. Зверева
Н.П. Калмыков
Л.П. Репина
В.И. Уколова
П.П. Шкаренков

Номер подготовила:
В.А. Бароне

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н.И. Басовская</i> Война и мир в истории цивилизации (постановка проблемы на материале древней и средневековой истории)	9
<hr/> Человек и общество в цивилизациях древности и Средних веков <hr/>	
<i>Е.В. Булычева</i> Эйсфора – военный налог в мирное время (по данным договоров об аренде общественной земли в Аттике середины IV в. до н. э.)	15
<i>Е.Б. Баринаова</i> Этнокультурные отношения Китая с народами Центральной Азии в древности и Средневековье	23
<i>И.Е. Ермолова</i> «Варварский аспект» восстания Прокопия	37
<i>Д.В. Обрезкова</i> Постоянная повинность в поздней Римской империи начала IV – первой трети V в. (по данным Кодексов Феодосия и Юстиниана)	47
<i>Е.В. Булдакова</i> Концепция войны в установлениях «Божьего мира» во Франции конца X – начала XII в.	55
<i>О.В. Ауров</i> Накануне одной усобицы (к интерпретации гл. 1025 «Первой всеобщей хроники Испании»)	65
<i>А.М. Лобанов</i> Договор в Труа (1420 г.): от войны внешней к войне внутренней и наоборот	74
<i>Р.М. Асейнов</i> «Одряхлевшее дворянство» и «община»: бургундские земли перед лицом французской агрессии в 1477 г.	83

<i>С.Г. Извеков</i>	
«Ни мира ни войны». Посольство Австрии к султану Сулейману Великолепному в 1541 г.	94
<i>С.А. Кариков</i>	
Предпосылки и последствия Шмалькальденской войны в творчестве Виттенбергских реформаторов	103
<i>Н.П. Тяньшина</i>	
Граф Ж.-Ж. де Селлон: от Женевского общества мира к Организации объединенных наций	111
<i>С.А. Тихомиров</i>	
Геополитические стратегии на Европейском Севере в эпоху Наполеоновских войн: локальность в глобальном историческом процессе	120
<i>Н.В. Ростиславлева</i>	
Макс Вебер в годы Первой мировой войны	136
<i>Д.А. Бураников</i>	
Историческое знание в контексте национал-социалистической идеологии на примере творчества Эрнста Крика	146
<i>Г.Н. Канинская</i>	
Французское общество и Алжирская война (1954–1962 гг.)	157
<i>О.В. Охошин</i>	
Трансформация доктрины лейборизма в Великобритании (1945–1997) ..	176
<i>А.Н. Комаров</i>	
Проблемы войны и мира во внешней политике канадских консерваторов в 2006–2011 гг.	191
Abstracts	200
Сведения об авторах	208

CONTENTS

<i>N. Basovskaya</i> War and peace in the history of civilization (statement of the problem on the material of Ancient and Medieval history)	9
<hr/> The person and society in the civilisations of the Antiquity and the Middle Ages <hr/>	
<i>E. Bulycheva</i> Eisphora is the war tax in time of peace	15
<i>E. Barinova</i> Ethnocultural relations of China's with Central Asian peoples in the Antiquity and the Middle Ages	23
<i>I. Ermolova</i> The "barbarian aspect" of the Procopius' rebellion	37
<i>D. Obrezkova</i> The duty of billeting in the late Roman Empire in the IVth – the first third of the Vth centuries (according to the Theodosian and Justinian Codes)	47
<i>E. Buldakova</i> The concept of war in establishing of "Peace of God" in France at the end of the X – the beginning of the XII centuries	55
<i>O. Aurov</i> The beginning of one revolt (to the analysis of the cap. 1025 of the "First general chronicle of Spain")	65
<i>A. Lobanov</i> The treaty of Troyes (1420): from the external war to an internal one and back again	74
<i>R. Aseyonov</i> "Noblesse debilitée" and "communauté": burgundian lands in front of the French invasion in 1477	83

The person, society and power in the XVI–XX centuries

<i>S. Izvekov</i>	
“No peace, no war”. The Austrian diplomatic mission to the sultan Suleyman the Magnificent in 1541	94
<i>S. Karikov</i>	
Background and consequences of the Schmalkaldic war in the works of Wittenberg reformers	103
<i>N. Tanshina</i>	
The count J.-J. de Sellon: from Geneva peace society to United Nations	111
<i>S. Tikhomirov</i>	
Geopolitical strategy of the European North in the Napoleonic wars: Locality in global historical process	120
<i>N. Rostislavleva</i>	
Max Weber in the years of the First World War	136
<i>D. Burashnikov</i>	
Historical knowledge in case of national-socialistic ideology in works of Ernst Krieck	146
<i>G. Kaninskaia</i>	
French society on the Algerian war (1954–1962)	157
<i>O. Ohoshin</i>	
The transformation of the labour’s doctrine in Great Britain (1945–1997) ...	176
<i>A. Komarov</i>	
The issues of war and peace in the foreign politics of the Canadian conservatives in 2006–2011	191
Abstracts	200
General data about the authors	208

Н.И. Басовская

ВОЙНА И МИР
В ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ
(постановка проблемы на материале древней
и средневековой истории)

*Данный текст представляет собой
не столько специальное исследование,
сколько введение к настоящему сборнику.*

В статье исследуется роль войны в истории цивилизации, анализируется соотношение понятий войны и мира в разные исторические эпохи, дается оценка войны как явления, приводится типология войн.

Ключевые слова: война, мир, история цивилизации, Древний мир, Средние века, Новое время.

Занимаясь долгие годы исследованием истории крупнейшего военно-политического конфликта в Западной Европе в эпоху Средневековья (условное название – Столетняя война), я пришла к некоторым обобщающим мыслям о роли войны в истории нашей цивилизации. Это звучит, на первый взгляд, парадоксально, но представляется очевидным, что мира на Земле еще не было. Военные конфликты, сражения, войны представляют собой реальность пройденной и переживаемой сегодня истории человечества. Пожалуй, не будет ошибкой констатировать, что наша цивилизация – это «Цивилизация Войны».

С самых истоков истории человечества войны, вражда, конфликты представляют собой действительную реальность бытия, в то время как тексты о мире, по существу, являются выражением утопии, бесконечно желаемой цели. Представления о войне выражены в бесчисленных текстах и образах, а также необозримых археологических данных. Представления о мире выражены в огромном множестве текстов самого разного характера – от официальных

межгосударственных договоров до религиозных учений и художественных текстов. При сопоставлении этих двух явлений невольно напрашивается сравнение чрезвычайно отчетливых картин и образов ада и достаточно абстрактных, тоже скорее мечтательных, чем реальных, картин видений человеком страстно желаемого рая.

Рассмотрение этих двух сторон человеческой цивилизации представляется особенно интересным на примере ранних ступеней человеческой истории, поскольку они гораздо более наивны и откровенны, чем современные. Рассмотрение проблемы войны и мира на основе ранних стадий человеческой истории, в сущности, позволяет увидеть некие важные грани того, что можно условно назвать «детством человечества». Пожалуй, как и в истории индивидуума, явления детства чрезвычайно важны для всей последующей судьбы и отдельного человека, и совокупно изучаемого человечества.

Важной метафорой в этом смысле представляется тот факт, что в здании Организации Объединенных Наций на стене воспроизведен текст договора древнеегипетского фараона Рамзеса II с царем хеттов Хаттусили III (XIII в. до н. э.). Прошедшие тысячелетия свидетельствуют о том, что люди не утратили интереса к самому древнему из дошедших до нас текстов официального мирного договора. Заметим сразу, что торжественное его подписание и оформление на нескольких языках не принесли реального мира Древнему Египту и Хеттской державе, которые в тот момент боролись за гегемонию в тогдашнем не очень большом цивилизационном пространстве.

Существует обширная библиография, посвященная происхождению и природе войны в истории человечества. Это явление исследовали философы, историки, социологи, психологи и даже биологи. Все выдвинутые концепции фактически не противоположны, а скорее взаимодополняемы. В конечном счете истоком для понимания конфликта и войны как постоянного контекста человеческой истории является, конечно же, сама природа человека, в которой заложено неистребимое тяготение к лидерству, утверждаемому путем разнообразных форм применения силы. Глубоко симптоматичным представляется то, что основные тексты, дошедшие до нас из глубин Древней истории, посвящены именно войне, воспетой в бесконечных героических образах, сквозь красоту которых проступают такие материальные стороны войны, как, например, откровенная борьба за добычу. Приведу гениальные строки Гомера из Илиады. Бесконечно восхищаясь своими героями, Гомер, тем не менее, приоткрывает реально мрачные стороны войны:

Город другой облежали две сильные рати народов,
Страшно сверкая оружием. Рати двояко грозили:
Или разрушить, иль граждане с ними должны разделиться
Всеми богатствами, сколько цветущий их град заключает¹.

Откровенно выраженная даже в героическом эпосе меркантильная основа войны все же не затмевает восприятие этого явления на раннем этапе истории цивилизации не как чисто героического или абсолютно меркантильного, но и как трагического, в чем-то противостоящего человеческой природе. Мы это видим в пугающем описании сражения:

Строем становятся, битвою бьются по берегу речному;
Колот друг друга, метая стремительно медные копья.
Рыщут и Злоба и Смута и страшная Смерть между ними².

Война как явление, достойное восхищения, была объектом не только художественного, но и аналитического размышления древних авторов. В первой книге «Истории» Геродота читаем: «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния, как эллинов, так и варваров не остались в безвестности, *в особенности же то, почему они вели войны друг с другом*» (курсив мой. – Н. Б.).

Ярким этапом в героизации войны была эпоха Средневековья. Высшим воплощением попытки абсолютной героизации и даже воспевания войны стало время зрелого Средневековья, которое можно назвать «Рыцарской эпохой». Героический эпос этого времени возводит в абсолют рыцарские доблести, которые соединились с религиозной идеей и борьбой за христианскую веру. Правящая элита эпохи Средневековья позиционировала себя как высокий образец нравственности и благородства, что, например, блестяще выражено в известной «Песни о Роланде». Однако и в героическом эпосе подчас проступала не героическая сторона рыцарских сражений, а именно обогащение за счет насилия. Прочитую несколько строк из знаменитой «Песни о Сиде»:

Видит – они уж далеко отъехали от замка,
Повернул он свой стяг, помчался обратно.
«Бейте их, рыцари! рубите без страха!
Создатель нам поможет, пожива будет наша!»³

Вступление Западной Европы в эпоху раннего Нового времени ознаменовалось огромными переменами в развитии цивилизации. Однако война как нормативное поведение в пределах западноевропейской истории проявилась наиболее отчетливо именно в эту эпоху. Бесконечные конфликты, раздел территорий в процессе известных войн за испанское и австрийское наследство, общеевропейская Тридцатилетняя война решительно изменили восприятие войн мыслящими людьми эпохи Возрождения. Это отчетливо проявилось, например, в знаменитой немецкой поэзии первой половины XVII в. Вот строки из стихотворения Мартина Опица:

Злодейская война растлила мысль и чувство.
Так вера выдохлась, в грязи гниет искусство,
Законы попораны, оплеваны права,
Честь обесчещена и совесть в нас мертва⁴

А у другого автора, Фридриха Логау, даже слышится напряженная работа мысли человека новой эпохи над соотношением понятий войны и мира:

Война всегда война. Ей трудно быть иною.
Куда опасней мир, коль он чреват войною.

Этот автор не только не видит красоты в традиционно воспеваемых героических сражениях. Он ощутил неизбежную деформацию мыслей и чувств людей, вовлеченных в бесконечное противостояние армий, полководцев и правителей. Абсолютно современно звучат некоторые его строки:

Что значит в наши дни быть баснословно смелым?
Звать черным черное, а белое звать белым,
Чрезмерно громких од убийству не слагать,
Лгать только по нужде, а без нужды не лгать (курсив мой. – Н. Б.).

В перспективе европейской истории на заре Нового времени были бесконечные, все более масштабные войны и мирные договоры, которые готовили следующую войну. Нравственную оценку войне как явлению, недостойному былой героизации, дал Л.Н. Толстой в знаменитых строках романа «Война и мир»: «12 июня 1812 г. силы Западной Европы перешли границы России и началась

война – *то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие*».

Таким образом, от эпохи древности до Нового времени оценка войны как явления проделала огромную эволюцию, по крайней мере в умах интеллектуалов. И эта оценка – глубоко негативная. Тем не менее некоторые представления о войне как неизбежном, до настоящего времени, факторе развития цивилизации позволяют провести некоторую типологию известных человечеству войн.

В эпоху древности война была не только проявлением присущей природе человека агрессии и стремления к лидерству, но и так называемой формой обеспечения естественного обмена, осуществляемого насильственно. В эпоху Средневековья войны были основной формой расширения подвластных территорий, что чрезвычайно важно для преимущественно аграрного мира. Раннее Новое время добавило к этому поиск новых торговых путей и борьбу за колонии, что тоже было приращением территорий и доходов, осуществляемым более интенсивными методами. Война обрастает более сложной идеологией, маскирующей подлинные цели сторон (в эпоху Средневековья это так называемая справедливая война за веру или против непокорного вассала, в Новое время – более откровенное стремление к территориальным захватам).

Ужасающим в смысле последствий как материальных, так и духовных типом войны была гражданская война, которую знали и древность (гражданские войны в Риме I–II вв. до н. э.), и Средневековье (бесчисленные религиозные войны).

И все-таки в этой в целом неприглядной картине есть некоторые более отрадные моменты. На мой взгляд, существует единственный тип войны, который имеет некие нравственные оправдания. Это освободительная война любого народа против пришедших на его землю завоевателей. Такой тип войны прослеживается от греко-персидских войн V–VI вв. до н. э. через Освободительные войны Нидерландов против испанского господства, Американских штатов против английской метрополии в XVI–XVIII вв. Бесспорно освободительным характером отличались война против нашествия Бонапарта (в Испании и России в начале XIX в.), Великая Отечественная война СССР в рамках Второй мировой войны... Этот печальный перечень может быть значительно расширен.

И все-таки, не выйдя из рамок (цивилизации войны), человечество в прошедшем XX веке пришло к попыткам внести некие нравственные оценки, критерии, действия, противостоящие стабильному

бедствию войн. Многочисленные международные усилия в этом вопросе пока не принесли достаточно ощутимых результатов. Однако они оставляют человечеству некоторую надежду на корректировку собственной природы.

Примечания

¹ Здесь и далее перевод Н. Гнедича (если не указано иное).

² Перевод Ю.Б. Корнеева.

³ Перевод Б.И. Ярхо, переработанный Ю.Б. Корнеевым и А.А. Смирновым.

⁴ Перевод Л. Гинзбурга.

Человек и общество в цивилизациях древности и Средних веков

Е.В. Булычева

ЭЙСФОРА – ВОЕННЫЙ НАЛОГ В МИРНОЕ ВРЕМЯ (по данным договоров об аренде общественной земли в Аттике середины IV в. до н. э.)

Цель статьи – рассмотрение вопроса об уплате эйсфоры (чрезвычайного налога) участниками аренды общественной земли в Аттике в IV в. до н. э. На основании тщательного изучения данных эпиграфики (надписей об аренде общественной земли в Аттике) автор статьи обращает внимание на случаи взимания эйсфоры в сделках с общественным имуществом. Эйсфора уплачивалась как гражданами, так и общественными организациями. Сумма налога зависела от многих факторов (доход от сданной в аренду земли, от реализации сельскохозяйственной продукции и других условий).

Ключевые слова: общественная земля, эйсфора, арендаторы, арендодатели, договор, демы, оргеоны.

Государство с момента своего возникновения представляет собой исторически сложившуюся организацию, которая обладает верховной властью и обеспечивает осуществление конкретных интересов (общечеловеческих, религиозных, национальных и др.) на определенной территории. Ни одно государство не может нормально функционировать без взимания налогов, сборов и пошлин. С другой стороны, налоги являются одним из важнейших признаков государства. Они появились вместе с государством и использовались им как основной источник средств на содержание

органов государственной власти. Трудно не согласиться с К. Майером, что в классическом виде историю политики налогов можно начинать с Древней Греции¹. Афинская демократия, будучи явлением весьма самобытным, создала ряд государственных и социальных институтов, аналогов которым нет во всей последующей мировой истории. К числу таковых можно отнести и налоговую систему, которая была важным политическим инструментом объединения граждан в рамках полисов.

С течением времени организация налогообложения совершенствовалась. В число повинностей граждан перед полисом вошли: финансирование праздничных шествий, хоров, комедий, трагедий, строительства и т. д. Характерной чертой социально-экономической жизни Аттики в IV в. до н. э. стала потребность государства в финансовых средствах, прежде всего на военные нужды. Проявлением этого было всё более частое обращение к особому виду налога – эйсфоре. Источники IV в. до н. э. пестрят упоминаниями об этом чрезвычайном налоге. С одной стороны, в них содержится похвала гражданам, которые охотно предоставляли средства на общественные нужды. С другой стороны, приводятся жалобы плательщиков на тяжесть возлагаемого на них бремени. Эйсфора была связана со всеми сложными процессами, происходящими в Афинском полисе, что, по мнению Н. Хэммонда, позволяет назвать чрезвычайный налог одним из ключевых вопросов истории Афин в IV в. до н. э.²

Вопрос об эйсфоре один из наиболее исследованных в зарубежной и отечественной литературе. В то же время в течение длительного периода проблема эйсфоры вызывает противоречивые суждения и толкования³. В большинстве исследований утвердилось мнение о том, что впервые эйсфора была введена в 428 г. до н. э., когда в результате восстания на о. Лесбос над Афинами нависла угроза поражения в Пелопоннесской войне⁴. Это мнение основано на сообщении Фукидида о том, что тогда было собрано 200 талантов (Hist. III. 19). По-видимому, действительно именно в это время в Афинах начали постоянно взимать чрезвычайный налог. Однако можно предположить, что практика взимания эйсфоры существовала и раньше. Она была введена еще до начала Пелопоннесской войны в отношении афинских колоний. В частности, об этом есть предписание в декрете о Милете 450/49 г. до н. э. (SEG. 10) и в декрете о Гестиэе 446 г. до н. э. (IG. I². № 42). Правда, в этих случаях эйсфора взималась эпизодически. Так, в декрете о Гестиэе говорится, что уплата эйсфоры допускается лишь в случае сбора средств на борьбу с пиратством (line. 6).

Несмотря на то что упоминаний об эйсфоре в источниках немало, они в большинстве случаев сводятся к небольшим замечаниям, рассчитанным на осведомленного читателя или слушателя, которому не надо специально объяснять назначение эйсфоры. При этом античные свидетельства о чрезвычайном налоге часто бывают весьма скудными и противоречивыми.

Исследователи в своих работах об эйсфоре чаще всего рассматривают вопросы, посвященные взиманию налога в случаях с частной землей. В качестве основных источников для них выступают сведения античных ораторов – Демосфена, Лисия и Исократы и отдельные надписи о сборе эйсфоры с частных лиц. Случаи обложения эйсфорой общественной земли практически не рассматриваются. В то же время сохранилось немало договоров, посвященных аренде общественной земли (земельные участки, принадлежащие демам, фратриям и религиозным ассоциациям), в которых имеются упоминания о взимании эйсфоры. В связи с этим целью настоящей статьи является рассмотрение спорного вопроса о характере взимания эйсфоры на основании надписей о сдаче в аренду общественного имущества различными коллективами полиса и некоторых сведений античных авторов. В качестве основного источника информации нами используются следующие договоры об аренде: договор об аренде земельного участка дема тейтрасийцев (Pleket. № 43), документ об аренде земли дема эксонейцев (IG. II². № 2492), договор об аренде земли пирейцев (IG. II². № 2498), документы о сдаче в аренду земли оргеонов Эгрета (IG. II². № 2499). На основании этих источников мы постараемся ответить на вопрос о том, какой характер получило взимание эйсфоры в период после окончания Пелопоннесской войны. Эти источники датируются второй половиной 350–321 гг. до н. э., т. е. временем, когда Пелопоннесская война уже давно завершилась.

Опираясь на данные нарративных источников, можно сделать вывод о том, кто в основном вносил эйсфору. Как правило, это были весьма состоятельные граждане. Так, у Демосфена упоминаются граждане Лептин и Калликрат, которые, безусловно, являлись состоятельными людьми, так как они выполняли даже триерархию (XXII. 60).

В договорах об аренде общественной земли эйсфору часто вносят частные лица – арендаторы, о социальном положении которых можно судить на основе сведений из других источников. В арендном договоре из Эксоны в качестве арендатора указан Автей, сын Автоклея (IG. II². № 2492, line. 2, 33). По мнению В.Н. Андреева,

именно это имя встречается среди хорегов середины IV в. до н. э.⁵ Действительно, имя Автей весьма редкое, и потому можно предположить, что именно об этом гражданине идет речь в списке хорегов. Известно, что обязанности хорегов были весьма почетные и исполняли их люди, известные в обществе и состоятельные. Хореги оплачивали большие расходы на проведение религиозных церемоний и празднеств.

В договоре об аренде общественной земли тейтрасийцев назван арендатор Ксантипп. В надписи он характеризуется как весьма почтенный гражданин (Pleket. № 41, line. 1–2). В другом договоре об аренде земельного участка дема Прасий ответственность за выплату чрезвычайного налога возложена на Кирия, сына Посейдиппа (IG. II². 2497, line. 3–4). Можно предположить, что он был отцом или сыном Посейдиппа из Прасий, упомянутого в качестве триарха около 342 г. до н. э.

Интересен тот факт, что, как показывают данные арендных договоров после завершения Пелопоннесской войны, коллективы чаще стали выступать плательщиками эйсфоры. В арендном договоре оргеонов (IG. II². № 2499, line. 27–29) эйсфору должны вносить оргеоны святилища Эгрета. Арендодатель также выступает в качестве основного плательщика эйсфоры в договоре о сдаче в аренду пирейцами земельного участка и другого вида имущества (Agora. XV, line. 6–9). В частности, говорится, что эйсфору вносят сами жители дема Пирея.

В надписи об аренде земли эксонейцев также говорится, что если город установит чрезвычайный налог, платить его будет дем эксонейцев (IG. II². № 2492, line. 36–39). Таким образом, налогоплательщиками могли быть не только граждане, но и территориально-административные подразделения полиса (демы, оргеоны и т. д.). При этом вопрос об участии общественных объединений в уплате эйсфоры практически не рассматривался в историографии⁶. Между тем это весьма важный аспект социально-экономической жизни афинского полиса. В связи с этим следует попытаться ответить на вопрос, какие причины побудили полис чаще привлекать коллективы к уплате чрезвычайного налога.

Взимание эйсфоры с территориально-административных подразделений полиса, по-видимому, было связано с рядом факторов. Во-первых, на целые группы граждан возлагалась большая ответственность, чем на частных лиц. В некоторых случаях указано должностное лицо – демарх, который обязан проследить за своевременным внесением эйсфоры (Pleket. № 41, line. 39–40). Граждане

были ответственными перед демархом и старались строго соблюдать все предписания, поскольку демарх имел право наказывать граждан за невыполнение условий разных соглашений. В пределах своих компетенций он мог налагать штрафы на членов своего дема⁷. Ответственность общественных организаций была продиктована и определенными нравственными принципами. Так, например, ассоциации оргеонов считали для себя постыдным невыполнение каких-либо предписаний⁸. Коллективы были заинтересованы в своевременном выполнении обязательств перед полисом, поскольку от полисных структур они получали право на разрешение своей деятельности, в частности, право на сдачу в аренду общественного имущества. Кроме того, в IV в. до н. э. количество богатых граждан, способных уплачивать налоги, резко сократилось⁹, возможно, в связи с этим увеличилось число общественных коллективов, способных платить чрезвычайный налог. Уплата эйсфоры всё больше вызывала негодование у граждан, поскольку этот налог превращался из чрезвычайного в постоянный и в связи с этим полисным структурам становилось тяжело собирать его с частных лиц. Об этом есть сообщения в нарративных источниках. В них содержатся отдельные жалобы на обременительность данного вида налога (*Lys. XXVIII. 3; Dem. L. 20*). В сочинениях Лисия и Демосфена встречаются отдельные упоминания о лицах, не желающих уплачивать эйсфору, но такое сопротивление граждан не носит массового характера. Так, Демосфен, не называя конкретных случаев, в общем сообщает, что были и граждане, и метеки, отказывающиеся вносить своевременно эйсфору (*XXV. 57*). Подобные сообщения встречаются и в эпиграфическом материале. Об этом свидетельствуют надписи о сдаче демами в аренду общественной земли. По данным договоров, некоторые обязанности арендаторов принимали постоянный (наследственный) характер. В частности, в договоре о сдаче в аренду земельного участка тейтрасийцев говорится, что арендатору Ксантиспу и его потомкам предписано выплачивать арендную плату (*Pleket. № 41, line. 15–16*). Подобное установление предписывается и в отношении эйсфоры. В документе о сдаче в аренду земли дема Прасий сказано, что «арендатору и его потомкам быть ежегодно свободными от пошлин и чрезвычайного налога» (*IG. II². № 2497, line. 5–7*). Таким образом, можно предположить, что эйсфора принимала постоянный, наследственный характер.

Кроме того, налогоплательщиков во многом не устраивала сама система взимания эйсфоры. А. Джоунс замечает, что все подлежащие обложению граждане платили одинаковый процент от своего

капитала, вне зависимости от степени их состоятельности¹⁰. На основании сведений нарративных источников в исследовательской литературе преобладает мнение о том, что размер эйсфоры каждый раз своим решением устанавливало народное собрание Афин¹¹. В надписях об аренде общественной земли сказано, что чрезвычайный налог устанавливал полис (IG. II². № 2492, line. 25–26; Pleket. № 41, line. 36–37). Это указание позволяет нам предположить, что налог мог определяться не только народным собранием, но и всем гражданским коллективом, каким собственно и был полис, разными его инстанциями, должностными лицами, состоявшими на службе полиса.

О порядке внесения эйсфоры в науке утвердилось представление благодаря сведениям Демосфена. Оратор сообщает, что в 378 г. до н. э. с целью упорядочения взимания чрезвычайного налога плательщики были объединены в симмории, между которыми равномерно распределялась сумма налога (XIV. 27). При этом в сообщении Демосфена нет указания на то, кому передавалась сумма налога. В документе об аренде земельного участка дема теитрасийцев сообщается, что сумма чрезвычайного налога должна быть передана демарху (Pleket. № 41, line. 39–40). В арендном постановлении оргеонов Эгрета эйсфору предписано передать оргеонам (IG. II². № 2499, line. 39–40). Таким образом, можно предположить, что за сбором эйсфоры следила местная администрация, не исключено, что сначала сумма налога поступала в местную казну, а затем (может быть, с другими средствами) отправлялась в казну полиса. Единого государственного бюджета в Афинах не существовало. В классическую эпоху в государстве было несколько денежных касс, каждая из которых имела свои источники пополнения и свою структуру расходов¹². В связи с выплатой эйсфоры жителями афинских колоний можно сделать некоторые предположения о порядке выплаты. Так, в декрете о Милете (SEG. 423) для разбирательства различных финансовых проблем устанавливается соответствующее судопроизводство. В частности, говорится, что граждане, прибывающие из Афин для разбирательства каких-либо дел, не должны проводить опись имущества в целях введения чрезвычайного военного налога – эйсфоры. Милетяне сами должны произвести оценку имущества друг друга, а сведения обязаны представить (к сожалению, не указано, какой инстанции) (line. 55–61). В декрете о Гестиэе предписано в некоторых случаях взимать эйсфору с жителей колоний (line. 23–25). При этом неясно, кто должен принимать решение о взимании налога – афиняне или гестиэйцы. Так, исследователь

М. Кэрри считает, что это могло быть народное собрание Гестиэи, а не Афин¹³. Таким образом, можно предположить, что эйсфора взималась различными должностными лицами и инстанциями, порядок взимания также различается. Такая несогласованность в действиях могла вызывать недовольство граждан. Однако, как показывают тексты надписей и сведения античных авторов, граждан возмущали не столько сама сумма налога и система его взимания, сколько то, что из чрезвычайного он превращался в постоянный, а также то, что военный налог стали взимать в мирное время.

В связи с этим хотелось бы сделать одно замечание. В историографии чаще всего речь идет о том, что эйсфора продолжала взиматься после Пелопоннесской войны, в мирное время, хотя по сути оставалась чрезвычайным, военным налогом¹⁴. Однако с тем положением, что в Аттике после завершения военных действий между Афинами и Спартой была спокойная обстановка, вряд ли можно согласиться. Тексты надписей, датированные серединой IV в. до н. э., постоянно содержат предписания на случай военных действий или явно демонстрируют ситуацию, когда земли Аттики были подвержены нападению врагов (IG. II². № 2492, line. 7–9; № 2499, line. 14–17)¹⁵. В.П. Бузескул в своей монографии по истории афинской демократии обращает внимание на тот факт, что в Афинах после окончания Пелопоннесской войны мир был установлен весьма условно, повсеместно вспыхивали военные действия и отряды спартанцев продолжали причинять беспокойство мирным жителям¹⁶. Таким образом, можно предположить, что у должностных лиц были основания считать обстановку в полисе чрезвычайной, практически военной, а потому во взимании эйсфоры они не видели ничего экстраординарного.

На основе рассмотренных сведений надписей об аренде общественных земель и нарративных источников можно сделать некоторые выводы. Налогоплательщиками эйсфоры являлись не только частные граждане, но и административно-территориальные подразделения полиса (демы) и общественные организации (оргены). Ответственность за уплату эйсфоры несли как частные лица, так и весь гражданский коллектив. Уплата эйсфоры проводилась в соответствии с оценкой стоимости имущества (земельные участки, дома, хозяйственные помещения и т. д.). Недовольство участников аренды, по-видимому, мог вызвать не размер эйсфоры, а то, что ее уплата становилась постоянной практикой. Чрезвычайный налог, введенный в годы Пелопоннесской войны, продолжал сохраняться и после ее завершения.

-
- ¹ *Майер К.* Как афиняне финансировали свои общественные структуры / Общ. ред. и пер. Б.Е. Ланина. М., 1992. С. 56.
- ² *Хэммонд Н.* История Древней Греции / Пер. Л.А. Игоревского. М., 2003. С. 560.
- ³ См.: *Глускина Л.М.* Эйсфора в Афинах в IV в. до н. э. // Вестник древней истории. 1961. № 2. С. 23; *Jones A.H.* Athenian Democracy. Oxford, 1964. P. 57.
- ⁴ *Верещагин С.Г.* Политика налогов в Древней Греции // Проблемы современной экономики. 2006. № 1 (17). С. 6.
- ⁵ *Андреев В.Н.* Аттическое общественное землевладение V–III вв. до н. э. // Вестник древней истории. 1967. № 2. С. 55.
- ⁶ Небольшие сведения относительно уплаты эйсфоры общественными организациями содержатся у М. Финли и Л.М. Глускиной (см.: *Finley M.I.* Studies in land and credit in ancient Athens 500–200 B.C. New Brunswick, 1952. P. 276).
- ⁷ *Jones N.F.* The Associations of classical Athens. Oxford, 1999. P. 80.
- ⁸ Ю.Б. Устинова отмечает, что центральные места в рамках деятельности этих объединений занимали не только жертвоприношения в честь какого-либо бога или героя, но и активное участие в экономической жизни полиса: *Устинова Ю.Б.* Частные культовые сообщества у греков (Аттика VI–IV вв. до н. э.) // Быт и история в античности. М., 1988. С. 198. Возможно, проявление финансовой активности оргеонов было связано с тем, что среди них (особенно изначально) было немало иностранцев, стремившихся укрепить свое положение в полисе (см., напр.: *Хэммонд Н.* История древней Греции. М., 2003. С. 81).
- ⁹ *Фролов Э.Д.* Греция в период поздней классики. СПб., 2001. С. 46.
- ¹⁰ *Jones A.H.* Op. cit. Note 28.
- ¹¹ *Меланченко И.В.* Афинская демократия. М., 2007. С. 185.
- ¹² Там же. С. 202.
- ¹³ *Cary M.* Athens and Hestiaea. Oxford, 1979. P. 245.
- ¹⁴ *Will E.* Histoire grecque. Bulletin historique (1973–1975) // Revue historique. 1977. Vol. XXXIV. P. 381–383.
- ¹⁵ В надписи об аренде земли эксонейцев сказано: «В случае каких-либо беспорядков или разрушений, вызванных войной, дем эксонейцев получает право только на половину выращенной продукции» (IG.II². № 2492, line. 7–9). В договоре о сдаче в аренду земельного участка тейтрасийцев говорится: «Ежели враги причинят вред арендатору участка, отдавать тейтрасийцам половину дохода с участка» (IG.II². № 2499, line. 14–17).
- ¹⁶ *Бузескул В.П.* История афинской демократии. СПб., 2003. С. 419.

Е.Б. Баринава

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ С НАРОДАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Статья посвящена целостному анализу форм и этапов формирования и развития этнокультурных отношений Китая с народами Центральной Азии в древности и Средневековье. Направления, характер, масштабы и интенсивность междивизиционных контактов определяются объективными факторами, такими как древность, самобытность и потенциал соприкасающихся культур, общественно-политическая обстановка, развитие средств коммуникации и т. д.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, древность, Средневековье.

Для реконструкции формирования отношений на первоначальном этапе в древнейшее время важны данные антропологических исследований, палеоэкологии и археологии материалов периодов палеолита и неолита.

Антропологические исследования позволяют разобраться в таких важных и сложных проблемах, как роль монгольских, китайских, тюркских, тунгусо-маньчжурских, тибето-бирманских, иранских, арабских и других народов в формировании этнического состава населения Восточной и Центральной Азии; пути происхождения различных расовых компонентов; характер их смешения, дробления и взаимовлияния в разные исторические периоды. Накопленный к настоящему времени опыт изучения дисперсии и динамики антропологического состава населения Восточной и Центральной Азии свидетельствует о том, что дифференциация краниологических комплексов в этом регионе протекала зонально¹. Следовательно, и ареалы синхронно расширяющихся культур,

и ареалы антропологических общностей перекрывали друг друга и иногда простирались широтно через весь Евразийский материк. Это обусловливало поликомпонентность самих культур и антропологического состава их носителей.

В эпоху неолита на востоке и в центре Азиатского континента стали постепенно формироваться самостоятельные, причем совершенно разные, культурные районы. Возникновение и развитие каждого типа культуры в древности обуславливается прежде всего природным окружением и способами адаптации. Сформировались основные разграничительные линии зон северной кочевой культуры, земледельческой культуры на Среднекитайской равнине и южной поливной земледельческой культуры. При всех различиях между центральной равниной и Южным Китаем они не носят принципиального характера, в то время как между Среднекитайской равниной и северо-западным кочевым миром эти различия значительны. Разделение на две разные сферы – кочевую и земледельческую сопровождалось неизбежным взаимодействием и взаимопроникновением. Проявлением этого стало возникновение промежуточных буферных зон между двумя формами культуры. Специфика рельефа составляла важную предпосылку и условие взаимообогащения обеих культурных зон. Хотя процесс усвоения материальной и духовной культуры обеих сторон шел параллельно, тем не менее именно пища и предметы материального производства представляли особый интерес для соседей. Различия приемов выполнения художественных образов, а также смена набора этих образов и связанных с ними систем абстрактно-геометрических орнаментов позволяют говорить о значительных процессах этнокультурных изменений в Центральной Азии и Северном Китае в период, разделяющий неолитическую и бронзовую эпохи. Под воздействием природно-экологической среды на восточно-евразийском континенте происходило пересечение путей эволюции двух цивилизаций, когда мирные контакты сменялись конфликтами. Взаимодействие культур было не только исторически возможно, но и жизненно необходимо.

Таким образом, можно говорить о том, что формирование отношений между древнейшим населением Восточной и Центральной Азии было результатом общеисторического развития в соответствии с экологическими условиями.

Переход к эпохе бронзы знаменует собой новый этап в развитии отношений Восточной и Центральной Азии, поскольку исторически сложившиеся контакты становятся зависимыми от необходи-

мости взаимообмена культурными и техническими достижениями. На этом этапе наибольшее значение приобретают коммуникативные возможности народов степи и лесостепи Евразии. Данные антропологических исследований свидетельствуют, что на территории Центральной Азии активные взаимные контакты можно зафиксировать с 700 г. до н. э., а в Южной Сибири – с начала бронзового века². Изобретение повозки, колесницы и верховой сбруи в значительной степени повлияло на облик культур и этническую ситуацию в степях Евразии. Обобщая известные к настоящему времени данные, условно можно выделить три эпохи. 1 – эпоха повозок (4–3 тыс. до н. э.), когда многие культуры, в первую очередь скотоводческие, стали более подвижными, поскольку использовали колесный транспорт. 2 – эпоха колесниц (2 тыс. до н. э.), когда происходит дальнейшее развитие наиболее оптимальных форм скотоводства; изобретение упряжной сбруи и колесниц разных типов, что в значительной степени увеличило мобильность и агрессивность многих степных культур Евразии; выделение ремесла, прежде всего формирование центров металлообработки. 3 – эпоха первых всадников (1 тыс. до н. э.), когда степные культуры осваивают коня под верховую езду; меняются формы ведения хозяйства (вертикальное или круглогодичное кочевание комплексных стад), создаются удобные легкочереносимые жилища и утварь, набор всаднического вооружения и т. п., которые быстро распространяются в степных культурах от Урала до Монголии. Формируются основные направления культурных связей: на север – с таежными племенами, на юг – с земледельческими от Китая до Индии и на запад. Этот процесс создал предпосылки для налаживания отношений между этими регионами.

Что касается времени бронзового и начала железного века Китая, охватывающего эпохи Шан-Инь и Чжоу, то именно для этого периода можно наиболее наглядно рассмотреть доказательства автохтонности формирования его культуры или явно выявить черты взаимовлияний с соседними культурами. Если предполагать, что культура Шан автохтонна, то следует ожидать, что на территории Китая этого и предшествующего периода археологами будут обнаружены те следы постепенного эволюционного развития от неолита до бронзы, которые могли бы надежно связывать эту культуру с предшествовавшими. Но, несмотря на большую работу, проделанную археологами, таких следов пока не найдено. Решая вопрос о том, как и когда бронза появилась на территории Восточной Азии, следует учитывать, что в начале 2 тыс. до н. э. недалеко от границ

Китая (в Северной Индии, Центральной Азии, включая Южную Сибирь) уже существовали культуры бронзового века. Бронзовая культура Шан-Инь появляется в Китае без предшествовавшей эволюции. Типологический анализ китайских изделий (формы бронзовых изделий и «звериный стиль» в орнаменте) и исследование состава китайской бронзы выявили параллели с предметами степных культур³. Находки в погребениях на севере Синьцзяна указывают на контакты с афанасьевской культурой Южной Сибири, а ее влияние отмечено с начала 2 тыс. до н. э. Таким образом, возможно, что в первой половине 2 тыс. до н. э. одна из самых ранних бронзовых культур Китая, культура Цицзя, могла перенять технологию бронзовой металлургии от культур в Саяно-Алтайском регионе Южной Сибири⁴.

Все это позволяет нам говорить о значительных преобразованиях на грани начала бронзового века в Китае, а главное, видеть в художественных бронзах закономерный показатель перемен. Примером такого преобразования традиций может служить появление в иньское и раннежоуское время колесниц, лошадей в качестве упряжных животных для колесниц, их снаряжения, оружия колесничных бойцов. Китайцами колесницы впервые стали применяться в эпоху Инь в XIV–XII вв. до н. э. Вместе с колесницей в Китае в эпоху Шан-Инь появилось множество развитых типов бронзового оружия – ножи, топоры, втульчатые наконечники копий и т. п. Изучение иньского бронзового оружия показало, что наиболее развитые типы его не имеют прототипов среди каменных орудий китайского неолита и морфологически восходят к более примитивным типам некитайского бронзового оружия Центральной Азии, Сибири и других районов Евразии. Кроме того, изучение бронзовых ножей карасукского типа, которые прежде считались результатом китайского влияния в Сибири, показало, что влияние было обратным. Еще более наглядно это видно на примере втульчатых орудий (кельты, наконечники копий), которые появились одновременно с колесницей и, как явствует из специальных исследований, могли прийти только с Запада. Важным материальным доказательством наличия сложившихся этнокультурных контактов народов Восточной и Центральной Азии могут служить находки нефритов в этих регионах. Находки из памятников, исследованных в провинции Ганьсу, свидетельствуют, что этот район представлял собой передаточную зону инфильтрации на юг культурных достижений народов центральноазиатского круга, в частности «звериного стиля» в искусстве. Именно тогда складывались многие стереотипы

поведения и мышления китайцев, которые четко проявлялись затем на протяжении столетий.

Этнокультурные контакты Китая с населением центральноазиатских регионов продолжали активно развиваться и в следующие эпохи. Археологические данные свидетельствуют о том, что благодаря этим отношениям через скифских посредников, с помощью кочевых народов Сибири на территории империи появились и предметы из железа, и наиболее ранний метод выплавки этого металла⁵. Но все технические и технологические особенности были изобретены и добавлены уже самими китайцами, преобразовав первоначальную идею, функции и возможности этого материала.

В результате исследования взаимоотношений Китая с населением степной зоны Центральной Азии в период бронзового и раннего железного века мы приходим к выводу, что они были определяющими для появления в Восточной Азии бронзолитейного и железоплавильного производства, распространения одомашненных лошадей, транспорта, многих видов вооружения и т. д. Однако последующее преобразование позволило им настолько внедриться в материальную культуру, что они стали частью китайской традиции. Этнокультурные контакты с западным миром в этот период способствовали формированию у китайцев разработанной стратегии, касающейся сферы отношений с окружающими народами до раннеханьской эпохи. Начиная с этого времени политика по отношению к соседним народам состояла в том, чтобы приобщить их элиту к китайскому образу жизни, возбудить интерес к китайским товарам, добиться того, чтобы все китайское приобретало в обществе особую ценность и значение. Насколько такого рода политика была реализована, можно наблюдать на многочисленных исторических примерах взаимоотношений с центральноазиатскими народами в более поздние периоды.

Начиная со II в. до н. э. связи Китая с Западом становятся регулярными и четко выражаются в нескольких основных разновидностях: формируется Великий шелковый путь, появляются посольско-договорные и торговые отношения, осуществляются различные походы, отчасти завоевательные. В целом делаются попытки распространить влияние империи на государства Центральной Азии и даже «китаизировать» отдельные группы населения этого региона.

Характерными для древнего Китая можно считать два основных типа межгосударственных отношений: в основе первого лежит концепция «ди го» – «равных государств», второй базируется на

конфуцианской доктрине «мироустроительной монархии», которая рассматривала все другие страны в качестве потенциальных данников по отношению к Китаю. Именно эта синоцентрическая концепция и теория этнокультурного превосходства жителей «Срединных царств» над окружающим окраинным миром «варваров четырех стран света» стала распространяться на межгосударственные отношения и дипломатию Китая со странами и народами, расположенными за его пределами. Третий важный принцип отношений с западными государствами, основанный на взаимовыгодном, прежде всего торговом, сотрудничестве, сложился под влиянием реальной обстановки, когда для Китая стали возможны отношения с развитыми государствами Центральной Азии в эпоху Средневековья.

В частности, особенно интенсивные этнокультурные контакты китайцев с народами Центральной Азии осуществлялись за счет функционирования торговых трасс Шелкового пути. Можно с уверенностью сказать, что на формирование торговой дороги оказали влияние несколько факторов: во-первых, маршруты следовали по более древним дорогам миграций, хорошо известным по предыдущим мирным и военным контактам; во-вторых, учитывалась безопасность пути, которая зависела как от климатического и географического факторов, так и от возможности избежать нападения местных племен; в-третьих, было необходимо наличие инфраструктуры.

Помимо торговли важным аспектом этнокультурных взаимодействий были дипломатические контакты, которые сопровождались активным обменом посольствами и дипломатическими миссиями, а следовательно, и подношением подарков и такие дипломатические приемы, как заключение договоров, гарантии которых обеспечивались заложничеством или династийными браками.

Важным элементом развития отношений между империей и Центральной Азией было проникновение новых религиозных учений в Китай, которое явилось прямым результатом расширения торговых контактов. В свою очередь, распространение буддизма, зороастризма, манихейства, несторианства и др. в Китае способствовало активизации торговли на Шелковом пути.

Однако с развитием отношений с отдаленными государствами Центральной Азии и далее на Запад для Китая этого периода остается актуальным вопрос взаимоотношений с соседним кочевым населением Центральной Азии. Политика Китая в отношении окружающих его кочевых народов, прежде всего Центральной

Азии, значительно различалась в разные исторические эпохи, хотя стратегия всегда была одна – максимально расширить сферу влияния на окружающие территории и в то же время обезопасить население своего государства от внешней агрессии. На начальном этапе Китай решал эту задачу, стремясь отдалить кочевников от своих границ и максимально отгородиться от их проникновения. Однако защита границ с использованием оборонительных сооружений требовала больших материальных затрат и не приносила желаемых результатов. Тогда политика в отношении кочевников была пересмотрена и использована новая тактика борьбы с кочевниками – переселение кочевых племен на приграничные территории Китая. Их задачей было оборонять приграничные территории от внешних вторжений других кочевников. Начиная с этого времени проблема этнокультурных контактов затрагивает сферу отношений с некитайскими народами на территории самого Китая в период раннего Средневековья. Именно с этого времени начинает проявляться особенность китайской цивилизации, заключающаяся в том, что все привнесенные элементы постепенно адаптируются, синизируются и становятся элементами самой китайской культуры.

Отдельным вопросом можно выделить проникновение китайской материальной культуры на территорию Южной Сибири, ее влияние на формирование местных традиций. Важными аспектами в налаживании тесных контактов между Китаем и южносибирскими народами были географическое положение и исторически сложившийся характер экономических и культурных связей с этим регионом. Товары китайского производства попадали сюда в качестве трофеев или даров, в результате натурального обмена или торговли⁶. В зонах столкновения культур, находящихся на разных хозяйственных и социальных уровнях развития, группы, стоящие на более низкой стадии общественно-экономического развития, начинают проявлять стремление к общественной консолидации, к реорганизации своей общественной структуры, переходу от отдельных самостоятельных и относительно независимых кочевых племенных групп к централизованным социальным образованиям. Именно такого рода явления и возникают в хуннской (сюннуской) среде, когда китайские династии в процессе своей взаимной борьбы и нарастающей внутренней консолидации усиливают вооруженное давление на кочевые племена Ордоса, Ганьсу и других районов китайского пограничья. Исследование импортных китайских изделий с памятников северной Центральной Азии гунно-сарматского времени проявило следующие аспекты: во-первых,

основная часть находок обнаружена среди материалов хуннской, саргатской и таштыкской культур; во-вторых, китайский импорт делится на две категории: предметы массового использования (зеркала, монеты, некоторые изделия из лака и шелка) и предметы роскоши (изделия из бронзы, парадное оружие, парадная шелковая одежда и аксессуары и т. д.); в-третьих, китайский импорт оказывает значительное влияние на развитие местных традиций.

Исходя из результатов исследования, можно реконструировать два механизма культурного взаимодействия между сибирскими народами и Китаем. Один из них основан на хунно-таштыкской традиции взаимоотношений. Наличие китайских импортных изделий у рядовых соплеменников, большое количество подражаний, сделанных местными ремесленниками, строительство укрепленных городов, появление земледелия и свиноводства, ирригации, особых традиций погребального обряда и т. д. говорят о значительном культурном проникновении китайской традиции и ее влиянии. С другой стороны, саргатский вариант контактов, который можно установить только по наличию предметов роскоши, скорее всего, подразумевал только торговые отношения.

Связи с Китаем в конечном счете оказали большое влияние на появление и развитие оседлого земледельческого хозяйства у местных кочевников, например, у хуннов, поскольку, постепенно осваивая основы китайского ремесла и строительного дела, они со временем начали создавать собственные оседлые поселения. Влиянием земледельческих традиций можно объяснить появление некоторых специфичных обрядов у скотоводов. Однако наличие определенного типа материальных объектов хотя и позволяет говорить об импорте символично-мистических элементов Китая, но не свидетельствует о целостном импорте религиозных представлений. Следы проникновения элементов китайской культуры были отмечены и в изобразительном искусстве, например в орнаментике: изображения борьбы ящерообразного дракона с двумя тиграми, изображение рогатого и крылатого волка, криволинейный узор в виде параллельных спиралей, концентрических кругов, полуовалов и т. д. Они нанесены при росписи гипсовых масок, вырезаны на костяных, деревянных и берестяных изделиях, которые уже сами по себе составляют инновации в местной материальной культуре. В качестве элемента возможного китайского влияния на культуру Южной Сибири можно выделить ритуал захоронения в могильниках кукол-манекенов, масок, погребальных деревянных моделей кинжалов в ножнах, луков, древков стрел, зачастую окрашенных

в красный цвет. Подобные погребальные обычаи широко распространены в Китае и отражены в археологических материалах, письменных источниках, в китайской этнографии. К китайским технологиям восходит рецепт изготовления глины для специфических южносибирских сосудов «кыргызских ваз». Их качество глины, техника, форма и печатная орнаментация воспроизводят китайские приемы. Большое количество таких ваз, обнаруженных в Южной Сибири, свидетельствует о тесных отношениях проживающего здесь населения с Монголией и Китаем. Широко практиковалось изготовление местных подражаний китайским изделиям, например зеркалам. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди большого количества различных зеркал местные мастера выбирали для копирования лишь несколько близких им по орнаментальным мотивам. Обогащаясь за счет танских, сасанидских и в целом центральноазиатских мотивов, мастера вырабатывали свой собственный стиль. Такие зеркала найдены на северных границах Китая, на Алтае, Енисее, в Туве.

Мы можем с уверенностью утверждать, что этнокультурное взаимодействие стало решающим фактором в появлении земледелия, оседлых поселений и некоторых видов ремесла и строительного дела у кочевых народов центральноазиатского региона (усуней, хуннов и т. д.). Китайцы познакомили народы Центральной Азии с изделиями из лака, церемониальными зонтами, некоторыми видами украшений, в том числе нефритовыми, новыми орнаментальными мотивами и узорами на шелку, зеркалах, изделиях из серебра, керамике и т. д. Проникновением значительного числа китайских элементов можно объяснить инновации в традиционных областях материальной культуры: появление новых типов зеркал практически на всей территории Центральной Азии; «сино-кхарошских» монет в Восточном Туркестане и центральноазиатских, отлитых по китайскому образцу и технологии; некоторых видов домашней утвари – низких деревянных столиков, плетеных изделий, керамической селадоновой и фарфоровой посуды, бронзовых котлов, металлических ухверток-булавок, пинцетов; украшений и т. д. Немаловажное значение имеет китайский компонент в сфере центральноазиатской культуры, связанной с буддизмом.

На основании археологического материала четко прослеживаются периодичность и интенсивность китайско-центральноазиатских контактов. Активное внедрение восточноазиатских компонентов в центральноазиатскую культуру отмечено вплоть

до середины VIII в. (потеря Китаем контроля над большей частью западного отрезка Шелкового пути). Дальнейшие этнокультурные контакты Китая с сельскохозяйственными народами Центральной Азии отмечаются спорадически.

Наиболее интенсивные контакты китайской цивилизации с народами Южной Сибири приходится на периоды хуннского преобладания в Центральной Азии (со II в. до н. э. до III в. н. э.) и существования Кыргызского государства (VII–XI вв. с перерывами), которые совпали по времени с усилением китайской империи и осуществлением наиболее успешной политики в Восточном Туркестане. Восточноазиатское влияние на материальную культуру южносибирских народов было незначительным в периоды ослабления китайского государства и противодействия межцивилизационным контактам со стороны кочевых народов жуань-жуаней и тюрков (III–VI вв.), Уйгурского каганата (конец VIII – начало IX в.), монгольских племен (с начала XIII в.). Посредничество киданей и чжурчжэней (XI–XII вв.) в контактах Китая с южносибирскими народами значительно ограничило проникновение влияния его культуры на Север, но способствовало появлению корейских и японских изделий в этом регионе⁷.

Собранные нами данные позволили достаточно уверенно выявить главное направление и результат этнокультурного взаимодействия Китая и Центральной Азии с древности до начала XIII в. Усвоение лучшего в культуре других стран, в частности строгий отбор достижений инокультурной цивилизации, стало одним из факторов развития Китая и народов Центральной Азии. Однако приоритетное положение во взаимоотношениях Восточной и Центральной Азии в период после начала функционирования Шелкового пути занимает Китай.

Исследование формирования и развития этнокультурных контактов Китая с народами Центральной Азии в древности и Средневековье позволяет проследить, как эти отношения проявились в развитии контактирующих сторон.

Для сельскохозяйственных оазисов Центральной Азии отношения с Китаем оказали принципиальное влияние на появление и развитие новых отраслей местного производства. Это прежде всего внедрение шелководства и шелкоткачества (Соغد), технологии выплавки железа (Фергана), изготовления бумаги; культивирование риса, персиков, абрикосов, корицы и т. д.

Отношения с сильной оседло-земледельческой цивилизацией (в данном случае с Китаем) оказали принципиальное влияние на

экономическое, политическое и культурное развитие степных народов Евразии.

В экономическом аспекте кочевники во многом зависят от оседлого населения. Конечно, кочевой образ жизни предполагает необходимость довольствоваться минимальными жизненными удобствами, но общение с оседлым населением, у которого их гораздо больше (продукты земледельческого труда, ремесленные товары и т. д.), стимулирует кочевников улучшить и свои условия жизни. Способов добиться этого несколько – торговля с близлежащими оседлыми народами, требование дани, периодические рейды или завоевание. Однако эти действия легкоосуществимы только в том случае, если соседнее оседлое население слабо и плохо подготовлено к отпору внешней агрессии. Соответственно, соседствование кочевников с сильными государствами, такими, например, как Китай в некоторые периоды своего развития, вынуждает их создавать межплеменные организации и даже империи.

Фактически здесь можно наблюдать и политическую зависимость (второй аспект), которая проявляется в данном случае в том, что организованность и усиление оседлого населения стимулируют развитие тех же процессов и у кочевого с определенными этнокультурными особенностями. Более того, управление большим объединением кочевых народов требует использования административных навыков, которые также часто заимствуются у соседей. Это способствует появлению оседлости у кочевой элиты и части населения.

Третий аспект – культурный. Формирование больших, сильных кочевых империй из населения, имевшего разные религиозные представления, способствовало выработке или принятию мировоззрения, обеспечивавшего духовное единство входивших в это объединение народов во главе с верховным лидером.

В отношениях Китая с народами Центральной Азии можно выделить два ключевых направления – отношения с земледельческими оседлыми цивилизациями и отношения с кочевой периферией.

Что касается оседлых народов, то очевидно, что отношения строились исходя из взаимовыгодных приоритетов. Во-первых, это торговые отношения, начало которым было положено частными купцами и путешественниками, пытавшимися реализовать свои интересы, расширяя представления об окружающем мире. Именно благодаря им наладились первые контакты и были проложены наиболее удобные пути в соседние регионы, исходя из

эколого-географической ситуации того времени. Когда контакты стали регулярными и начали приносить реальный доход, сначала соседние государства, а потом и отдаленные стали использовать их в своих геополитических интересах. Так налаживаются дипломатические отношения, сопровождающиеся организацией всего спектра договорных услуг, материальное подтверждение которым археологические исследования открывают на территориях Китая и западного мира. В свою очередь, развитие торгово-экономических и этнокультурных отношений происходит исходя из политической ситуации.

Иначе этнокультурные контакты складываются у Китая с кочевой периферией. И здесь следует учитывать несколько принципиально важных аспектов. Во-первых, кочевники не признавали государственных границ, полагая, что могут пользоваться благами всего окружающего пространства, до которого в состоянии добраться. Свобода в покорении окружающего мира может быть ограничена только силой сопротивления их набегам теми, кто эти территории уже освоил. Исходя из этого, складывается противоречие кочевых и оседлых народов.

Территории Центральной Азии, включая северный южносибирский регион, и западных рубежей Восточной Азии, с точки зрения экологической ситуации, являются наиболее показательным примером такого противоречия между кочевниками и оседлыми земледельцами. Соседствование территории кочевников с границами Китая, до которых им зачастую добраться быстрее и легче, чем даже пересечь свою степь, создавало условия для регулярных набегов на приграничные сельские общины. Кочуя на большие пространства, перенимая и создавая свои виды оружия, постоянно упражняясь в военном деле, кочевники, безусловно, превосходили китайскую армию в мобильности и в уровне технического оснащения вооружением. Соответственно, китайцы были вынуждены постоянно приспосабливаться и реформировать свою армию. Например, отказаться от использования боевых колесниц в пользу кавалерии, поскольку лошади кочевников превосходили их скоростью передвижения и нападения. Для освоения верховой езды потребовалось использование другого стиля одежды. И китайцы вынуждены начать применять атрибуты кочевого одяния – длинные брюки и короткие куртки, закрепленные пряжками и ремнем с крючками. Естественно, китайцы украшают и инкрустируют эти предметы, исходя из своих художественных представлений, однако по сути это все тот же стиль кочевников.

Присутствие кочевников на западной и северной периферии Китая вынуждает его постоянно находить новые способы защиты своих владений. Это могут быть и укрепление военной обороны (постройка Великой стены, реформирование армии и попытка внедрить у себя лучшие на то время средства вооружения, позаимствованные опять же у кочевников), и способы использования вражды между разными племенами кочевников (политика «покорения варваров руками варваров» или переселение кочевников сначала на границы, а потом и в пределы своего государства), и политика завлечения кочевой элиты выгодами мирной «дружбы» (дарение дорогих подарков и выплачивание дани, пусть даже в завуалированной форме), и другие средства. В зависимости от внутренней обстановки в государстве все эти средства использовались в разные периоды с переменным успехом. Естественно, многие достижения кочевой цивилизации были приняты и адаптированы в культуре Китая, что значительно расширило его возможности и в общении с другими цивилизациями Запада.

Для Китая эти отношения явились ключевыми в том, что именно в процессе решения задачи найти оптимальную форму сосуществования с окружающими народами были выработаны принципы его уникальности, основанные на политике мудрого лавирования, синизации, умения адаптировать и преобразовать чужие достижения в своих интересах. Это обеспечило сохранение внутреннего стержня китайской культуры в разных исторических условиях.

Примечания

¹ *Keates S.G.* Home Range Size in Middle Pleistocene China and Human Dispersal Patterns in Eastern and Central Asia // *Asian Perspectives*. 2004. Vol. 43. № 2. P. 227–247.

² *Lalueza-Fox C., Sampietro M.L., Gilbert M.T., Castri L., Facchini F., Pettener D., Bertranpetit J.* Unravelling migrations in the steppe: mitochondrial DNA sequences from ancient Central Asians // *Proceedings of The Royal Society of London. Biological Series*. 2004. P. 941–947.

³ Использование олова и мышьяка в составе бронзы (см.: *Черных Е.Н.* Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2008. № 3 (35). С. 36–53).

⁴ *Xiang Wan.* Early Development of Bronze Metallurgy in Eastern Eurasia // *Sino-Platonic Papers*. 2011. № 213. P. 4.

- ⁵ *Wagner D.B.* The Earliest Use of Iron in China // *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*. 2003. Vol. 75. P. 127–169.
- ⁶ Типологию и описание китайских импортных изделий из раскопок археологических памятников на территории Центральной Азии см.: *Барина Е.Б.* Влияние материальной культуры Китая на процессы инкультурации Средней Азии и Южной Сибири в домонгольское время. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 52–137. Табл. 3, 6, 8–9, 10–13, 15, 16.
- ⁷ *Барина Е.Б.* Влияние Китая на культуру народов Южной Сибири в домонгольское время // *Вестник Российского ун-та дружбы народов*. Сер. «История России». 2012. № 3. С. 99–113.

И.Е. Ермолова

«ВАРВАРСКИЙ АСПЕКТ» ВОССТАНИЯ ПРОКОПИЯ

В статье анализируется проблема участия варварских племен в восстании Прокопия 365–366 гг. и их союза с римскими провинциалами.

Ключевые слова: Римская империя, варвары, восстание, узурпация, провинции, провинциалы, войны.

Восстание Прокопия 365–366 гг. в восточной части Римской империи не обойдено вниманием исследователей античности. Ход событий одной из многочисленных попыток узурпации высшей власти в IV в. разобран в работах XIX–XX вв.¹, в том числе и на русском языке². Ученые, занимавшиеся этим вопросом, постарались использовать все доступные источники. Но некоторые аспекты данной проблемы остаются дискуссионными и не имеют однозначного решения. К ним относятся задача интерпретации сообщений древних авторов о составе участников восстания и особенно – проблема взаимоотношений населения римских провинций и представителей пришлых народов в ходе конкретных событий, связанных с Прокопием.

Аммиан Марцеллин подробно знакомит своих слушателей и читателей с этим человеком: «Прокопий происходил из знатной фамилии; родом он был из Киликии, где и получил воспитание. Родство с Юлианом (*propinquitate Iulianum... contingebat*), который стал впоследствии императором, помогло его выдвижению, и уже с первого своего выступления на общественном поприще он был на виду. В частной жизни и характере он отличался сдержанностью, был скрытен и молчалив. Он долго и превосходно служил нотарием

и трибуном и был уже близок к высшим чинам. После смерти Констанция во время переворота он, как родственник императора (*imperatoris cognatus*), возымел надежды на высшее положение и был включен в число комитов»³. Принадлежность к роду Константина отмечают и другие древние авторы⁴. Будучи нотарием, Прокопий выполнял важные поручения императора Констанция II (*Amm. Marc.* XVII. 14. 3; XVIII. 6. 17). Во время персидского похода Юлиан «отрядил, как имелось это в виду по его военному плану, 30 тысяч отборных солдат и поставил их под начальство упомянутого выше Прокопия, к которому он прикомандировал с равными полномочиями комита Себастиана, бывшего дукса Египта» (*Amm. Marc.* XXIII. 3. 5; XXV. 8.7; 16). После сдачи Нисибиса «Прокопий получил приказ отправиться с останками Юлиана и предать их погребению в предместье Тарса, как распорядился сам Юлиан при жизни. Отправившись в путь с телом императора, Прокопий сразу после похорон исчез, и его не могли нигде найти, несмотря на самые тщательные поиски, пока он не появился вдруг, уже значительно позже, в Константинополе в пурпурной одежде императора» (*Amm. Marc.* XXV. 9. 12–13). Аммиан Марцеллин передает слухи о том, что Юлиан при жизни назначил Прокопия своим преемником: «Рассказывают, что перед жертвенником без свидетелей он передал тайно своему родственнику (*propinquo suo*) Прокопием пурпурный плащ, поручив ему немедленно захватить верховную власть, если будет получена весть о его смерти в Персии... При вступлении в Персию Юлиан оставил его вместе с Сабинианом, предоставив последнему одинаковые права, в Месопотамии во главе значительных военных сил и поручил ему, как гласил смутный слух, – с уверенностью никто этого не утверждал, – действовать сообразно тем обстоятельствам, о которых узнает, и если бы до его сведения дошло, что римское дело постигла в Персии неудача, позаботиться о провозглашении себя императором. Без всякого высокомерия и с большой осмотрительностью он исполнял возложенные на него обязанности. Когда же он узнал, что Юлиан был смертельно ранен и умер, что Иовиан получил верховную власть и что при этом распространился ложный слух, будто Юлиан при своем последнем издыхании высказывал желание, чтобы руль управления государством доверен был Прокопию, он стал бояться, как бы его не настигла по этой причине казнь без суда, и решил скрыться. И так как Прокопий узнал, что его разыскивают весьма усердно, то, желая уклониться от бремени жестокой вражды, удалился в неизвестные отдаленные местности»⁵. Некоторые современные исследователи

считают, что такая легенда могла появиться уже после начала восстания и даже могла быть сознательно инициирована самим Прокопием или его окружением для создания легитимности претензий на высшую власть⁶.

По своему положению и происхождению, а также в связи с обстоятельствами, в которые он попал – жить спокойно все равно не давали – Прокопий имел основания бороться за власть. И только Фемистий в речи, обращенной к Валенту и произнесенной после подавления последним восстания Прокопия, по вполне понятным причинам стремился принизить этого человека: «Когда враждебный богам человек, всю жизнь проживший в участи писца от пнала и чернил, возмечтал дерзнуть о власти над римлянами, – гибельный из гибельных, сущий Тифон из киликийского Корика...» (*Them. Or. VII. 86*). «Его никогда не считали хорошим исполнителем, но завистником и преступником» (*Them. Or. VII. 90*).

Узурпация Прокопия продолжалась с 27 сентября 365 г. по 27 мая 366 г. Началась она с провозглашения его императором в Константинополе, события развивались в окрестностях столицы, провинциях Вифинии, Геллеспонте и Фракии.

Одна из трактовок данных событий заключается в том, что накануне восстания вестготов на Дунае в 378 г. «здесь уже бурлила народно-освободительная борьба, встречавшая поддержку вторгавшихся варваров и сливавшаяся с этими вторжениями. Главным центром этой борьбы сделалась Фракия, как показывают события, связанные с восстанием узурпатора Прокопия. <...> Его восстание поэтому получило характер широкой народно-освободительной борьбы против римского порабощения при поддержке варварских племен, пришедших из-за Дуная»⁷.

Приведенный тезис состоит из двух очень серьезных утверждений: одно – об основном составе восставших, другое – о взаимоотношениях населения Римской империи и пришлых народов, каждое из которых требует тщательного анализа источников. В данном случае внимание будет сосредоточено на второй проблеме, так как по первому вопросу иная точка зрения высказана во многих работах⁸.

Хорошо известен факт обращения Прокопия к тервингам: «Когда Прокопий был побежден во Фригии и внутренние раздоры прекратились, магистр конницы Виктор был отправлен к готам, чтобы определенно установить, на каком основании народ, дружественный римлянам и связанный договором прочного мира, оказал поддержку человеку, начавшему войну против законных государей. В качестве полного оправдания своего образа действий готы

представили письмо самого Прокопия, который заявлял, что он принял верховную власть, принадлежащую ему как близкому члену Константинова рода» (*Amm. Marc.* XXVII. 5. 1). Аммиан Марцеллин говорит о трех тысячах тервингов (*Amm. Marc.* XXVI. 10. 3). Об этом сообщают и другие авторы (*Eun.* Fr. 37). Принять участие в сражениях тервинги не успели.

Посылка вспомогательных войск федератами по требованию римлян была обычным явлением в IV в.⁹ В составе войск узурпатора были еще *auxilia* (*Amm. Marc.* XXVI. 8. 5), в этих вспомогательных отрядах тоже могли служить варвары-наемники. Но такого же рода войска находились и под властью императора Валента. Множество командиров и солдат, соблазненные «надеждой на огромные награды (*spe praemiorum ingentium*)» (*Amm. Marc.* XXVI. 6. 13), сначала перешли на сторону Прокопия, а потом, «заботясь о всякой выгоде (*attenti ad omne compendium* [*Amm. Marc.* XXVI. 6. 14])», вернулись к законному императору. Продажность позднеримской армии проявлялась в IV в. неоднократно. Среди тех, кто резко и быстро менял свою политическую ориентацию в 365–366 гг. и известен по именам, были и римляне, и германцы (Агилон, Гомоарий, Вадомарий), но и те и другие были на военной службе.

А.Д. Дмитриев считал Фракию главным центром восстания Прокопия, потому что там было много недовольных грабительской налоговой политикой тестя Валента Петрония¹⁰, но, по сведениям Аммиана Марцеллина, Петроний бесчинствовал во всех владениях Валента (*Amm. Marc.* XXVI. 6. 6–9), да и во Фракии, кроме осады Филиппополя (*Amm. Marc.* XXVI. 10. 4–6), боевые действия не велись. А.Д. Дмитриев полагал, что Прокопий «набирал себе силы именно в этой провинции, где было много варваров – солдат, колонов и рабов, “стонавших под одинаковым бременем”. Эти внутренние варвары, потерявшие под небом империи свою свободу и угнетаемые свыше меры, играли видную роль в восстании Прокопия. Они стекались под его знамена со всех сторон, увлекаемые надеждами освободиться от невыносимого гнета империи»¹¹. С этой позицией полностью солидаризируется И. Хан, дополнительно несколько раз ссылаясь на мимолетное замечание в одной из рецензий Е.М. Штаерман¹².

Не ставя под сомнение тяжелое положение жителей Римской империи, хотелось бы соотнести высказанное утверждение со свидетельствами источников. Цитата, включенная в него, – из текста Аммиана, правда, у него речь идет о страдающих от гнета Петрония провинциалах и солдатах (*provincialium et militum paria*

gementium – *Amm. Marc. XXVI. 6. 9*). Историк явно сокрушается о судьбе свободных жителей государства и тех, кто ему служит. Относительно тех, кто окружал Прокопия, он пишет следующее: «Поставщики провианта, придворные служители, настоящие и бывшие солдаты, отбывшие срок службы в военных частях и обратившиеся уже к более спокойной жизни, были привлечены, одни против воли, другие в согласии с ней, к сомнительной судьбе неожиданного претендента» (*Amm. Marc. XXVI. 7. 1*), то есть это были люди, так или иначе связанные с армией, безотносительно к месту проживания. Фракия, по словам Аммиана Марцеллина, беспокоила Прокопия, так как там стояли военные силы, которые могли быстро подавить мятеж, поэтому он хитростью заманил в Константинополь командовавшего ими комита Юлия. «Посредством этого ловкого обмана приобретено было без пролития крови воинственное население Фракии и тем самым получена была великая подмога в мятежных предприятиях» (*Amm. Marc. XXVI. 7. 5*). Социальный и этнический состав *bellatrices Thraciae gentes* не расшифровывается, и в дальнейшем в боевых действиях они не участвуют. И заявление Г.Л. Курбатова: «Фракийское крестьянство (*agrestes*) упорно отстаивало свою свободу, находя поддержку среди поселенных на границах империи готов-федератов, а близость свободной варварской периферии позволяла им рассчитывать и на поддержку варваров из-за рубежа»¹³, трудно подтвердить источниками, как в первой части, так и особенно во второй.

Современниками восстания Прокопия помимо Аммиана Марцеллина были известные ораторы Фемистий и Симмах, произносившие речи перед императорами в 366/7 и 369 гг. Ни тот ни другой не упоминают о варварах, хотя в IV в. особенно ценились победы над варварами¹⁴. Фемистий, призывая Валента к милосердию по отношению к побежденным, говорит, «что <это присуще> варварам – непрерывно преследовать римлян, а у римлян применительно к римлянам должна существовать <определенная> мера – <возможность> исправить <допущенную> ошибку» (*Them. Or. VII. 94*), и далее упоминает тех, кто перешел к Валенту: «можно перечислить “по разрядам” <привлеченных тобой на свою сторону> – отдельно стратегов, отдельно таксиархов, многих лохагов, илы лучников, илы всадников, <участников> “большого совета”» (*Them. Or. VII. 97*). Квинт Аврелий Симмах называет Прокопия *gebellis exul* и личным врагом Валентиниана I¹⁵.

Единственный автор, который сообщает, что Прокопия обеспечили значительным количеством воинов «отряды римлян и варваров

(Ῥωμαίων τε γάρ τάγματα καὶ βαρβάρων αὐτῷ πλῆθος προσετιθετο), а также «приходили и другие варварские племена – с тем, чтобы принять участие в предпрятии (καὶ ἄλλα δὲ βάρβαρα ἔθνη συνῆει μεθεΐοντα τῆς ἐγχειρήσεως)», – это Зосим (*Zos. IV. 7. 1–2*). Предположение А.Д. Дмитриева, что «словами “πλῆθος βαρβάρων” Зосим обозначил массу варваров-поселенцев внутри Фракии»¹⁶, не следует из текста¹⁷: в нем идет речь об отрядах и из римлян, и из варваров, выше уже говорилось о составе римской армии в IV в.

Сочинение Зосима – позднее. По поводу датировки его «Новой истории» продолжаются дискуссии в широком диапазоне от середины V в. до середины VI в.¹⁸, но большинство исследователей склоняются к началу или двум первым десятилетиям VI в.¹⁹ Это произведение – очень неровное по своей ценности. Степень достоверности той или иной части исторического труда серьезно зависит от тех источников, которые лежат в его основе, и множества других объективных и субъективных факторов.

Описание Зосимом узурпации Прокопия изобилует неточностями²⁰. В частности, он называет гораздо большее количество присланных из-за Истра готов – 10 тысяч (*Zos. IV. 7. 2*). Все исследователи склоняются к меньшей цифре, считая сведения Зосима преувеличенными²¹. Далее, по данным Зосима, Прокопий сначала подкупает гарнизон Константинополя, состоявший из двух отрядов (*Zos. IV. 5. 4*), а потом – легионы, проходившие через него (*Zos. IV. 6. 3*), но в столице не было гарнизона²², Аммиан Марцеллин сообщает только о двух направлявшихся во Фракию подкупленных легионах (*Amm. Marc. XXVI. 6. 12*). Своего родственника Марцелла Прокопий с отрядом отправил в Вифинию, где он и действовал (*Amm. Marc. XXVI. 10. 1*). По Зосиму же, Марцелл участвовал и в осаде Кизика (*Zos. IV. 6. 5*), хотя там отличился трибун Ализон (*Amm. Marc. XXVI. 8. 9–10*). По Зосиму, у Марцелла нашли какое-то царское одеяние, переданное ему Прокопием (*Zos. IV. 8. 4*). Таким образом, в сочинении Зосима можно заметить некое удвоение событий в развитии восстания.

Довольно экзотически Зосим описывает предысторию восстания. Если Аммиан Марцеллин сообщает, что Прокопий скрывался от преследователей в неизвестных местах, а потом пробрался в Халкедон (*Amm. Marc. XXVI. 6. 4*), по версии Зосима, «избранные самодержцы Валентиниан и Валент (они и прежде смотрели на него с подозрением) сейчас же послали <людей>, которые должны были захватить <его>. Он же, предав себя в их руки и позволив делать, что им угодно, выговорил право сначала поговорить с женой

и повидать детей. Когда они позволили это, он <велел> приготовить им угощение. Увидев, что они напились, <Прокопий> вместе со своими родственниками бежал на Понт Эвксинский, а оттуда, поднявшись на корабль, прибыл в Херсонес Таврический. Там он провел некоторое время и увидел, что тамошним жителям доверять нельзя, и опасался, как бы его не выдали сыщикам, отправленным на его поиски. Заметив плывущее мимо грузовое судно, он вверил ему себя и своих родственников. Он достиг Константинополя еще затемно» (*Zos. IV. 5. 1–2*). Один из современных исследователей справедливо усматривает в этом красочном описании «привкус греческого романа»²³. Подавляющее большинство ученых, занимающихся данным вопросом, опираются на текст Аммиана, даже не упоминая версию Зосима²⁴.

Кажется, привкус греческой новеллы присутствует не только в этом эпизоде, но и во всем рассказе, связанном с Прокопием. Так, в период кампании 367 г., войны с тервингами, поводом к которой послужила отправка готов Прокопию, была проведена локальная операция. По сведениям Аммиана Марцеллина, Валент отправил в рейд магистра пехоты Аринфея с отрядом, и они захватили несколько семей тервингов, не успевших укрыться (*Amm. Marc. XXVII. 5. 4*). У Зосима, видимо, о том же событии сохранился гораздо более красочный рассказ с явно поспешной концовкой, так как впереди были еще два военных сезона. «Поскольку они не осмеливались сойтись <с римлянами> в рукопашной, но укрылись в болотах и совершали оттуда скрытные нападения, <Валент> приказал солдатам оставаться в стране и, собрав сколько было можно челяди (οἰκετικὸν) и стражей (φυλακῆν), которым он <раньше> поручил охрану пожитков, пообещал некоторую <сумму> золотом тому, кто принесет голову врага. Охваченные жадной наживы, проникнув в леса и болота, все сразу же стали убивать тех, кто им встречался; и, показывая головы зарезанных, получали положенное <вознаграждение>; когда таким образом было убито большое число <врагов>, оставшиеся стали просить императора о мире» (*Zos. IV. 11. 2–3*).

Вероятно, следует прислушаться к тем, кто считает, что, «читая “Новую историю”, надо с большим усердием отделять зерна от плевел. У Зосима много правды, хотя она и смешана с большим количеством басен»²⁵.

Учитывая все вышесказанное и молчание других источников о заметном участии варваров в восстании Прокопия, трудно счесть достоверными свидетельства Зосима. Представляется, что

говорить о том, что «складывается союз народных низов империи с варварами»²⁶, тем более не приходится. Население римских провинций воспринимало чужаков как завоевателей и относилось к ним соответствующим образом. В одном из сохранившихся фрагментов произведения Евнапия хорошо отражено отношение к готам, шедшим на помощь Прокопию: «Говорили тогда, что приближающиеся скифы были высокомерны, что они презирали всякого, кто им встретится, были склонны к бесчинствам и обидам и со всеми вели себя заносчиво и дерзко»²⁷. Свидетельство Аммиана о помощи, оказанной готам в 378 г. дедитициями или пленниками (*Amm. Marc.* XXXI. 6. 5), не может подкрепить тезис о союзе местного населения и варваров, так как дедитиции в качестве социальной группы происходят из варваров, не говоря уж о пленниках.

Утверждение А.Д. Дмитриева: «Тот массовый террор, который Валент обрушил на Фракию после подавления восстания, ясно свидетельствует о широких размерах освободительной антиримской борьбы фракийского населения, поддерживавшего Прокопия. Валент послал карательную экспедицию под начальством Виктора и Аринфея усмирить Фракию и наказать готов, поддерживавших освободительную борьбу. Это был настоящий разбойничий поход императора против своих подданных, новая война империи против фракийского народа. В то время как часть римских войск ворвалась во внутренние области готов, другая чинила кровавую расправу во Фракии»²⁸, верно только по отношению к готам. Все боевые действия велись за границами Римской империи, на левом берегу Дуная, на территории же Фракии усиленно укреплялись защитные сооружения²⁹. Террор был направлен, как ярко свидетельствует Аммиан Марцеллин, на лиц из окружения Прокопия: «...началось свирепое преследование причастных к делу и в отношении многих гораздо более жестокое, чем того требовали их заблуждения или проступки», с огромным количеством злоупотреблений. «И не было никакого предела этим ужасным бедствиям, пока сам император и его близкие не пресытились деньгами и кровью» (*Amm. Marc.* XXVI. 10. 6–14).

Таким образом, свидетельства источников не позволяют говорить о широком участии варварских племен в восстании Прокопия и тем более о союзе римских провинциалов с варварами.

- ¹ См., напр.: *Rubin B.* Prokopios von Kaisareia // *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. 23. Hibd [45]. Stuttgart, 1957. S. 252–256; *Folkerts Dr.M.* Prokopios // *Der Kleine Pauly*. Bd. 5. Stuttgart, 1965. S. 1164; *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire (284–602). Oxford, 1964. Vol. 2. P. 1033; *The Cambridge Ancient History*. Vol. 13 / Ed. by A. Cameron, P. Garnsey. Oxford, 2008. P. 89–91; *Lenski N.* Failure of Empire. Valens and the Roman State in the Fourth Century A. D. Berkeley; Los Angeles, 2002. P. 68–115; *Гиббон Э.* История упадка и крушения Римской империи / Пер. с англ. В.Н. Неведомского. М.; СПб., 1994. С. 291–294.
- ² См.: *Дмитрев А.Д.* Восстание вестготов на Дунае и революция рабов // *Вестник древней истории*. 1950. № 1. С. 66–80; *Хан И.* К вопросу о социальных основах узурпации Прокопия // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. Т. 6, fasc. 1–2. Budapest, 1958. С. 199–211; *Курбатов Г.Л.* Восстание Прокопия (365–366 гг.) // *Византийский временник*. 1958. Т. 14 (39). С. 3–26; *он же.* К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия (365–366 гг.) // *Византийские очерки*. М., 1961. С. 64–92.
- ³ *Amm. Marc.* XXVI. 6. 1; см. также: XXVII. 5. 1 (*Ammiani Marcellini*. *Rerum gestarum libri qui supersunt* / Ed. W. Seyfarth. Vol. 1–2. Leipzig, 1978. Перевод здесь и далее по изд.: *Аммиан Марцеллин*. Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб., 1996).
- ⁴ *Eun.* Fr. 34. 3 (*Eunapius*. *Text and Translation* // *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus* / Ed. and transl. by R.C. Blockley. Vol. 2. Liverpool, 1983); *Them.* Or. VII. 92: «...человеком, Константином прикрывавшимся и бесстыдно соблазнявшим других его именем» (*Themistii*. *Orationes quae supersunt* / Rec. H. Schenkel, opus consumm. G. Downey et A.F. Norman. Vol. 1–2. Leipzig, 1965–1971). Выражаю глубокую благодарность А.С. Ванюкову за возможность использовать его неопубликованные переводы Фемистия и Зосима.
- ⁵ *Amm. Marc.* XXIII. 3. 2; XXVI. 6. 2–4; см. также: *Zos.* IV. 4. 2; III. 12. 5 (*Zosimus*. *Ora* / Ex rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1837).
- ⁶ *Lenski N.* Op. cit. P. 70.
- ⁷ *Дмитрев А.Д.* Указ. соч. С. 69–70.
- ⁸ См. примеч. 1.
- ⁹ *Буданова В.Л.* Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 2001. С. 182.
- ¹⁰ А.Д. Дмитрев называет Петрония префектом претория, но таковым в это время был Небридий (*Amm. Marc.* XXVI. 7. 4).
- ¹¹ *Дмитрев А.Д.* Указ. соч. С. 69.
- ¹² *Хан И.* Указ. соч. С. 200, 207 (*Штаерман Е.М.* M. Pallasse. *Orient et Occident. A propos du Colonat Romain au Bas-Empire*. Lyon, 1950. P. 93 // *Византийский временник*. 1953. Т. 7 (32). С. 327, 329).
- ¹³ *Курбатов Г.Л.* Восстание Прокопия... С. 7, 17.
- ¹⁴ *Lenski N.* Op. cit. P. 138.

- ¹⁵ *Symm. Or. I. 17, 19 (Q. Aurelii Symmachi. Orationum quae supersunt / Ed. by O. Seeck, 1883; reprinted Munich, 2001).*
- ¹⁶ *Дмитрев А.Д.* Указ. соч. С. 69. И. Хан пишет: «Совершенно правильна точка зрения советских исследователей, которая в восстании Прокопия видит движение малоазийских крестьян, наемников-варваров, колонистов и рабов» (*Хан И.* Указ. соч. С. 207). Варвары-наемники действительно были, рабы тоже (*Them. Or. VII. 99*), а о крестьянах и колонистах источники умалчивают.
- ¹⁷ *Буданова В.П.* Указ. соч. С. 183.
- ¹⁸ *Каждан А.П.* Zosime, Histoire nouvelle. T. 1 (livres I et II) / Texte établi et traduit par F. Paschoud. P., 1971 // Вестник древней истории. 1975. № 4. С. 166.
- ¹⁹ См.: *Scavoni D.C.* Zosimus and his Historical Model // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 11. Durham, 1970. P. 57; *Goffart W.* Zosimus, the First Historian of Rome's Fall // The American Historical Review. 1971. Vol. 76. P. 421; *Ridley R.T.* Zosimus the Historian // Byzantinische Zeitschrift. 1972. Bd. 65. S. 280; *Paschoud F.* Zosime, Eunape et Olympiodore, Témoins des Invasions Barbares // Das Reich und die Barbaren / Hrg. E.K. Chrysos und A. Schwarcz; Veröffentlichungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Bd. 29. Wien, 1989. S. 181; *Удальцова З.В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., 1974. С. 93; *Козлов А.С.* Некоторые аспекты «проблемы варваров» в «Новой истории» Зосима // Античная древность и средние века. Сб. 14. Свердловск, 1977. С. 52.
- ²⁰ Со времени первого научного издания не ослабевают поток упреков в адрес Зосима в связи с небрежностью, различного рода ошибками и искажениями, обнаруженными в его тексте (*Goffart W.* Op. cit. P. 413); перечень таковых в одной из статей занимает десять страниц мелким шрифтом (*Ridley R.T.* Op. cit. P. 293–302).
- ²¹ В.П. Буданова пишет: «...можно сказать, что или Зосим, упоминая о 10 тыс. воинов, пришедших на помощь Прокопию, увеличил их число, или часть готов успела уйти в свои земли до того, как император Валент направил против них карательную экспедицию...» (*Буданова В.П.* Указ. соч. С. 184).
- ²² *Ridley R.T.* Op. cit. P. 300; *Lenski N.* Op. cit. P. 71.
- ²³ *Lenski N.* Op. cit. P. 71. Д. Скейвони обратил внимание на другой пассаж Зосима, в котором также используется мотив спаивания стражи (*Zos. II. 27*), и считает, что можно усмотреть в этом влияние Геродота, ср.: *Her. II. 121 (Scavoni D.C.* Op. cit. P. 59–60).
- ²⁴ Редким исключением является Э. Гиббон, который излагает именно ее: *Гиббон Э.* Указ. соч.
- ²⁵ *Болгов Н.Н.* Зосим – последний античный историк // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 164.
- ²⁶ *Курбатов Г.Л.* Восстание Прокопия... С. 3.
- ²⁷ *Eunap.* Fr. 37 (перевод С.Ю. Дестуниса по изд.: Византийские историки: Дексипп, Эвнаний, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. Рязань, 2003).
- ²⁸ *Дмитрев А.Д.* Указ. соч. С. 70.
- ²⁹ См.: *Ермолова И.Е.* Война императора Валента с тервингами // Вестник РГГУ. 2013. № 13 (114). Серия «Исторические науки. Всеобщая история». С. 38–50.

Д.В. Обрезкова

ПОСТОЙНАЯ ПОВИННОСТЬ
В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
НАЧАЛА IV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ V в.
(по данным Кодексов Феодосия и Юстиниана)

В статье сделана попытка выявить все положения, регламентирующие институт постоя в позднеимперском законодательстве IV – начала V в. н. э. Рассмотрена позднелатинская терминология, используемая для обозначения института постоя. Выявлены основные категории лиц, имевших право пользоваться постоем. Охарактеризованы обязанности домовладельца по отношению к постояльцу, а также основные категории льгот, касавшиеся освобождения от постоянной повинности. Кроме того, сделана попытка выявить общие тенденции эволюции института постоя.

Ключевые слова: поздняя античность, *hostpitiu*, *hospitalitas*, постоя, повинность, Кодекс Феодосия, Кодекс Юстиниана.

Период IV – первой трети V в. стал временем консолидации политической власти Поздней Римской империи, сумевшей выйти окрепшей из «кризиса III века». Обратной стороной этого успеха стали тенденция к повышению степени бюрократизации власти и рост фискального бремени. Постоянная повинность, одна из многих обязательных для исполнения римскими налогоплательщиками, являлась одной из самых тяжелых. Ее широкое распространение было связано с увеличением численности армии и ростом государственного аппарата. Применение практики постоя было призвано решить проблему расквартирования как войск, так и огромного количества должностных лиц, передвигавшихся по империи. Эта практика приобрела повседневный характер, а потому неудивительным представляется наличие многочисленных правовых норм, регламентирующих несение постоянной повинности

и зафиксированных в позднеримском законодательстве. Именно эти нормы и являются главным источником моего исследования.

Историография проблемы не столь обширна, как это может показаться на первый взгляд. Разумеется, институт постоя упоминается во многих общих работах по истории Поздней Римской империи¹, а также в исследованиях по отдельным вопросам политической, экономической и правовой истории². Кроме того, сущность института постоя рассматривается в многочисленных исследованиях, посвященных расселению варваров-федератов на территории Западной Римской империи³, ведь, согласно распространенной точке зрения, моделью здесь могла послужить именно позднеримская постоянная повинность⁴. Однако специальных исследований, где был бы рассмотрен институт постоя в его первоначальном варианте, насколько мне известно, не существует, что уже само по себе обуславливает научную актуальность проблемы.

Важнейшим источником по истории института постоя является позднеримское законодательство; его материал и будет главным образом использован мной ниже. Хронологические же рамки моего исследования определяются содержанием важнейшего правового памятника той эпохи – Кодекса Феодосия, в который вошли императорские законы (конституции) со времен Константина I (306–337) (приблизительно от 312 г.) и до момента обнародования свода восточным императором Феодосием II Младшим (402–450) (438 г.). Составленный комиссией юристов под руководством квестора священного дворца Антиоха, кодекс сохранял значение вплоть до появления свода Юстиниана⁵. В составе этой кодификации интересующие меня конституции вошли в состав специального титула – C.Th. VII.8 «О постое»; кроме того, отдельные нормы (прежде всего касающиеся предоставления льгот при несении постоянной повинности) представлены в других частях свода. При этом часть императорских постановлений 312–438 гг. по разным причинам не была включена в кодификацию Феодосия, однако затем вошла в Кодекс Юстиниана. Состав специального титула, посвященного регламентации постоянной повинности, – C.XII.40 «О постое и компенсации за освобождение от него», включает 8 конституций периода начала IV – первой трети V в., одна из которых не вошла в состав свода Феодосия. Кроме того, значимую проблему составляет учет различий между текстами конституций, вошедших в оба кодекса. При этом, как и в случае свода Феодосия, нормы, регламентирующие несение постоянной повинности, не ограничиваются лишь одним титулом.

Прежде всего коснусь проблемы позднеримской правовой терминологии, употребляемой для обозначения постоянной повинности. Начну с того, что титул VII.8 в кодексе Феодосия, посвященный постое, называется «*De metatis*» (о постое); параллельный ему титул XII.40 в кодексе Юстиниана, посвященный тем же вопросам, называется «*De metatis et epidemeticis*» (о постое и компенсации за освобождение от поста). Получается, что в названиях обоих ключевых титулов постой обозначается словом *metatum* (или *metata* во множественном числе), которое, по всей видимости, происходит от глагола *metari* – измерять (т. е. речь идет об отмерении определенной части дома под постой). Однако, несмотря на то, что слово *metatum* фигурирует в названиях обоих титулов, в текстах самих законов, изданных в рассматриваемый период, оно встречается крайней редко – всего три раза в двух конституциях (CTh. VII.8.15, VII.8.16), причем обе эти конституции не вошли в Кодекс Юстиниана.

Гораздо чаще для обозначения поста используются слова *hospitium* и *hospitalitas*, а также различные слова от того же корня (например, *ius hospitale* – право поста⁶, *hospitari* – останавливаться на постой⁷, также многократно встречается слово *hospes*, которое может обозначать как хозяина, принимающего постояльца⁸, так и самого постояльца⁹). В целом в обоих кодексах в конституциях, изданных с 312 по 437 г., слова с этим корнем встречаются более 40 раз, причем все эти употребления встречаются исключительно в контексте поста (исключение составляет только одна конституция из кодекса Феодосия (CTh. XIV.9.1), где под *hospitia* подразумевается место проживания в чужом городе).

Периодически для обозначения того же круга явлений используются и другие конструкции: *meritum habitationum*¹⁰ (право на проживание, т. е. право на постой), *recepti habitaculi causa*¹¹ – принятые ради жилья, т. е. постояльца; кроме того, иногда встречаются различные формы глагола *manere*, например, “*intrare praedium manendi causa*” («вступить в имение для того, чтобы остановиться там на постой»)¹².

Какие же категории лиц имели право останавливаться на постой? Хотя в литературе интересующий меня институт, как правило, упоминается в связи с постоем войск¹³, однако на деле причины востребования постоянной повинности этим далеко не ограничивались. Об этом свидетельствует, в частности, выражение из конституции CTh. VII.8.5: “*nos ipsi... vel ii, qui nobis militant*” («мы сами либо

те, кто нам служат»). Получается, что под это определение попадают как сам император с его двором (императорский двор – *comitatus* – упоминается прямым текстом в конституции СTh. VII.8.8), так и солдаты и все государственные чиновники (как известно, под термином *militia* применительно к рассматриваемому периоду подразумевается не только военная, но и любая государственная служба¹⁴). Вообще при обозначении потенциального постояльца, как правило, фигурируют либо различные формы глагола *militare*, либо однокоренные слова: *vir militaris* (СTh. VII.8.5 = XII.40.2), *milites* (СTh. VII.8.13, VII.9.2, XIII.3.16), *hospites militares* (СTh. XIII.3.10).

Содержание лиц всех этих категорий ложилось на плечи домохозяйств, главы которых входили в число обязанных нести постоянную повинность. При этом постояльцу следовало предоставить треть домовладения¹⁵. Сама процедура подробно регламентирована уже упоминавшейся конституцией СTh. VII.8.5, изданной в 398 г. и вошедшей в оба кодекса. Домовладение делилось на три части: первую часть имел право выбрать хозяин дома, далее из оставшихся двух частей постоялец выбирал свою треть, последняя часть тоже оставалась хозяину. Мастерские, находившиеся при доме (если таковые имелись), делению не подвергались, но если треть, полагающаяся постояльцу, не имела конюшни, он мог потребовать часть помещения мастерской для содержания животных. При этом если постоялец обладал достоинством сиятельного мужа, ему полагалась не треть, а половина дома.

Должен ли был хозяин дома кормить постояльца и его животных? Конституция СTh. VII.8.10 дает однозначный негативный ответ: законодатель запрещает требовать у хозяина еду и что-либо (*aliquid*) еще. Более того, под страхом наказания домовладельцу запрещалось предоставлять постояльцу какие-либо дополнительные услуги даже по собственной инициативе. Видимо, такие суровые меры были вызваны тем, что на практике постояльцы нередко злоупотребляли своим положением, а предоставление им дополнительных услуг превращалось в прецедент, в свою очередь вызывавший недовольство налогоплательщиков. Эта же конституция запрещает постояльцам останавливаться в чужих домах дольше, чем нужно, чтобы не разорять чужих владений.

Вообще содержание большей части конституций, вошедших в состав титула «О постое», сосредотачивается не на том, что хозяин должен предоставить постояльцу, а, наоборот, на том, чего постоялец требовать не должен. Конституция СTh. VII.8.12 содержит весьма туманное распоряжение о том, чтобы никто не требовал «частной

службы» (*privatum*) от хозяина дома. Возможно, это понятие несколько проясняет изменение, внесенное в текст рассматриваемой конституции в Кодексе Юстиниана, куда она вошла в несколько измененном виде (СJ. XII.40.6): в поздней версии постояльца запрещается требовать у хозяина доступа в баню (*balneam quisquam*); видимо, это (или нечто подобное) подразумевалось и под *privatum*.

Кроме того, всяким ограничениям того же рода в Кодексе Феодосия посвящен небольшой титул VII.9 «*De salgamo hospitibus non praebendo*» («О припасах, которые не следует предоставлять постояльцам»). Он состоит из четырех конституций, изданных в период с 340 по 416 г. В них в разных формулировках повторяется одна и та же мысль: постояльцам нельзя требовать у хозяина подушки (матрасы), дрова и растительное масло (все это подразумевается под обобщающим понятием *salgamum*). Законодатель подчеркивает, что находящимся на службе достаточно императорских щедрых раздач (СTh. VII.9.4: «*militibus nostrae sufficient largitates*»); под этими «щедрыми раздачами», скорее всего, подразумевается аннона. Тот факт, что одна и та же норма повторяется с различными интервалами четыре раза, видимо, свидетельствует о том, что постояльцы регулярно стремились ее нарушить. Правда, в отличие от ситуации со съестным, здесь хозяину разрешается безнаказанно предоставить перечисленные продукты добровольно, если у него есть такое желание.

Говоря о возможных злоупотреблениях со стороны постояльцев, которые пресекаются законодательством, следует упомянуть конституцию СTh. VII.8.15, изданную в 430 г.: в ней запрещается требовать постоя в том случае, если сам предполагаемый постоялец владеет собственным домом в соответствующем городе (правда, скорее всего, в этой конституции речь идет только о столичных городах – Константинополе (Восток) или Равенне (Запад)).

Как правило, под постой предоставлялись частные дома, и большинство конституций направлено на регламентацию отношений постояльцев и хозяев этих домов. Однако несколько раз встречаются упоминания о возможности постоя в общественных зданиях; впрочем, в большинстве случаев законодатель запрещает использовать их для этой цели. В конституции СTh. VII.8.13, изданной в 422 г., речь идет о расквартировании воинов в башнях новой городской стены Константинополя (т. е. в стене Феодосия). Дважды (СTh. VII.8.6, VII.10.2) упоминается постой судий в претории (т. е. в резиденции наместника провинции). Конституция СTh. VII.8.2 запрещает останавливаться на постой в синагогах и других

религиозных постройках. Наконец, конституция CTh. VII.10.1, вышедшая в 405 г., запрещает кому бы то ни было останавливаться на постой в императорских дворцах (что кажется вполне логичным), но конституция CTh. VII.10.2, изданная двумя годами позже, смягчает этот запрет: постой во дворце разрешается *iudices ordinarii* (т. е. наместникам провинций) в тех городах, которые не имеют здания претория (т. е. резиденции претора – императорского наместника).

В кодексах Феодосия и Юстиниана содержится достаточно много правовых норм, регулирующих различные льготы, касающиеся постоянной повинности. Титул VII.8 «О постое» в кодексе Феодосия открывается законом, запрещающим останавливаться на постой в домах сенаторов вопреки их желанию¹⁶ (кстати, эта норма в кодекс Юстиниана не вошла). Другие льготы, вошедшие в титулы, посвященные постое, в обоих кодексах, как правило, не так щедры: речь по большей части идет не о полном, а о частичном освобождении. Согласно конституции CTh. VII.8.3, экс-префектам, экс-магистрам пехоты и конницы, экс-комитам консистория, а также бывшим препозитам священной опочивальни разрешается освободить от постоя один дом, в котором живут они сами. Конституция CTh. VII.8.16 немного расширяет эту льготу: если у них есть два дома в Константинополе, их оба разрешается освободить от постоя. В этой же конституции консулярам дается право освободить от постоя один из своих домов. Кроме того, в этой конституции содержатся пространные и достаточно запутанные нормы относительно того, что происходит с льготой после смерти этих лиц, когда их дома переходят по наследству (общий смысл состоит в том, что льгота сохраняется, но в урезанном виде). Также освобождение от постоя дается домам оружейников, кроме тех случаев, когда в соответствующем городе останавливаются сам император и его двор (CTh. VII.8.8). От постоя полностью освобождаются и имения императора, чтобы было проще привлекать туда арендаторов (CTh. VII.8.9).

Перечисленные льготы фигурируют в титулах, непосредственно посвященных постое. Однако помимо них всякого рода послабления отдельным категориям граждан в том, что касается постоянной повинности, встречаются и в других титулах. По большей части они касаются придворных, а также отдельных категорий профессионалов (врачи, профессора), которые полностью освобождались от постоя. Так, например, законодатель устанавливает это в отношении придворных врачей-архиатров, а также врачей, практикующих в городе Рима, учителей словесности и живописи (CTh. XIII.3.18), клириков (CTh. XVI.2.8), грамматиков (соответствующая консти-

туция в Кодекс Феодосия не вошла, но она встречается в кодификации Юстиниана: С.Х.53.6), риторов, учителей философии (СTh. XIII.3.16), императорских постельничих (см. С.ХII.5.2; в СTh. конституция не сохранилась) и силенциариев (СTh. VI.23.4).

В заключение следует коснуться вопроса об этапах складывания института постоя в его зрелых формах. Данные позднеримского законодательства IV – первой трети V в. (главным образом конституции, вошедшие в состав Кодекса Феодосия) свидетельствуют о том, что хотя сама по себе практика постоя возникла в период, предшествующий эпохе Поздней империи, в своих основных чертах исследуемый институт сложился именно в годы Домината. Этот процесс происходил отнюдь не равномерно. Судя по количеству конституций применительно к разным периодам, возникает ощущение, что ранее второй половины IV в. проблема обеспечения постоя воинов и должностных лиц не рассматривалась как требующая постоянного внимания законодателя.

Однако чем более обширным становился бюрократический аппарат центрального управления империей, тем чаще возникала нужда в задействовании исследуемого института. Процесс формирования соответствующего законодательства достиг пика своей активности после 390 г. Особо следует выделить конституцию 398 г., изданную императорами Аркадием и Гонорием (СTh.VII.8.5). Она ввела четкие нормы, регулирующие отношения хозяина дома и постояльца (включая требование предоставить последнему треть домохозяйства). В дальнейшем эти нормы не подверглись существенной корректировке, а лишь повторялись законодателем. В целом это наблюдение соответствует общим представлениям об основных направлениях эволюции систем государственного управления и военной организации Поздней Римской империи, утвердившихся в литературе¹⁷.

Примечания

¹ См.: The Cambridge Ancient History. Vol. 13. Cambridge, 1998. P. 320; Jones A.H.M. The Later Roman Empire 284–602: A social economic and administrative survey. Vol. 1. Oxford, 1964. P. 235–249; Demandt A. Geschichte der Spätantike: Das Römische Reich von Diocletian bis Justinian 284–656 n. Chr. München, 1998. S. 233; Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. СПб., 2003. С. 358.

² См., напр.: Halfmann H. Itinera principum: Geschichte und Typologie der Kaiserreisen im Römischen Reich. Stuttgart, 1986. S. 70, 74, 78, 89, 133–134; Clauss M. Der

- Magister Officiorum in der Spätantike (4.–6. Jahrhundert): Das Amt und sein Einfluss auf die Kaiserliche Politik. München, 1980. S. 19–20; *Neesen L.* Die Entwicklung der Leistungen und Ämter (munera et honores) im römischen Kaiserreich des zweiten bis vierten Jahrhunderts // *Historia: Zeitschrift für alte Geschichte.* 1981. Bd. 30. S. 203–235.
- ³ См., напр.: *Sivan H.* On Foederati, Hospitalitas and the Settlement of the Goth in A. D. 418 // *The American Journal of Philology.* 1987. Vol. 108. № 4. P. 759–772; *Wirth G.* Zur Frage der föderierten Staaten in der späteren römischen Kaiserzeit // *Historia: Zeitschrift für alte Geschichte.* 1967. Bd. 16. S. 231–251; *Barnish S.J.B.* Taxation, Land and Barbarian Settlement in the Western Empire // *Papers of the British School at Rome.* 1986. Vol. 54. P. 170–195; *Havet J.* Du partage des terres entre les romains et les barbares chez les Burgondes et les visigoths // *Revue Historique.* 1878. T. 6. Fasc. 1. P. 87–99; *Lot F.* Du régime de l'Hospitalité // *Revue Belge de Philologie et d'Histoire.* 1928. T. 7. P. 975–1011; *Goffart W.* Barbarians and Romans A.D. 418–584: The techniques of accommodation. Princeton, 1980. P. 164–177; *The Cambridge Ancient History.* Vol. 13. P. 524–525; *The Cambridge Ancient History.* Vol. 14. Cambridge, 2000. P. 112, 115.
- ⁴ См., напр.: *Barnish S.J.B.* Op. cit. P. 170; *The Cambridge Ancient History.* Vol. 13. P. 524–525.
- ⁵ Общие сведения о Кодексе Феодосия см., напр.: *Konnev A.B.* Кодификация Феодосия и ее предпосылки // *IUS ANTIQUUM.* Древнее право. 1996. № 1. С. 247–261; *The Theodosian Code / Ed. by J. Harries, I. Wood. L., 1993.* В настоящей работе использовано изд.: *Mommsen T., Meyer E., Krüger P.* Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmodianis. Berlin, 1901. Bd. 2. S. 27–906 (при ссылках – СTh). В СTh. вошли не все конституции 312–438 гг., ряд из них отразились в Кодексе Юстиниана (см.: *Corpus Iuris Civilis / Rec. P. Krueger.* Vol. 2: *Codex Iustianianus.* Berolini, 1906 (при ссылках – С.).
- ⁶ СTh. VII.8.1.
- ⁷ СTh. VII.8.4.
- ⁸ СTh. VII.9.3, СTh. VII.9.2, СTh. VII.8.10.
- ⁹ СTh. VII.8.9, СTh. VII.8.14, СTh. VII.8.16.
- ¹⁰ СTh. VII.8.2.
- ¹¹ СTh. VII.9.4.
- ¹² СTh. VII.8.7.
- ¹³ См., напр.: *Demandt A.* Op. cit. S. 233; *The Cambridge Ancient History.* Vol. 13. P. 320.
- ¹⁴ См.: *Calder W.M.* Militia // *The Classical Review.* 1910. Vol. 24. № 1. P. 10–13.
- ¹⁵ См., напр.: СTh. VII.8.5, СTh. VII.8.13.
- ¹⁶ СTh. VII.8.1.
- ¹⁷ См., напр.: *Bury J.* A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A. D. to 800 A. D.). T. 1. L., 1889. P. 39ss.; *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 284–602. Vol. 1. Oxford, 1964. P. 317–522; *Brown P.* The World of Late Antiquity: A. D. 150–750. P. 115–136. N. Y., 1971, etc.

Е.В. Булдакова

КОНЦЕПЦИЯ ВОЙНЫ В УСТАНОВЛЕНИЯХ «БОЖЬЕГО МИРА» ВО ФРАНЦИИ КОНЦА X – НАЧАЛА XII В.

В последней четверти X в. французская церковь стала инициатором движения, которое в середине следующего века получило название движения за «божий мир» (*pac Dei*). Усилия церкви прежде всего были направлены на борьбу с бесконечными междоусобными войнами, которые вели как крупные, так и мелкие сеньоры в условиях крайне ослабленной королевской власти. Но желание мира в это время оказалось парадоксально связано с войной. В рамках установлений «божьего мира» церковь была вынуждена разработать собственную концепцию «справедливой войны», что явилось значимым свидетельством неразрывности этих антагонистических феноменов. «Справедливая война» стала самым действенным способом достижения мира. Будучи дополненной новыми положениями в конце XI в. в связи с организацией крестоносного движения, идея «справедливой войны» обрела статус «войны священной», обратившись в дело римского престола.

Ключевые слова: «божий мир», «справедливая война», «божье перемирие», собор, канон, «священная война».

Одним из свидетельств движения, которое в течение всего XI в. определяло социальную жизнь французского королевства и тогда же получило название движения за «божий мир», является рассказ клюнийского монаха Рауля Глабера, приведенный в его «Истории своего времени в пяти книгах» (ок. 1040 г.). На страницах этой хроники Рауль описывает происходящие события следующим образом:

В 1000 году после Страстей Господних, когда голод, о котором мы писали, прошел и ливни стали менее разрушительными, небеса вновь явили свой радостный лик. <...> Вся земля процвела вновь и принесла изобилие плодов, так что всякая скудость исчезла. Тогда епископы, аббаты и прочие люди, посвятившие себя служению Церкви, стали собирать народы и устраивать соборы. На эти собрания они приносили останки святых и многочисленные реликвии. Сначала это сделали в Аквитании, которая послужила примером другим диоцезам, провинции Арля и Лиона, затем Бургундскому королевству и даже более отдаленным областям Франкской державы, где в заранее назначенных местах прелаты и князья собирали соборы для восстановления мира и утверждения веры. Когда люди услышали об этом, все, и великие, и средние, и малые, с охотой шли на эти собрания, готовые все повиноваться тому, что могут указать пастыри Церкви. <...> Ибо все помнили о недавних несчастьях и боялись, что они не смогут собрать явившийся изобильный урожай¹.

Подобные рассказы встречаются и в сочинениях других писателей, к примеру, в книге о чудесах св. Бенуа, написанной в 1043 г. монахом Андре Флерийским, и в жизнеописании св. Адальбера, составленном Жераром из Корби в 80-е годы XI в.² При существовании некоторых различий в представлениях об истории возникновения движения (Рауль, очевидно, считал, что люди собрались устанавливать мир, чтобы возблагодарить Бога за ниспосланные после постигших их невзгод благодеяния, Жерар из Корби, напротив, чтобы прекратить беды и вымолить у Бога прощение), названные авторы были едины в том, что причиной несчастий, обрушившихся на французское королевство на рубеже X–XI вв., являлось нарушение главного завета Господа – жить в мире, и соответственно не могли не приветствовать желание церкви восстановить согласие среди христиан.

Первой известной попыткой установления «божьего мира» во французском королевстве считается договор, заключенный около 975 г. на ассамблее близ селения Сен-Жермен-Лапраде³. Здесь Ги Анжуйский, епископ Ле Пюи, собрал на большом поле народ своего диоцеза и потребовал от сеньоров клятву, обязывающую хранить мир и не совершать насилия по отношению к церкви и бедным. Эта клятва, прежде всего, защищала людей, которые жили за пределами владений князей епархии, и в ней ничего не говорилось о судьбе тех, кто населял их собственные земли. Свои претензии к знати епископ объяснял тем, что в условиях приближающегося милле-

ниума всем христианам следует задуматься об искуплении грехов и побеспокоиться о вечном спасении, залогом которого на земле является мир. Изначально его призыв натолкнулся на непонимание и сопротивление аристократов, так как требование представителя церкви значительно ограничивало признание за рыцарским сословием право войны, непосредственно обеспечивающее существование и благоденствие этой социальной группы. Тем не менее Ги Анжуйскому удалось добиться согласия у сеньоров, прибегнув к самому действенному способу – помощи вооруженных отрядов своих родственников, графов Бриуда и Жеводана. За ассамблеей в Сен-Жермен-Лапраде последовал собор в Шарру (июнь 989 г.)⁴, на который съехались прелаты Аквитании под председательством Гомбо, архиепископа Бордо. Текст канонов этого собора сохранился и является первым документальным свидетельством средневековых собраний подобного рода. В статьях собора были осуждены разорители церквей, те, кто нападает на безоружных клириков, а также те, кто расхищает имущество крестьян и бедняков. В одной из них подробно перечислялись домашние животные, кража которых была запрещена: овцы, быки, ослы, коровы, козы, свиньи. Но при этом никаких определенных механизмов защиты людей синопод так и не выработал. В качестве наказания за нарушение клятвы мира собравшиеся в Шарру предусматривали исключительно церковные, соответственно малоубедительные для большинства сеньоров санкции. Следующий «собор мира» в Ле Пюи 990 г. взял под свою защиту такую категорию населения, как торговые люди. Кроме того, его участники разработали список действий, осуждаемых в период войны: в него входили запреты разрушать мельницы, разорять виноградники, нападать на человека, идущего или возвращающегося из церкви.

Одним из участников собора Шарру был аквитанский герцог Гийом V Железная Рука, который, на деле признав требования мира, впоследствии сам стал инициатором нескольких «соборов мира» в Лиможе и Пуатье в период с 1000 по 1014 г. На этих собраниях впервые наказание нарушителей порядка было объявлено частью юрисдикции князя.

В 994 г. движение за «божий мир» достигло Бургундии. Аббат монастыря Клюни Одилон на съезде духовенства призвал хранить мир между христианами и обозначил условия этого мира. Он потребовал от светской знати всячески избегать войн, призвал сеньоров к заключению союзов и соблюдению мира в церковные праздники, а также в субботные и воскресные дни. Таким образом,

Одилон возродил идею перемирия, которая была сформулирована и признана еще в каролингское время. Наиболее обстоятельным и полным в смысле определения условий «божьего мира» в этом герцогстве был собор в Верден-сюр-ле-Ду 1016 г.⁵ Его клятвы подразумевала как запрет отбирать определенное имущество, так и запрет нападать на людей во время войны. Прежде всего, запрещалось вторгаться в церковь, кроме как в целях преследования разрушителя мира и при условии не уносить из церкви других вещей, кроме снаряжения злоумышленника; нападать на безоружных клириков и монахов. Клятва также предусматривала защиту крестьян, их имущества и скота, под ее протекцией находились торговцы и слуги. Участники клятвы давали обязательство не обрезать виноградных лоз, не разрушать мельниц и не уносить находящийся в них урожай. Помимо прочего, клятва запрещала нападать на безоружных всадников в период с начала Великого поста и до Пасхи. Однако следует отметить, что этот обширный список запретов был снабжен не менее обширным списком оговорок, ограничивающих действие договора. Например, защита монахов и клириков распространялась лишь на тех из них, кто не имел при себе оружия и не являлся в данный момент участником преступления; в противном же случае дающий клятву имел право напасть на этих людей. Разрешалось сжигать и разрушать дома, если внутри них находились вооруженные всадники, являющиеся врагами сеньора либо ворами. Запрет отбирать скот распространялся только на животных, находящихся на пастбищах. Оговорка была сделана и по поводу соколиной охоты. Сеньор, дающий клятву, обязывался оплатить крестьянину только стоимость убитой домашней птицы. Таким образом, «благодаря» подобным уточнениям за аристократами даже в условиях признания правил «божьего мира» сохранялось множество прав.

В первом десятилетии XI в. идея «божьего мира» нашла свой отклик и в северных регионах французского королевства. В частности, «собор мира» в Орлеане 1011 г. рассматривал введение военных ограничений в присутствии самого короля Роберта Благочестивого. В 1023 г. большая часть запретов, утвержденных собором в Верден-сюр-ле-Ду, была представлена в формулах мирной присяги собора в Бовэ, составленной епископом Гереном⁶. Каноны собора традиционно запрещали сеньорам грабить церкви, расположенные на чужих землях, и совершать насилие по отношению к крестьянам, а также нарушать перемирие не только в субботние и воскресные дни, но и в период празднования Пасхи. При этом условия мира

в Бовэ позволяли убивать скот крестьян в случае необходимости прокормления сеньора и его свиты. По умолчанию признавалось и право сеньоров на кровную месть. К оригинальным статьям этой клятвы следует отнести подробно оговоренный запрет нападать на безоружных рыцарей, а также запрет нападать на женщин, которые отдельно в предыдущих мирных формулах не упоминались. Прежде всего, под ее протекцией оказывались женщины, которых не сопровождали мужья, а также вдовы и монахини. Кроме прочего, епископ Бовэ при участии епископа Бери Суассонского предложил создать сообщество мира во главе с прелатами.

Но условия такого «мира» устроили не всех представителей церкви. Главными противниками клятвы в Бовэ стали епископы Адальберон Ланский и Жерар Камбрейский. На ассамблее в Компьене, созванной 1 мая 1023 г. Робертом Благочестивым, Жерар Камбрейский осудил формулу «божьего мира», предложенную епископами Бовэ и Суассона⁷. Он подверг критике церковников и князей, претендующих на роль непосредственных защитников мира, и напомнил присутствующим, что со времен Карла Великого миротворческая функция в государстве является прерогативой короля. В августе этого же года у него появился новый повод пропагандировать мир, устанавливаемый королями. Речь идет о встрече французского и английского монархов в Ивуа, на которой было принято решение о примирении двух сторон и определена формула справедливого мира в христианском обществе⁸. В последующей за этим событием проповеди, произнесенной в Дуэ, Жерар Камбрейский вновь стал настаивать на «мире короля» и утверждать, что епископам в этой ситуации предназначена лишь функция советчиков монарха⁹. Он убеждал собравшихся в том, что представители церкви не имеют права брать в руки оружие и самостоятельно вступать в борьбу с нарушителями мира. Жерар считал, что смешение духовных и светских функций не менее греховно, чем война, поскольку может привести к разрушению социальной иерархии, установленной на земле самим Богом, и, соответственно, закрыть путь к вечному спасению. Мысли Жерара разделял его коллега и близкий родственник Адальберон Ланский. Его представления о христианском мире нашли выражение в поэме «Кармен», написанной им около 1030 г.¹⁰

На страницах этого произведения епископ сформулировал свою знаменитую тройственную формулу организации средневекового общества (те, кто молятся, те, кто воюют, и те, кто работают), в рамках которой каждое сословие должно исполнять только те функции,

которые возложены на него Богом, и ни в коем случае не нарушать порядок земной жизни, уподобленный небесной иерархии. Как и Жерар, Адальберон считал, что церковь может принимать участие в справедливой войне с нарушителями мира только в качестве духовного наставника короля. Но концепция мира, на которой настаивали Жерар Камбрейский и Адальберон Ланский, на самом деле не соответствовала политическим реалиям XI в. Власть французского монарха, несмотря на усилия, предпринимаемые Робертом Благочестивым, оставалась крайне слабой. Действительная сила находилась в руках богатых и могущественных сеньоров королевства. Поэтому не удивительно, что модель мира, предложенная епископами Бовэ и Суассона, оказалась более приемлемой для их современников.

Попытку реализовать один из замыслов Герена Бовезийского и создать общество мира через некоторое время предпринял архиепископ Эмо Буржский. В 1038 г. он обязал всех христиан с 15-летнего возраста объявлять себя врагами нарушителей порядка и обещать в случае необходимости выступать против тех, кто нападает на собственность церкви и ее служителей. Эта обязанность возлагалась буржским прелатом не только на мирян, но и на церковников. Так Эмо стал организатором первого на западе Европы войска, главная задача которого состояла в защите мира.

Я, Эмо, милостью Божией архиепископ Буржский, в присутствии Бога и Его святых, обещаю и подтверждаю, что <...> буду я сражаться со всеми, кто захватывает церковную собственность, кто подстрекает других грабить, кто наносит обиды монахам, монахиням, духовенству, кто угрожает матери церкви, пока они не образумятся. <...> Я обещаю сопротивляться тем, кто не будет повиноваться этим ограничениям, оставаться непреклонным во всем, пока пренебрегающие своим долгом не вразумятся¹¹.

Но усилия Эмо в этом случае оказались напрасными, поскольку содержание специального войска потребовало дополнительных денег, иначе говоря, новых налогов, которым население стало активно противиться даже в условиях предлагаемого обеспечения мира.

В 30–40-е гг. XI в. количество соборных постановлений, касающихся установлений «божьего мира», уменьшается, но при этом увеличивается количество клятв, которые настаивают на соблюдении сроков «божьего перемирия». Если «божий мир» был предназначен для того, чтобы в целом уберечь от аффектов войны незащищенные категории населения и их имущество, то «божье

перемирие», прежде всего, было направлено на то, чтобы полностью исключить войну в определенные периоды времени. Выше отмечалось, что еще в 994 г. аббат Клюни Одилон, а затем в 1016 г. участники собора в Верден-сюр-ле-Ду предпринимали попытки запретить любые военные действия в воскресные дни и на Пасху. Их идея была подхвачена в 1027 г. синодом в Тулузе, который возглавлял епископ Беренгарий, и с этого времени стала активно распространяться в других частях королевства. Согласно договору, который изначально распространялся на графство Руссильон и епархию Эльн, всякое насилие должно быть приостановлено с девятого часа в субботу вечером до часа первой молитвы в понедельник утром¹². Последующий собор в Вике 1033 г. увеличил установленный синодом в Тулузе промежуток времени на срок до трех дней, с вечера четверга до утра понедельника. Дальнейшему продвижению идеи «божьего перемирия» в этом регионе способствовали усилия, предпринятые епископами Рембо Арльским (Арльский собор 1041 г. устанавливал мир с вечера среды до утра понедельника) и Леже Вьеннским.

Решения собора в Сен-Жиль-дю-Гар 1042 г. обозначили очередной этап в развитии движения за мир¹³. Именно здесь впервые были тесно связаны обе идеи, «божьего мира» и «божьего перемирия»: военная деятельность сеньоров любого ранга запрещалась в принятый период «божьего перемирия» и ограничивалась определенными условиями, когда ведение войны вновь становилось возможным. Следует отметить, что к этому времени относится и формулировка понятий «божьего мира» и «божьего перемирия», они все чаще фигурируют в текстах соборов и синодов, заменяя употреблявшиеся ранее определения, такие как «договор о мире» («*pactum pacis*»), «установления мира» («*constitutio pacis*»), «восстановление мира и справедливости» («*restauratio pacis et justitiae*»).

Своего апогея объединенное движение за мир достигло в канонах Нарбоннского собора 1054 г.¹⁴ «Божье перемирие» участники этого собора решили распространить не только на воскресные дни, но и на многочисленные церковные праздники, охватывающие в целом 285 дней, поэтому для ведения войны выделялось только 80 дней в году. Что же касается непосредственно установлений «божьего мира», то первый канон этого собора декларативно провозглашал, что ни один христианин не имеет права убивать другого христианина. 15-я и 16-я статьи собора, соответственно, запрещали нападать на безоружных клириков и монахов, а также отбирать их имущество, 17-я и 18-я статьи охраняли владения

епископов, аббатов и канонников, 19-я статья защищала жизнь и имущество крестьян, 20, 21 и 22-й каноны не позволяли посягать на жизнь и собственность невооруженных рыцарей. Нарбоннский собор запрещал сеньорам мстить другим людям, если причиной мести являлись земельные и долговые споры. Для нарушителей клятвы собор помимо церковных наказаний установил денежный штраф в 40 су. Однако все эти запреты не касались тех, кто сражался за «божий мир», в том числе и епископов, которые продолжали сражаться не только словом, но и с оружием в руках. Следует сказать, что иного выхода у прелатов по-прежнему не было. Если Роберт Благочестивый предпринимал хотя бы одиночные попытки установления мира в своей стране, то его наследников, королей Генриха I и Филиппа I, эта проблема практически не интересовала, более того, они сами часто оказывались среди тех, кто нарушал условия мира.

Широкое распространение движения за мир в последней трети XI в. способствовало появлению в некоторых французских городах военных союзов. К примеру, под руководством местных епископов в 1070 г. в Мане и в 1081 г. в Сен-Кантене были организованы специальные коммунальные отряды для борьбы с нарушителями «божьего мира». Таким образом, опыт Эмо Буржского получил определенную историческую ценность.

На новый уровень движение за мир вышло в 1095 г., когда Клермонский собор провозгласил идею «священной войны» – крестового похода на Восток¹⁵. Папа Урбан II объявил «божий мир» обязательным для всего христианского общества и, как неотъемлемую часть «божьего мира», представил собравшимся борьбу против неверных. С этого момента королевская миротворческая миссия была доверена римской церковью рыцарям. В ее рамках военная активность сеньоров получила значимость за пределами христианского мира, а их служба приобрела духовную ценность, обеспечивающую крестоносцам вечное спасение души. В начале XII в. возникли организации, специально предназначенные для обеспечения ведения «священной войны», – духовно-рыцарские ордена тамплиеров и госпитальеров¹⁶.

Итак, как видим, война в установлениях «божьего мира» на всем протяжении истории этого особого средневекового социального феномена не только не отрицалась, но являлась его определяющим моментом. Она рассматривалась современниками движения как неизбежная данность, требующая осмысления, обоснования и оценки. Соборы, синоды и ассамблеи мира конца X – начала XII в.

ни в одном из случаев не пытались осудить войну как таковую, напротив, клятвы мира, сформулированные на этих съездах, однозначно признавали за рыцарским сословием право ведения войны. Характер оговорок в отношении действий сеньюров, имеющих место в клятвах, во многом свидетельствовал о явном стремлении тех, кто их формулировал, минимизировать убытки аристократов, связанные с ограничением прав ведения войны.

Действительно, само желание мира в это время было прямо связано с войной. Духовные наказания, которыми изначально грозили статьи соборов, как правило, не оказывали необходимого влияния на нарушителей мирных клятв и тем более не касались тех, кто их вообще не давал. Поэтому те сеньюры, которые были готовы соблюдать клятву мира, по сути, давали обязательство не только придерживаться установленных запретов, но и принимать непосредственное участие в наведении порядка.

В рамках установлений «божьего мира» церковь вынуждена была разработать собственную концепцию «справедливой войны», что явилось еще одним значимым свидетельством неразрывности этих антагонистических феноменов. Именно «справедливая война» под руководством прелатов, война, на которую не распространялись даже сроки «божьего перемирия», стала самым действенным способом достижения мира. Будучи дополненной новыми положениями в конце XI в. в связи с организацией крестового движения, концепция «справедливой войны» получила название «священной войны». Последняя стала представляться делом самого римского престола и предусматривала военные действия, имеющие не только внутренний мироустанавливающий, но и внешний наступательный характер. «Священная война» пропагандировалась как угодная Богу христианская миссия, участники которой заслуживали особой Божьей милости.

Примечания

¹ *Glaber R. Histoire IV.5 // Glaber R. Les cinq livres de ses histoires (900–1044). P., 1886.*

² *Bredero Adrian H. Christendom and Christianity in the Middle Ages: the relations between religion, church, and society. Grand Rapids, MI: William B. Eerdmans, 1994. P. 113–115.*

³ *Коптамин Ф. Война в Средние века. СПб.: Ювента, 2001. Ч. 2. Гл. X, 2.*

- ⁴ Les conciles généraux et particuliers. T. 2 (681–1326) / Ed. par abbé P. Guérin. P.: V. Palmé, 1869. P. 233.
- ⁵ Дюби Ж. История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. 987–1460. М.: Междунар. отношения, 2000. С. 113–115.
- ⁶ Блок М. Феодальное общество. М.: Изд-во Сабашниковых, 2003. С. 405–406.
- ⁷ Gesta episcoporum Cameracensium III.27 // Monumenta Germaniae Historica. SS, VII. Hannover, 1846. S. 474.
- ⁸ Gesta episcoporum Cameracensium III.37. S. 480–481.
- ⁹ Gesta episcoporum Cameracensium III.52. S. 486–489.
- ¹⁰ *Adalbéron de Laon*. Poème au roi Robert / Éd. et trad. C. Carozzi. P.: Les Belles Lettres, 1979.
- ¹¹ Цит. по: *Bredero Adrian H.* Op. cit. P. 114.
- ¹² Блок М. Указ. соч. С. 406.
- ¹³ Supplément à l'Analyse des conciles généraux et particuliers. T. 5 / Ed. par Ch.-L. Richard. P.: Chez Benoît Morin, 1777. P. 150.
- ¹⁴ Les conciles généraux et particuliers. P. 261.
- ¹⁵ Ibid. P. 297.
- ¹⁶ Демурже А. Жизнь и смерть ордена тамплиеров. СПб.: Евразия, 2008. Ч. 1. Гл. 2.

О.В. Ауров

НАКАНУНЕ ОДНОЙ УСОБИЦЫ
(к интерпретации гл. 1025
«Первой всеобщей хроники Испании»)*

В статье делается попытка подчеркнуть значимость учета формальных характеристик рукописей в процессе анализа содержания средневековых хроник. Объект анализа – гл. 1025 «Первой всеобщей хроники», содержащей рассказ о начале усобицы кастильской знати, ставшей следствием вступления на престол малолетнего короля Кастилии и Толедо Энрике I (1214–1217).

Ключевые слова: средневековые хроники, средневековые рукописи, Кастилия и Леон, Альфонсо X, «История Испании», Энрике I, феодализм, мятежи знати, частные войны, Реконкиста.

Малолетство средневекового короля – мотив для начала усобицы почти традиционный. Слабость феодального государства, несовершенство принципов организации власти, в значительной степени представлявшей собой комплекс частно-правовых институтов, отсутствие в обществе самой устоявшейся идеи сильной централизованной власти – все эти факторы, благоприятствовавшие нарушению слабой системы обеспечения внутреннего мира, хорошо известны и достаточно подробно описаны в литературе¹.

Сказанное, однако, не означает, что всегда и везде действия развивались по единому сценарию. И здесь на первое место выходит жанр микроистории, позволяющий ближе присмотреться к каждому конкретному случаю, оценить местные условия и нюансы, а также,

© Ауров О.В., 2014

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ («Научный комментированный перевод «Первой всеобщей хроники»»; грант РГНФ №13-01-00135 (2013–2015)).

что отнюдь не является лишним, понять, как применительно к этим условиям и нюансам проявляли себя «стандартные» феодальные институты. В данном конкретном случае особенно важным представляется тот факт, что слишком часто содержание рассказа хрониста не может быть адекватно понято без учета внешних характеристик рукописи, этот рассказ заключающей. Именно об этом и пойдет речь в настоящей статье.

В ее основе – анализ внешних характеристик кодекса, содержащего одну из глав «Первой всеобщей хроники». Хроника – один из сохранившихся фрагментов грандиозного замысла создания «Истории Испании», инициатором которого стал знаменитый король Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрый². Блестяще образованный и амбициозный, он получил от исследователей меткое прозвище «император культуры», а его культурная политика не без оснований именуется в литературе «ренессансом XIII в.»³. Один из наиболее состоятельных монархов своего времени, он стремился сделать провинциальную Кастильско-Леонскую монархию одним из центров современной ему Европы и немало преуспел в этом. Культурные проекты «мудрого короля» являлись частью проектов политических, и в полной мере это касается историографии.

Из «историографической мастерской»⁴ Альфонсо X вышли два выдающихся памятника – «Всеобщая история» (General Estoria) и незаконченная «История Испании» (Estoria de Espanna), наиболее целостным фрагментом которой стала «Первая всеобщая хроника», которая охватывает события от времен Моисея до смерти отца «императора культуры», короля Фернандо III Святого, в 1252 г. Принципиальное новшество этих текстов состоит в том, что они написаны не на латыни, а на разговорном кастильском языке⁵, что должно было не только возвысить Кастилию, но и путем расширения аудитории создавало совершенно новые возможности для пропаганды⁶.

О том, сколь значимой была эта цель, свидетельствует не только содержание хроники, но и внешний вид содержащих ее текст кодексов, наиболее близких по времени создания к периоду написания текста памятника. Таких рукописей две, и обе они в настоящее время хранятся в Королевской библиотеке Эскориала, одном из наиболее значимых хранилищ испанских средневековых манускриптов⁷. Полный текст памятника отражают два кодекса – Y-I-2⁸ и X-I-4⁹, содержание которых продолжает друг друга¹⁰. Первый из них традиционно датируется XIII в., а второй – XIV в., хотя оче-

видно, что оба кодекса создавались одновременно, о чем свидетельствуют и письмо, и характер оформления обеих рукописей. По всей видимости, оба кодекса создавались почти одновременно, хотя второй явно позднее первого.

В оформлении первого из двух кодексов (Y-I-2) более последовательно проявилось стремление авторов текста к созданию роскошной рукописи. Правда, сделать они смогли относительно немного: помимо тщательно выполненных цветных инициалов в кодексе содержатся лишь шесть миниатюр¹¹; хотя изначально планировалось создать их гораздо больше, о чем говорят специально оставленные для них места почти на каждом листе; судя по подписям, большинство этих миниатюр должно было изображать «портреты» тех королей, о которых идет речь в тексте. Предполагалось также особым образом оформить перечни названий глав каждой части; сделать это удалось лишь в минимальной степени; об этом говорят fol. 12r – 13v, где перечень глав завершается беглым готическим курсивом. Fol. 14r и fols. 132v – 133v вообще остались незаполненными; очевидно, однако, что их оставили специально для оглавлений.

Еще меньше удалось сделать для оформления кодекса X-I-4, который задумывался не менее роскошно. Здесь сохранилась лишь одна миниатюра (изображающая короля с мечом и его стражу)¹²; на ряде листов, как и в первом кодексе, оставлены свободные места¹³; в некоторых случаях присутствуют подписи, позволяющие судить о том, что собирались изобразить в соответствующем месте¹⁴. Что же касается страниц, специально выделенных для роскошных оглавлений, то они так и остались незаполненными¹⁵.

Следует учесть, что другие кодексы того же периода, содержащие хронику, выглядят много скромнее. Они не имеют миниатюр и цветных инициалов и написаны гораздо менее торжественным письмом. Это касается как эскориальских рукописей¹⁶, так и манускриптов из другого крупнейшего испанского хранилища средневековых рукописей – Национальной библиотеки в Мадриде (из них только одна рукопись интересующего меня памятника датируется XIV в.; все остальные относятся к XV столетию или более позднему времени¹⁷). Еще более значимым, однако, представляется тот факт, что ни один из этих кодексов не содержит полного текста «Первой всеобщей хроники». Думается, что в данном случае форма в полной мере гармонирует с содержанием, которое, надо полагать, с течением времени представлялось менее актуальным, чем в момент создания.

Сказанное заставляет особенно внимательно отнестись к анализу эскориальского кодекса Х-I-4, который, собственно, и содержит гл. 1025, ее перевод прилагается к настоящей статье. Созданная если и не в момент написания самого текста (что маловероятно), то в непосредственно следовавшее за ним бурное время правления Санчо IV (1282/84–1295), сына «мудрого короля», отмеченное потрясениями и усобицами, эта рукопись, оформление которой так и осталось незавершенным, стала словно бы последним отблеском блестящей эпохи Альфонсо X, причем ее внешняя форма лишь подчеркивала актуальность содержания. С этой точки зрения осуждение со страниц рукописи усобиц кастильской знати времен малолетства Энрике I (1214–1217), одиннадцатилетнего короля Кастилии и Толедо, царствование которого, пусть и кратковременное (жизнь ребенка унесла случайная и нелепая смерть), должно было звучать особенно весомо и уже в силу этого заслуживает особого внимания.

ПЕРВАЯ ВСЕОБЩАЯ ХРОНИКА ИСПАНИИ
*1025. О том, как король дон Энрике был передан
под опеку графа дона Альваро*

Как уже говорилось, ушел из этого мира знатнейший дон Альфонсо¹⁸, король Кастилии, и похоронили его, и история обращается к рассказу о королях поколения, правившего после него, и в первую очередь – о короле доне Энрике, его сыне, который был первым, кто пришел к власти вслед за ним. И говорят так: когда славнейший король дон Альфонсо был похоронен, толедский архиепископ и примас, и епископы, которые там находились, и магнаты Кастилии взяли инфанта дона Энрике, который был еще ребенком, но первенцем и наследником короля дона Альфонсо и к которому перешла королевская власть по праву и по рождению, и под пение присутствующих клириков “Te Deum laudamus” подняли короля на руки и возвели его на престол; исполнилось одиннадцать лет с его рождения тогда, когда король дон Альфонсо скончался в год эры тысяча и двести пятьдесят второй¹⁹, и начал править король дон Энрике. И счет времени его царствования производится таким образом: этот король дон Энрике Первый, – а он был таковым, поскольку в Кастилии ни ранее, ни позднее не было известного нам короля, носившего это имя, – начал править в год эры тысяча и двести пятьдесят третий²⁰. После этого, по

прошествии двадцати пяти дней со дня смерти дон Альфонсо и стольких же с начала царствования короля дон Энрике, умерла королева донья Леонор²¹, жена славного короля дон Альфонсо и мать этого короля дон Энрике... И поскольку король дон Энрике казался всем слишком юным для того, чтобы управлять государством и держать его в руках, благородная королева донья Беренгела²², его сестра, озаботилась этим и взяла на себя труд сохранить королевство для своего брата; и хранила она его таким образом, что за все время ее опеки все – как бедные, так и богатые, как клирики, так и миряне, – не были ущемлены в своих сословных правах; так было и во времена короля дон Альфонсо, ее отца, вплоть до момента, когда волнения магнатов вызвали несогласие и ненависть. И были тогда графами в Кастилии трое – граф дон Фернандо, граф дон Альваро²³ и граф дон Гонсальво²⁴, сыновья упомянутого выше графа дон Нуньо²⁵. И начали они бороться за право опеки над малолетним королем: поскольку если бы они получили его, то смогли бы отомстить, излив всю свою неприязнь, которую накопили в сердцах по отношению к тем, кто желал им дурного; так же, как поступал их отец во времена малолетства дон Альфонсо, отца правящего короля дон Энрике. И привлекли они к этому делу кое-кого из людей, которым доверяла королева донья Беренгела, с тем, чтобы опека над королем доном Энрике перешла в руки графов. Был среди них и рыцарь из Паленсии по имени Гарсия Лоренсо, который тоже участвовал в этом, приняв на себя обязательства: этому рыцарю была поручена охрана малолетнего короля его сестрой, королевой доньей Беренгелой. И этому рыцарю граф дон Альваро пообещал передать в наследственное владение местечко Таблада²⁶, находящееся в области Серрато²⁷, если он посоветует малолетнему королю дону Энрике перейти под опеку к упомянутому графу дону Альваро. Но поняла это мудрая королева донья Беренгела, хорошо знавшая обо всех волнениях, которые только могут произойти в этом мире. И так устроили в отношении королевы доньи Беренгелы этот рыцарь Гарсия Лоренсо и другие его товарищи, которые были замешаны в том же деле, что они вынудили ее поступить по-своему; и поскольку она видела, что они действуют от всей души и что они добрые люди, она согласилась уступить им добровольно, пусть и не от всего сердца. И все же, опасаясь непотребных дел, которые могут произойти впоследствии, она приказала явиться графу дону Альваро и другим кастильским магнатам и заставила их поклясться, что впредь, не посоветовавшись с ней, они не будут ни принимать сами, ни

давать земельные владения кому бы то ни было, ни воевать с какими-либо правителями соседних стран, ни накладывать платежей на какую бы то ни было часть королевства; и в этом поклялись все как один, и принесли оммаж королеве донье Беренгеле, и скрепили его, вложив свои руки в руки архиепископа дона Родриго Толедского; так что если они нарушат скрепленное этим оммажем и этой клятвой или не будут поступать согласно им, то за это будут считаться предателями. Однако королева донья Беренгела, считавшая себя обиженной и ущемленной неумеренностью рыцарей и раздраженная магнатами, опасалась, что при новых опекунах в королевстве произойдет возмущение. А потому она передала графу дону Альваро опеку над малолетним королем, позаботившись, чтобы он поступал наилучшим образом в соответствии с упомянутыми договоренностями. А граф дон Альваро вместе с Гонсальво Руисом²⁸ и его братьями²⁹, которые согласились с этим и держали его сторону, выехал из Бургоса вместе с мальчиком, как только тот был передан в его власть³⁰; и во всем королевстве граф начал чинить раздоры, и изгонять идальго³¹, и унижать знать, и обременять податями и повинностями богатых людей из народа, и монастыри, и епархии, и брал с приходских церквей трети³², предназначенные для строительства и оплаты работ, и забирал церкви в королевский домен³³, и делал с ними то, что хотел. Был там тогда дон Родриго, декан толедского собора, в то время державший эти платежи от толедского архиепископа; он отлучил от Церкви графа дона Альваро и заставил его вернуть присвоенное у церквей и поклясться, что впредь он ничего у них не возьмет. А еще граф дон Альваро начал притеснять «добрых людей»³⁴, которые были свободны от податей по добрым привилегиям, полученным от королевских церквей, а церквям они были даны королями, возложив на этих людей бремя и тяготы, так что привилегии эти для них ровно ничего не значили; и по мере своих сил в это дело также вмешался³⁵ толедский декан дон Родриго.

Примечания

¹ См., напр.: *Ganshof F.L.* Feudalism. N. Y.; Hagerstown; San Francisco; L., 1964. P. 117–120; *Rodón Binué E.* El lenguaje técnico del feudalismo en el siglo XI en Cataluña (Contribución al estudio del latín medieval). Barcelona, 1957. P. 141–142; *García de*

- Valdeavellano L.* Las instituciones feudales en España // García de Valdeavellano L. El feudalismo hispánico. Barcelona, 2000. P. 106–128; и др.
- ² Наиболее полную из существующих биографий Альфонсо X см., напр.: *González Jiménez M.* Alfonso X el Sabio. Barcelona, 2004. См. также: Alfonso X y su época. El siglo de Rey Sabio / Coord. por Miguel Rodríguez Llopis. Barcelona, 2001.
- ³ См., напр.: Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and his Thirteenth-Century Renaissance / Ed. by R. Burns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990.
- ⁴ Об «историографической мастерской» Альфонсо X см., например: *Fernández-Ordóñez I.* El taller historiográfico alfonsí. La “Estoria de España” y la “General Estoria” en el marco de las obras promovidas por Alfonso el Sabio // El Scriptorium alfonsí: de los “Libros de Astrología” a las “Cantigas de Santa María”. Madrid, 1999; *Idem.* Las ‘Estorias’ de Alfonso el Sabio. Madrid, 1992; *Idem.* El taller de las “Estorias” // Alfonso X el Sabio y las Crónicas de España / Ed. por I. Fernández-Ordóñez. Valladolid, 2001. P. 61–82; etc. См. также: *Dyer N.J.* Alfonsine Historiography: The Literary Narrative // Emperor of Culture. P. 141–158; *Martin G.* Los intelectuales y la Corona: la obra histórica y literaria // Alfonso X y su época. P. 259–285.
- ⁵ Об общем значении факта утверждения кастильского языка как литературного см., напр.: *Procter E.S.* The Castilian Chancery during the Reign of Alfonso X (1252–1284) // Oxford Essays in Medieval History presented to H.E. Salter. Oxford, 1934. P. 104–121; *Kasten L.* Alfonso el Sabio and the Thirteenth-Century Spanish Language // Emperor of Culture. P. 33–45; *Fernández Ordoñez I.* Las lenguas del rey: de latín a las lenguas vernáculas en las chancillerías regias de la Península Ibérica // La construcción medieval de la memoria regia / Ed. por P. Martínez Sopena, A. Rodríguez López. Valencia, 2011. P. 323–361.
- ⁶ На значение самого факта перехода средневековой западной историографии с латинского на разговорный язык первой обратила внимание американская исследовательница Г. Спайгель (см.: *Spiegel G.M.* Romancing the Past: The Rise of Vernacular Prose Historiography in Thirteenth Century France. Berkeley; Los Angeles, 1993. Непосредственно применительно к историографии эпохи Альфонсо X см., напр.: *Fernández-Ordóñez I.* Variación ideológica del modelo historiográfico alfonsí en el siglo XIII: las versiones de la “Estoria de España” // La historia alfonsí: el modelo y sus destinos (siglos XIII–XV) / Ed. por G. Martin. Madrid, 2000. P. 41–74.
- ⁷ Общие сведения о рукописной традиции «Первой всеобщей хроники» см., напр.: *Catalan D.* De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuarto estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. Madrid, 1962.
- ⁸ Real Biblioteca del Monasterio de San Lorenzo de El Escorial (далее – RBME). Cod. Y-1-2.
- ⁹ RBME. Cod. X-1-4.
- ¹⁰ Содержание Y-1-2 доведено до времени правления первого астурийского короля Пelayo; X-1-4 начинается с продолжения рассказа о правлении Пelayo и доводится до смерти Фернандо III.

- ¹¹ RBME. Y-I-2. fols. 1v (изображение короля и придворных), 3r (изображение Ноева ковчега), 4r (изображение Геркулеса, держащего в обеих руках двух львов), 4v (изображение замка, а над ним – статуи Геркулеса), 5r (изображение портика с надписью “Aquí será pobla la: grant: cibdat:” («здесь будет заселен большой город»)), 7v (изображение короля, убивающего в пещере дракона, сделанное в другом стиле, а возможно – и другой рукой).
- ¹² RBME. Cod. X-1-4. fol. 1v.
- ¹³ Ibid. fols. 27r, 30v, 43v, 44r, 47v, 49v, 50v, 64r, 78r, 80r, 92v, 102r, 114r и др.
- ¹⁴ Так, например, на листе fol.27r, судя по подписи, намеревались изобразить короля Ордоньо I.
- ¹⁵ Ibid. fols. 199r, 199v, 315r, 315v.
- ¹⁶ RBME: cod. X-I-7 (XIV в.), а также X-I-11 и Z-III-3 (XV в.); ни один из них не содержит полного текста.
- ¹⁷ К XIV в. относится рукопись BNM.Mss.579; она написана готическим курсивом и имеет цветные инициалы, но не миниатюры; остальные средневековые рукописи хроники датируются XV в. (см.: BNM. Mss. 643, 1343, 1298, 13002, 10134<3> (единственная миниатюра в начале текста – fol. 1r), 645, 1347, 1526).
- ¹⁸ Альфонсо VIII (1155–1214).
- ¹⁹ 1214 г. от Р. Х.
- ²⁰ 1215 г. от Р. Х.
- ²¹ Леонор (Элеонора) Плантагенет (1160–1214) – дочь английского короля Генриха II Плантагенета (1154–1189) и Алиеноры Аквитанской; супруга короля Кастилии Альфонсо VIII и королева Кастилии с 1170 г.
- ²² Беренгела (ок. 1180–1246) – дочь короля Кастилии и Толедо Альфонсо VIII и королевы Леонор Плантагенет, жена короля Леона Альфонсо IX (1188–1230).
- ²³ Альваро Нуньес де Лара (ок. 1170–1218) – граф, представитель знатного клана Лара.
- ²⁴ Гонсальво Нуньес де Лара (? – после 1225), сеньор Белорадо (в современной провинции Бургос) – кастильский магнат.
- ²⁵ Нуньо Перес де Лара (?–1177) – кастильский магнат из могущественного клана Лара (восходящего к младшей ветви потомков знаменитого графа Кастилии Фернана Гонсалеса).
- ²⁶ Таблада – совр. Таблада-дель-Рудрон в провинции Бургос.
- ²⁷ Серрато – область с естественными пределами, находящаяся в границах совр. провинций Паленсия (основная часть), Бургос и Вальядолид.
- ²⁸ Гонсальво Руис (или Родригес) (иначе: Гонсальво Родригес Хирон) (ок. 1160–1231) – кастильский магнат.
- ²⁹ Имеются в виду Альваро Руис, Нуньо Руис, Педро Руис, Родриго Руис, братья Гонсальво Руиса, участники битвы при Лас-Навас-де-Голоса в 1212 г.
- ³⁰ В данном случае речь идет о частной власти графа над малолетним королем, простиравшей из его полномочий опекуна.
- ³¹ Идальго (от ст.-каст. *fjodalgo*) – потомственный воин в противовес лицам, получившим свой статус персонально.

- ³² Имеются в виду треть от всех церковных доходов, основу которых составляли десятина (десятая часть имущества), а также первинки (первый приплод от скота и урожай на вновь освоенном участке). Десятина собиралась священниками приходских церквей.
- ³³ В тексте – *regalengo*, т. е. земли, находившиеся под прямым управлением короля, в отличие от *abadengo* – земель Церкви.
- ³⁴ В тексте – “*omes buenos*”; под этим термином (восходящим к аналогичному по значению латинскому “*boni homines*”), как правило, подразумеваются всякого рода представители, назначавшиеся для ведения конкретных дел и отличавшиеся положительной репутацией и прочным материальным положением.
- ³⁵ В тексте – “*dio ... el consseio que pudo*” (досл. «дал тот совет, который смог»); в данном случае «совет» (*consseio*) как мирный способ решения проблемы, видимо, противопоставляется «помощи» (*ayuda*) как прямому силовому вмешательству.

А.М. Лобанов

ДОГОВОР В ТРУА (1420 г.): ОТ ВОЙНЫ ВНЕШНЕЙ К ВОЙНЕ ВНУТРЕННЕЙ И НАОБОРОТ

Предметом исследования в данной статье являются основные положения мирного договора, заключенного 21 мая 1420 г. в Труа, и отдельные аспекты их реализации. Несмотря на декларируемую цель положить конец извечному англо-французскому конфликту, в действительности договор лишь ознаменовал начало нового этапа Столетней войны, переопределив взаимные отношения политических сил во Франции и изменив правовую основу участия англичан в военных действиях на континенте. В статье рассматриваются характер этих изменений и их влияние на участие в войне Английского королевства, а также владений и подданных герцога Бургундского.

Ключевые слова: Договор в Труа (1420 г.), Столетняя война, Ланкастерская Франция, Генрих V, Филипп Добрый, история Франции XV в.

21 мая 1420 г. в Труа был заключен договор, который, как провозглашалось, должен был навеки установить мир между английским и французским королевствами¹. Это произошло в условиях тяжелейшего для Франции периода Столетней войны. Безумие короля Карла VI привело к борьбе за власть между партиями арманьяков (во главе с Орлеанским домом и графом Арманьяка) и бургиньонов (во главе с герцогом Бургундским). К этой распре, которая с 1411 г. приняла характер полномасштабной войны, вскоре добавилось английское вторжение. К середине 1419 г. войска английского короля Генриха V заняли большую часть Нормандии и, захватив Понтуаз, вышли на подступы к Парижу. Попытка примирения между арманьяками и бургиньонами ради совместной борь-

бы с англичанами трагически завершилась в сентябре убийством Жана Бесстрашного, герцога Бургундского, во время переговоров на мосту в Монторо. Это убийство привело к сближению между англичанами и партией бургиньонов, доминировавшей в то время в администрации и окружении Карла VI, и к заключению договора в Труа².

Декларируемой целью этого договора было положить конец войнам между Англией и Францией. Ради достижения этого король Франции отдавал за Генриха V замуж свою дочь Екатерину (ст. 1. Р. 103), признавал его своим наследником (ст. 6. Р. 104–105) и назначал регентом Франции (ст. 7. Р. 105). Объединение королевств договором не предусматривалось, они должны были сохранить свои институты, законы и обычаи (ст. 8–11, 23, 24. Р. 105–106, 110–111). Завоеванные Генрихом V французские территории при его вступлении на французский трон должны были вернуться под власть французской короны (ст. 18. Р. 109)³. Основным гарантом мира между Англией и Францией должно было стать наличие в будущем единого правителя (ст. 24. Р. 111). Такой подход, в частности, позволил опустить в договоре вопрос о сюзеренитете над Аквитанией, который был камнем преткновения в англо-французских отношениях с середины XIII в.⁴

Договор был выгоден для короля Англии, чьи притязания на корону Франции наконец реализовывались, и для бургиньонов, получивших английскую помощь в борьбе с арманьяками, а также избавившихся от ответственности за борьбу с английским вторжением. Он нашел поддержку в Париже, так как позволил восстановить торговлю с Нормандией, а после освобождения от арманьяков среднего течения Сены в ходе кампании 1420 г. – и с бургундскими территориями⁵. Некоторые видели в Генрихе V человека, способного твердой рукой восстановить порядок в королевстве после десятилетия войн и распрей, что отвечало чаяниям представителей королевской администрации (преимущественно пробургундской)⁶. Члены партии арманьяков, сгруппировавшиеся вокруг дофина Карла, последнего оставшегося в живых сына Карла VI (впоследствии Карл VII) не рассматривались в договоре как одна из сторон. Они были объявлены мятежниками против короны, и обязанностью Генриха V как регента Франции было принудить их к повиновению (ст. 12. Р. 106).

Таким образом, будучи по форме и содержанию мирным договором, соглашение в Труа не могло, да и не должно было положить конец военным действиям, однако оно меняло характер войны. На

территории Северной Франции создавался новый режим, получивший в историографии название Английской, или Ланкастерской, Франции. Если до 1420 г. война была конфликтом между двумя королевствами, то теперь она представлялась (по крайней мере, для сторонников Ланкастерской династии) внутренним французским конфликтом. Это изменение может показаться незначительным: в конце концов, англичане всё так же продолжали военные действия во Франции. Тем не менее оно скоро стало сказываться на ходе войны⁷.

Вернувшись в 1421 г. в Англию, Генрих V столкнулся с настроенным отношением своих подданных к заключенному договору. Король утратил характерную для начала его царствования поддержку в парламенте, где были недовольны его длительным отсутствием в стране (Генрих не был в Англии с августа 1417 г.). Парламент принял ряд мер, направленных на то, чтобы английское королевство не оказалось подчинено французскому в рамках двуединой монархии⁸. Существовало мнение, что англичане уже исполнили свой долг перед королем и помогли ему вернуть принадлежащую ему по праву корону Франции, а теперь за подавление французских мятежников должны платить его французские подданные⁹. В итоге во время своего последнего визита в Англию Генрих V не получил субсидии от парламента и был вынужден обратиться к частным займам¹⁰. Из девяти парламентов Генриха V с его воцарения в 1413 г. до возвращения в Англию в шести королю был вотирован традиционный экстраординарный налог, известный как десятая и пятнадцатая доля¹¹ (причем трижды – в двойном размере!). После же договора в Труа этот налог был вотирован лишь единожды (в декабре 1421 г.), а после воцарения Генриха VI (1422 г.) к нему не возвращались вплоть до кризиса, связанного с победами Жанны д'Арк в 1429 г.¹² Поддержка войны во Франции из Англии стала весьма ограниченной.

Еще более неоднозначно значение договора для нового герцога Бургундского, Филиппа Доброго, единственного представителя французской знати, специально упомянутого в договоре (ст. 27, 29, 30. Р. 112–114). Предусматривалось, что Генрих V будет действовать «с совета ... Филиппа, герцога Бургундского, и других знатных людей королевства...» в том, что касается содержания Карла VI (ст. 27, Р. 112–113), однако не вполне ясно, шла ли речь об участии герцога в управлении королевством¹³. На герцога также не налагались конкретные обязательства по участию в борьбе с дофинистами.

Фактически единственным требованием по отношению к герцогу (которое также относилось к Карлу VI и Генриху V) было не заключать мира или соглашения («*paix ou concorde*») с дофином, кроме как с согласия двух остальных сторон, а также представителей сословий обоих королевств (ст. 29. P. 113). Не следует, однако, усматривать в этом запрет на всякие дипломатические сношения с дофинистами¹⁴ и упрекать Филиппа Доброго за неоднократные перемирия с противником. Данное обязательство не входило в формулу клятвы, которую должны были давать подданные французского короля, признавая легитимность договора (ст. 13. P. 106–108). Странно было бы ожидать, что эти простые подданные были свободнее в сношениях с дофином, чем их правители, поэтому следует предположить, что в ст. 29 речь шла только о возможных мирных договорах, предполагавших окончательное разрешение конфликта, тогда как соглашения о местном и временном прекращении военных действий под запрет не попадали.

Однако обязательство не заключать с дофином мира еще не означало активного участия герцога в войне. В то же время другие положения договора, казалось, должны были снизить его интерес к участию в боевых действиях. Предполагалось, что земли, отбитые у дофинистов, должны были либо отойти короне, либо вернуться законным владельцам (если те признали договор в Труа) (ст. 14. P. 108). Таким образом, герцог едва ли мог рассчитывать на расширение своих земель за счет побед над дофинистами. Хотя в течение 1420-х гг. Филипп Добрый добился от короны ряда территориальных уступок, таких как передача ему в 1424 г. Осерра, Макона и Бара-сюр-Сен, а также формальное пожалование в 1430 г. Шампани и Бри, находившихся на тот момент под контролем дофинистов, в целом ланкастерская администрация была достаточно щепетильна в отстаивании прав французской короны. Наиболее ярким примером может послужить инцидент во время осады Орлеана, когда весной 1429 г. представители города предложили сдать его Филиппу Доброму, но герцог Бедфорд, английский регент Франции, по настоянию своих французских советников отклонил это предложение. Последовали ссора с бургундским герцогом, отзыв бургундских войск с осады всего за две недели до прибытия Жанны д'Арк и, возможно, в итоге – неудача всей кампании¹⁵.

Также было оговорено, что после смерти Карла VI корона Франции должна была перейти к Генриху V и его наследникам. Как предполагает Э. Карри, в случае отсутствия у Генриха V детей корона могла перейти к братьям английского короля¹⁶. Филипп

Добрый состоял с Карлом VI в родстве по мужской линии и таким образом имел шансы однажды унаследовать французскую корону; с Генрихом V он в таком родстве не состоял. Шансы бургундского герцога были достаточно эфемерными: хотя ко времени подписания договора в Труа дофин Карл уже был отстранен от престолонаследия¹⁷, принцы из Орлеанского и Анжуйского домов стояли ближе к трону. В конце 1419 г. в переговорах с англичанами бургиньоны пытались выставить кандидатуру Филиппа в качестве наследника Карла VI, но это предложение было безоговорочно отвергнуто английской стороной¹⁸. Тем не менее отказ Филиппа Доброго от своих (сколь бы слабыми они ни были) наследных прав на трон Франции¹⁹ должен был ослабить его положение в королевстве. Вероятно, именно в этом ключе следует рассматривать отказ (или отстранение) Филиппа Доброго от регентства при малолетнем Генрихе VI после смерти в 1422 г. Генриха V и Карла VI. Регентом тогда стал Джон, герцог Бедфорд, старший из оставшихся в живых братьев Генриха V и потенциальный наследник престола. Филипп же вряд ли мог рассчитывать на регентство, будучи просто одним из французских принцев и дальним родственником нового короля²⁰.

Существует мнение, что определяющим стремлением в политике герцога Бургундского, толкавшим его на союз с англичанами, был мотив мести²¹. Несомненно, что именно убийство Жана Бесстрашного стало причиной англо-бургундского сближения и что Филипп Добрый активно использовал траур по отцу в политических целях²², однако можно усомниться, что бургундский герцог искал именно мести. Решение о союзе с королем Англии было принято лишь после тщательного обсуждения с родственниками и советниками²³. Хотя отмечается, что во время заупокойной службы по Жану Бесстрашному в Аррасе новый герцог и его сторонники крайне негативно отнеслись к проповеди, призывавшей отказаться от мести и положиться на королевское правосудие²⁴, именно это и было сделано. После вступления Карла VI и Генриха V в Париж в декабре 1420 г. Филипп Добрый подал иск в Парижский парламент, требуя наказания для виновников убийства Жана Бесстрашного²⁵. Возможно, что обращение в высшую судебную инстанцию французского королевства было призвано показать стремление нового режима восстановить порядок в стране, вернуться от хаоса гражданской войны к работе традиционных институтов. Однако важно, что личной мести герцог предпочел (по крайней мере демонстративно) королевское правосудие, попутно возложив на корону обязанность расправиться с его врагами.

Договор, заключенный в Труа, представляет собой любопытный случай мирного договора, не предусматривавшего прекращения войны. Для Ланкастерской монархии он означал переход от внешней войны за обретение французской короны к борьбе с мятежниками внутри подвластного ей французского королевства. Если ранее англичане могли извлекать выгоду из войны французских придворных партий, то теперь, получив признание со стороны бургиньонов, они взяли на себя обязательство вести бескомпромиссную борьбу против дофинистов.

Договор окончательно оформил англо-бургундский союз и заложил почву для прямого военного сотрудничества между англичанами и бургиньонами в борьбе против арманьяков, продлившегося с переменной степенью активности вплоть до примирения Филиппа Доброго с Карлом VII в 1435 г. Однако он не способствовал заинтересованности герцога в борьбе со сторонниками дофина, если, конечно, речь не шла о безопасности его собственных владений. Вероятно, именно этой угрозой, а также личной харизмой Генриха V объясняется активное личное участие Филиппа Доброго в военных действиях в 1420–1422 гг. Сменивший Генриха V на посту регента Франции его брат Джон, герцог Bedford, был вынужден формализовать взаимные обязательства по Амьенскому договору 1423 г.²⁶ и укрепить династический союз с Бургундским домом, женившись на сестре Филиппа Доброго, но и это не привело к значительному усилению бургундской активности. Хотя примирение с дофином стало бы (и стало в 1435 г.) грубым нарушением договора в Труа, возможность варьировать степень своего участия в войне позволила теперь уже герцогу Бургундскому использовать к своей выгоде войну между сторонниками Ланкастеров и дофина.

Будет преувеличением утверждать, что, соглашаясь на англо-французский договор в Труа, герцог сознательно брал курс на независимость своих владений, отказавшись от стремления играть ведущую роль во французской политике. Однако договор снял с герцога ответственность за успешное завершение войны против дофина и развязал ему руки для того, чтобы заняться защитой своих интересов там, где потребуется. Это позволило ему в середине 1420-х гг. заняться установлением бургундской власти в Нидерландах, перейдя таким образом вскоре от внутренней борьбы за влияние во Франции к внешней борьбе за расширение своих владений.

¹ Обзор сохранившихся копий договора и их изданий вплоть до эталонного издания под редакцией Э. Коно (*Les grands traités de la Guerre de Cent Ans* / Ed. E. Cosneau. P.: Alphonse Picard, 1889. P. 100–114) дан в статье: *Duparc P. La conclusion du traité de Troyes* // *Revue Historique de droit français et étranger*. 4 ser. 1978. № 49. P. 50–64.

На русском языке договор в Труа опубликован в переводе Е.И. Дьяковой (Сборник документов по истории международных отношений в средние века / Сост. О.И. Нуждин. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. С. 82–88). К сожалению, этот перевод скорее является пересказом, чем критическим изданием источника (примером такого подхода может служить объединение статей 15 и 16 договора в одну), а также содержит явные ошибки, влекущие за собой искажение некоторых положений договора (например, при переводе статей 3, 29). Договор в Труа анализировался также В.И. Земляничным, выдвинувшим утверждение о первичности опубликованного Т. Раймером латинского текста договора (*Foedera, conventiones, litterae, et cujuscunque generis acta publica, inter reges Angliæ, et alios ...*: In 10 vols / Ed. T. Rymer. 3 ed. Hague, 1739–1745. Vol. 4, pt. III. P. 171–174) по сравнению с французским (см.: *Земляничин В.А. Труаский договор как юридическая основа двуединой англо-французской монархии XV века* // *Вестник молодых ученых. Серия: исторические науки*. 2000. № 5. С. 13–17). Однако он же отмечает, что по форме договор имел вид указа Карла VI, адресованного его французским подданным (Там же. С. 14). Такие документы в рассматриваемое время составлялись на французском языке. Представляется более вероятным, что латинский вариант текста является переводом с французского, сделанным для ознакомления с содержанием договора в Англии, где значительная часть документации велась на латыни. В связи с этим в данной статье ссылки на текст договора приведены по изданию под редакцией Э. Коно. Ссылки на это издание даны в тексте с указанием номеров статьи договора и страницы.

² О политической обстановке и переговорах, приведших к заключению договора в Труа, см.: *Bonenfant P. Du meurtre de Montereau au traité de Troyes*. Bruxelles: Palais des Académies, 1958. xxix, 282 p.

³ В действительности после смерти в 1422 г. Генриха V и Карла VI и воцарения Генриха VI английское военное присутствие в Нормандии и других завоеванных Генрихом V землях сохранилось, однако эти английские гарнизоны находились на службе у французской, а не английской короны в составе двуединой монархии Ланкастеров.

⁴ О конфликтах вокруг сюзеренитета над Аквитанией см.: *Басовская Н.И. Столетняя война: леопард против лилии*. М.: Астрель; АСТ, 2003. С. 108–109 и далее.

⁵ О значимости этих коммуникаций см.: *Фавье Ж. Столетняя война*. СПб.: Евразия, 2009. С. 450–451; *Уваров П.Ю. Париж? Это где-то во Фландрии...* // *Знание – сила*. 1997. № 12. С. 94–95.

⁶ *Цатурова С.К. Офицеры власти: Парижский парламент в первой трети XV века*. М.: Логос, 2002. С. 108–110.

- ⁷ Значение договора в Труа как начала нового этапа Столетней войны впервые в отечественной историографии было отмечено Н.И. Басовской: *Басовская Н.И.* Столетняя война 1337–1453 гг. М.: Высшая школа, 1985. С. 110–111. В указанной работе внимание акцентируется на переходе от многополярной феодальной усобицы к освободительной борьбе за изгнание англичан, в то время как в настоящей статье рассматривается влияние договора на отношения между участниками англо-бургундского союза.
- ⁸ *Curry A.E.* Two Kingdoms, One King: The Treaty of Troyes (1420) and the Creation of a Double Monarchy of England and France // “The Contending Kingdoms” France and England 1420–1700 / Ed. by G. Richardson. Aldershot: Ashgate, 2008. P. 26–28.
- ⁹ *Калмыкова Е.В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего средневековья. М.: Квадрига, 2010. С. 257, 388.
- ¹⁰ См.: *Allmand C.T.* Henry V. L.: Methuen, 1992. P. 382; *The Parliament Rolls of Medieval England: In 16 vols / Gen. ed. by C. Given Wilson. L.: The National Archives; Woodbridge: The Boydell Press, 2005 (далее – PROME). Vol. 9. P. 263.*
- ¹¹ Объем этого налога оценивается в 37 тыс. ф. ст. (см.: *Gray H.L.* Incomes from Land in England in 1436 // *The English Historical Review.* 1934. № 49. P. 607).
- ¹² О налогах, вотируемых парламентом в правление Генриха V и начале правления Генриха VI, см.: PROME. Vol. 9, 10.
- ¹³ Формулировка данной статьи договора допускает двоякое прочтение. См. также: *Leguai A.* La “France Bourguignone” dans le conflit entre la “France Française” et la “France Anglaise” (1420–1435) // La “France Anglaise” au Moyen Age. Actes Du 111e Congrès National Des Sociétés Savantes (Poitiers, 1986). P.: Editions du C.T.H.S., 1988. P. 47–48.
- ¹⁴ “...Since included in the treaty was a ban on any diplomatic approaches or agreements with the ‘so-called’ Dauphin” (*Curry A.E.* Op. cit. P. 29).
- ¹⁵ См.: *Armstrong C.A.J.* La Double Monarchie France-Angleterre et la Maison de Bourgogne (1420–1435): Le déclin d’une Alliance // *Armstrong C.A.J.* England, France and Burgundy. L.: The Hambledon Press, 1983. P. 348–363; *Leguai A.* Op. cit. P. 48–49. Об эпизоде, связанном с осадой Орлеана, см.: *Desama C.* Jeanne d’Arc et la diplomatie de Charles VII: l’ambassade française auprès de Philippe le Bon en 1429 // *Annales de Bourgogne.* 1968. № 40. P. 290–299.
- ¹⁶ *Curry A.E.* Op. cit. P. 30–31.
- ¹⁷ *Bonenfant P.* Op. cit. P. 128–129. Встречаются утверждения, что по договору в Труа дофин был лишен наследства и объявлен незаконнорожденным (см., напр.: *Калмыкова Е.В.* Указ. соч. С. 56). В действительности отстранение дофина от престолонаследия было произведено 17 января 1420 г. и связывалось с его причастностью к убийству в Монторо (*Ordonnances des rois de France de la troisième race: En 22 vols. P.: l’Imprimerie Royale, 1723–1846. Vol. 12. P. 273–277*). Созданная таким образом ситуация отсутствия у Карла VI прямых наследников являлась одной из необходимых предпосылок для заключения договора в Труа (*Фаавь Ж.* Указ. соч. С. 441). Вопрос о незаконном рождении будущего Карла VII не ставился (*Bonenfant P.* Op. cit. P. 132–133).
- ¹⁸ *Leguai A.* Op. cit. P. 43–44.

- ¹⁹ Э. Карри указывает, что договор в Труа лишил всех французских принцев крови права на корону, но не акцентирует внимание на Филиппе Бургундском (*Curry A.E.* Op. cit. P. 32).
- ²⁰ *Фавье Ж.* Указ. соч. С. 447.
- ²¹ Это мнение особенно ярко выражено в работе Й. Хейзинга (*Хейзинг Й.* Осень Средневековья / Пер. Д.В. Сильвестрова. 4-е изд. М: Айрис-пресс, 2004. С. 27–28, 35, 116), однако часто встречается и в позднейших работах, в особенности обобщающего характера.
- ²² См., напр.: Там же. С. 64; *Curry A.E.* Op. cit. P. 29.
- ²³ См.: *Calmette J.* Les grands ducs de Bourgogne. P.: Albin Michel, 1949. P. 185; *Vaughan R.* Philip the Good. The apogee of Burgundy. Woodbridge: The Boydell Press, 2002. P. 3–4.
- ²⁴ См.: *Фавье Ж.* Указ. соч. С. 439; *La Chronique d'Enguerrand de Monstrelet en deux livres avec pièces justificatives, 1400–1444: En 6 vols / Ed. by L. Douët-D'Arcq.* P.: SHF, 1857–1862 (далее – Monstrelet). Vol. 3. P. 361–362.
- ²⁵ См.: Monstrelet. Vol. 4. P. 17–20; *Calmette J.* Op. cit. P. 189–190; *Schnerb B.* Jean Sans Peur. Le prince meurtrier. P.: Payot & Rivages, 2005. P. 704.
- ²⁶ По этому договору между герцогами Бедфордом, Бургундским и Бретонским стороны обязались в случае необходимости предоставить друг другу контингент из 500 воинов, который со второго месяца службы поступал на содержание принимающей стороны (Monstrelet. Vol. 4. P. 147–149).

Р.М. Асейнов

«ОДРЯХЛЕВШЕЕ ДВОРЯНСТВО» И «ОБЩИНА»:
БУРГУНДСКИЕ ЗЕМЛИ ПЕРЕД ЛИЦОМ
ФРАНЦУЗСКОЙ АГРЕССИИ В 1477 г.*

Описание военных конфликтов занимало большую часть средневековых хроник. Бургундские историки преследовали целью прославление подвигов рыцарей. Однако события, последовавшие за гибелью Карла Смелого при Нанси в 1477 г., показали, что многие представители второго сословия предали интересы Бургундского дома или выступали за соглашение с королем, тогда как горожане активно выступили в защиту Марии Бургундской. Жан Молине, описавший события того периода в «Хронике» и в прозиметре «Кораблекрушение Девы», ярко продемонстрировал неспособность «Одряхлевшего дворянства» выполнять свои функции и стремление «Общины» отстаивать права герцогини.

Ключевые слова: дворянство, горожане, Жан Молине, предательство, французское вторжение.

«Дабы великие подвиги, совершенные в ходе войн между Францией и Англией, были достойным образом отмечены и занесены в вечную память скрижалей, откуда благородные люди смогли бы черпать примеры, я желаю взяться за их описание в прозе»¹, – так начинается свою хронику Жан Фруассар. Хронисты, творившие при дворе герцогов Бургундских Филиппа Доброго и Карла Смелого², продолжили традицию своего предшественника. Их исторические сочинения открывают панегирики тому сословию, чье призвание, по мнению первого официального историка Бургундского дома Жоржа Шатлена, превосходит цели всех других

© Асейнов Р.М., 2014

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, исследовательский проект № 13-01-00101а.

социальных групп, так как оно заключается в обеспечении порядка, защите церкви и христианской религии³. Второй официальный историк Бургундского дома Жан Молине видит назначение своего труда в том, чтобы вписать имена рыцарей в «мариологический чести, дабы они смогли жить после смерти»⁴. Утверждая, что первый подвиг рыцаря произошел на небесах, когда архангел Михаил низверг Люцифера, Молине описывает ежедневные подвиги земных рыцарей, стремящихся оберегать общее благо и не жалеющих для этого своих жизней. Именно этим подвигам он и намеревается посвятить свою хронику⁵. Желая поведать читателям о событиях, достойных внимания, Оливье де Ла Марш сосредотачивается именно на прославлении рыцарства: описывает турниры, свидетелем которых являлся, рыцарские подвиги на полях сражений. Подобное видение задач историка присуще и Монстреле⁶.

Однако не только стремлением воспеть рыцарские доблести объясняется повышенное внимание хронистов к описанию войн. Военные столкновения, будь то сражения Столетней войны, городские восстания, вооруженные конфликты при присоединении герцогами новых территорий, составляли основу повествования в хрониках той эпохи.

Многие бургундские авторы (например, Оливье де Ла Марш, Жан Лефевр де Сен-Реми, Жан де Энен) непосредственно принимали участие в военных действиях, чем, на наш взгляд, можно объяснить то, что большое внимание они уделяли описанию этих событий. Помимо сообщений об увиденном собственными глазами хронисты подмечали различные аспекты организации армии и ведения войны. Например, Оливье де Ла Марш и почти все другие бургундские хронисты пишут о военных реформах Карла VII⁷. Тот же де Ла Марш, в частности, одним из первых отметил роль пеших воинов в бою⁸.

С другой стороны, следует сказать о том, что изучаемые бургундские хронисты принадлежали к поэтической школе великих риториков, взгляд которых на исторический процесс проникнут глубоким пессимизмом⁹. История видится им как продолжающаяся порча общества и нравственного облика человека, в первую очередь государей, которые в конечном итоге определяют судьбу своих подданных¹⁰. Хроника Жоржа Шатлена начинается с весьма печальной картины всеобщего хаоса. Повсюду, как пишет автор, царят беспорядок, тирания. Подданные не подчиняются своим правителям, государи не заботятся о своем народе, клир стремится к роскоши и гонится за тщетной славой. Человечество вырождается, что подтверждают бесконечные войны, конфликты, эпидемии

и успехи главного врага христианского мира – великого Турка¹¹. Перед читателем предстает вполне традиционная для той эпохи картина в эсхатологических тонах, предрекающая скорый конец этого мира¹². Кроме того, картина всеобщих бедствий, вызванных войнами, усугубляется еще и братоубийством – гибелью двух членов королевского дома Людовика Орлеанского и Жана Бургундского, следствием которых стали продолжительные войны между арманьяками и бургиньонами.

Подобное видение современного мира присуще не только великим риторикам, но и другим бургундским авторам. Знатный сеньор и государственный деятель, советник Филиппа Доброго, Гуго де Ланнуа¹³, автор нескольких дидактических трактатов, в прологе своего «Наставления в истинном благородстве» пишет о бедствиях, которые вызывают бесконечные войны и неисполнение сословиями своих функций¹⁴.

И великие риторика, описывавшие войны в своих исторических или поэтических произведениях, и государственные деятели, которым приходилось лично участвовать в сражениях и затем переносить на страницы своих воспоминаний или трактатов увиденное, схожи в одном – военные события занимали их больше, чем периоды мира, хотя идеал они видели именно в обретении мира, будь то мир между Францией и Бургундией или мир между христианскими государствами, благодаря которому сможет осуществиться крестовый поход против турок, захвативших Константинополь.

Рассмотрение проблемы войны и мира в творчестве бургундских хронистов может проходить в разных ключах и затрагивать различные аспекты восприятия и описания ими главным образом войны, ибо мир, как свидетельствуют приведенные выше высказывания бургундских авторов, был идеальным состоянием общества, но в то же время труднодостижимым. В нашей статье хотелось бы основное внимание уделить описанию событий, последовавших за гибелью Карла Смелого при Нанси 5 января 1477 г. В первую очередь это касается рассказа Жана Молине¹⁵ о бедствиях простого народа в результате французской агрессии в земли Бургундского дома, наследницей которых являлась единственная дочь герцога Мария Бургундская, и действиях сословий – тех самых рыцарей, чьи подвиги воспевали бургундские хронисты, и горожан.

Установка на описание подвигов доблестных рыцарей и свойственное некоторым хронистам презрение к представителям третьего сословия¹⁶, в частности, к горожанам, что отчасти было вызвано многочисленными городскими восстаниями, способствовала

негативному восприятию и описанию качеств горожан, в том числе и как воинов. Собственно ведение войны не являлось их непосредственной обязанностью. Однако в позднее Средневековье происходит известная трансформация способов комплектования армии и выделяется пехота как отдельный вид войска¹⁷. В то же время представители неблагородных сословий стали претендовать также и на одну из главных функций дворянства – несение военной службы. Это, как кажется, обусловило своеобразное описание бургундскими хронистами способностей представителей других сословий, в первую очередь горожан, вести бой¹⁸.

Нет смысла останавливаться на том, как бургундские авторы описывали подвиги рыцарей, представленных воплощением храбрости, доблести и благородства, – это очевидно уже из цитированных выше строк из прологов их сочинений. Впрочем, приведем один пример. Жан Молине с восхищением описывает поведение сеньора де Бевра, руководившего обороной Сент-Омера. Доблестный рыцарь, более всего заботившийся о своей чести и верности своему сеньору, не поддался на шантаж Людовика XI, угрожавшего казнью его отца – великого бургундского бастарда Антуана, находившегося в плену у короля, – и не сдал город французам¹⁹.

Вместе с тем хроника отнюдь не исчерпывались одними лишь подвигами рыцарей, которые зачастую противопоставлялись жестокости и безрассудству сражавшихся против них горожан. Реалии войны заставляли их отходить от норм рыцарской этики²⁰, которым они следовали во время многочисленных турниров, проходивших во владениях герцогов Бургундских. Во время вооруженных столкновений с восставшими горожанами отнюдь не рыцарская этика определяла поведение на поле сражения. О многочисленных расправах над горожанами и разорении городов сообщают те самые бургундские авторы, намеревавшиеся писать только о достойных подражания поступках²¹. В то же время и восставшие не щадили своих противников – не только из числа дворян, но и других сословий. Например, жители Гента, по словам Жака дю Клерка, жгли деревни, убивали людей, в том числе женщин и детей²².

Описание же событий борьбы за «бургундское наследство» заставляло хронистов несколько корректировать свое отношение к третьему сословию и его способностям вести военные действия. Как кажется, именно пропагандистские цели и антифранцузская направленность способствовали некоторому изменению в социальных воззрениях бургундских авторов.

Антифранцузский пафос глав, повествующих о вторжении армии короля в бургундские земли, обуславливает подробнейший рассказ Молине о бедствиях простого народа (*le pauvre menu peuple*), вынужденного страдать от бесчинств солдат Людовика XI. Официальный хронист рисует устрашающую картину: завоеватели подвергают разрушению и разграблению захваченные города, убивают и насилюют их жителей, не жалея ни женщин, ни детей, ни стариков. Попавшие в плен подвергаются тяжелейшим пыткам, по сравнению с которыми смерть кажется лучшей долей²³. Более того, завоевателей не останавливает Божий гнев: они разрушают церкви и убивают священников. Армия французского короля, по словам Молине, уничтожала не только замки, стены, донжоны, но и «воевала» с засеянными полями, дабы лишить подданных Марии Бургундской средств к жизни. Официальный историк описывает несчастья простых крестьян, дома и поля которых разоряют французы, купцов, которые не могут спокойно торговать и рискуют потерять весь свой товар²⁴. В июле 1477 г. по приказу короля был уничтожен урожай на полях в окрестностях Валансьена и Дуэ, дабы еще больше устроить горожан, сопротивлявшихся французской армии. Безрезультатность этой акции вызвала гнев врага, который решил сжечь расположенные рядом деревни и аббатство²⁵. Несчастьям, которые несет подданным Марии Бургундской война, посвящены и многочисленные поэтические сочинения Молине²⁶, который сравнивает страдания подданных Марии со страданиям избранного народа Израиля, а их преследователей, французов, уподобляет египтянам и вавилонянам²⁷ и называет их прислужниками сатаны, ибо, поддавшись эмоциям, хронист называет французского короля Антихристом²⁸.

На фоне бедствий, обрушившихся на Бургундское государство и подданных Марии, показательное описание поведения сословий – второго, чьей функцией традиционно считалась защита общества, и третьего, к которому бургундские авторы относились с известным пренебрежением²⁹.

Сочинения Жана Молине свидетельствуют о том, что автор отчетливо осознает факт предательства многих представителей аристократии сразу же после гибели Карла Смелого³⁰. Официальный историк и мемуарист Оливье де Ла Марш с горечью констатирует, что многие знатные люди, пользовавшиеся благосклонностью и доверием герцога, очень быстро стали противниками Бургундского дома³¹. Переход на службу к французскому королю, по мнению Молине, преследовал цель получить определенную выгоду, что он

ярко показывает на примере Жана де Шалона, принца Оранского, надеявшегося получить должность наместника Бургундии³². Быстрое продвижение французских войск и занятие ими герцогства Бургундского, Франш-Конте и других земель ставяло аристократию задуматься о своей участи и ставило их перед тяжелой дилеммой: верность Бургундскому дому или присяга королю. Многие, как известно, выбрали второе, хотя были и те, кто, несмотря на тяжелое положение Бургундского государства и попытки привлечь их в лагерь короля, выбрали сторону своего «естественного сеньора». Таковым является Филипп де Круа, граф де Шиме, заслуживающий в хронике Молине весьма лестных отзывов³³. Людовик XI, вероятно, желал заполучить графа к себе на службу, о чем свидетельствует письмо короля от 16 октября 1478 г.³⁴, однако этот переход не состоялся. Любопытно, что в том же письме упомянут и Оливье де Ла Марш. На данный момент мы не располагаем какими-либо доказательствами того, что агенты короля вели переговоры с этими двумя, без сомнения, важными фигурами при Бургундском дворе. Однако примеры других придворных свидетельствуют, что таковые вполне могли иметь место. Не ясны и мотивы, которые определили их конечный выбор в пользу бургундского лагеря. Другой весьма авторитетный представитель крупной знати – Филипп де Кревкер – поступил иначе. Причем Молине, рассказывая о предательстве этим сеньором интересов Марии Бургундской и сдаче королю Арраса и Аббвиля, пытается фактически снять с него ответственность за этот поступок и возложить всю вину на Людовика XI. По словам хрониста, речи короля были настолько убедительными, что усыпляли каждого, кто их слушал³⁵. Этот образ короля-сирены Молине развивает в прозиметре «Кораблекрушение Девы», посвященном событиям франко-бургундской войны, последовавшей за гибелью Карла Смелого³⁶. О такой черте короля пишет и Оливье де Ла Марш, не раз имевший возможность лично общаться с ним во время многочисленных дипломатических миссий³⁷. Людовик XI, еще будучи дофином, во время пребывания при дворе Филиппа Доброго, куда он бежал после ссоры с отцом, Карлом VII, начал выстраивать целую сеть знакомств среди бургундской элиты. Став королем, он продолжил привлекать на свою службу ее представителей, используя их в том числе в борьбе с Карлом Смелым. После его гибели король использовал все средства для переманивания полезных ему людей из бургундского лагеря – угрозы, подкупы, обещания высоких должностей, а также промахи окружения Марии Бургундской или борьбу внутри него за влияние. Не всегда это

действовало, как было показано выше на примере сеньора де Бевра, сына великого бастарда Антуана. Случай же с Филиппом По, сеньором де Ла Рош, свидетельствует о том, что Людовик XI умело использовал разногласия при Бургундском дворе, в результате которых Филипп По был лишен должности капитана Лилля, Дуэ и Орши и фактически вынужден был удалиться от двора³⁸, чтобы привлечь его на свою службу. В сентябре 1477 г. он назначил сеньора де Ла Рош, с которым был знаком еще со времени пребывания при Бургундском дворе³⁹, великим сенешалем Бургундии⁴⁰.

Впрочем, не всех предателей Молине склонен оправдывать. В большинстве случаев он не только осуждает поступки перешедших на сторону врага, но и отмечает порочность многих перебежчиков. Например, Перо де ла Пласа, уроженца Эно, совершившего два убийства и изгнанного за эти преступления с родины, а теперь во главе французского отряда грабящего местное население⁴¹.

Однако была и другая часть дворянства, которая не перешла открыто на сторону короля, но и не проявляла, по мнению официального историка, большого усердия в борьбе против французской агрессии. Эмоционально и красноречиво названное им «Одряхлевающим дворянством» (*Noblesse debilitée*), оно, находясь под влиянием обещаний Людовика XI, призывало пойти на соглашение с королем. «Одряхлевшее дворянство» – один из основных персонажей уже упоминавшегося прозиметра «Кораблекрушение Девы» наряду с «Верным сердцем» и «Общиной». Последняя, являвшаяся собирательным образом жителей городов, представляется Молине в традиционном ключе, характерном для средневековых воззрений на назначение и особенности этого сословия, – социальная группа низшего предназначения, по сравнению с дворянством неразумная, грубая и жестокая⁴². Однако именно оно, а не дворянство оказалось не столь отзывчиво на увещевания сирен, подосланных китом, которому не удалось с ходу погубить корабль с помощью огромной армии морских чудиш⁴³. Под китом, без сомнения, можно угадать французского короля, стремившегося захватить наследство Марии Бургундской. Молине иносказательно, но вполне понятно для современников повествует, как этот кит, не получив желаемого военным путем, попытался схитрить и подослал к находящимся на корабле маленького дельфина в сопровождении сирен⁴⁴. Дельфин символизировал дофина Франции, сына Людовика XI⁴⁵, а сирены – переговоры, которые затеял король. Их цель – заключение брака между Марией и дофином, благодаря которому король надеялся получить бургундское наследство. Откликнувшись на сладкоголосые

песни сирен, «Одряхлевшее дворянство» призывает Деву броситься в пасть киту и найти тем самым спасение, тогда как грубая «Община», постоянно упрекающая знать, но вместе с тем верная своей госпоже, яростно противостоит попыткам второго сословия сдаться на милость противнику. Обращаясь к дворянству, «Община» укоряет его в невыполнении своего предназначения: вместо того чтобы защищать общее благо и представителей других сословий, они грабят крестьян и горожан.

Как и многие другие поэтические сочинения Молине, прозаический метр «Кораблекрушение Девы» перекликается с событиями, описанными автором в «Хронике». Упрек «Общины», адресованный «Одряхлевшему дворянству», является не только позицией горожан, но и самого официального историка, который на страницах своего исторического труда указал, на кого в действительности могла опереться Мария Бургундская в тот тяжелый период. Яростное сопротивление городов и неоднозначное поведение дворян заставляло иначе взглянуть на их функции в обществе. Впрочем, это объяснялось скорее самой критической ситуацией, в котором оказалось Бургундское государство. Последовавшие затем городские восстания против Максимилиана Габсбурга и наследников Марии не способствовали какому бы то ни было кардинальному пересмотру воззрений бургундских авторов на качества городского сословия. Однако во время борьбы с французской агрессией именно в городах и горожанах Молине, например, видит главных сторонников бургундской власти, тогда как знать выбирает путь соглашения с королем или переходит на его сторону. Это особенно ярко показано им на примере крупной аристократии Бургундии⁴⁶ и Франш-Конте⁴⁷.

На фоне предательства знати прославления заслуживают города, сопротивляющиеся превосходящим их гарнизоны силам противника. Это, например, города Авен⁴⁸ и Конде⁴⁹. Именно горожане, купцы и другие жители города Сент-Омер, по словам Молине, в своем сердце носили крест Св. Андрея. После его отвоевания повсюду были слышны возгласы: «Да здравствует Бургундия!»⁵⁰. Более того, горожане, как и «Община» в «Кораблекрушении Девы», постоянно упрекали дворян в предательстве и не доверяли им, ибо многие из них провозгласили себя французами⁵¹. Подобная ситуация заставляла хронистов с еще большей настойчивостью прославлять тех, кто был верен «бургундскому делу» и остался истинным «бургундцем». Например, матрона Мион дю Молен, которая была так предана Бургундии, что ненавидела французов. Захватив городок, в котором она жила, и узнав о ней, они попы-

тались заставить ее прокричать «Да здравствует король!» Но даже под страхом смерти она выкрикнула следующее: «Да здравствует король милостью дьявола!»⁵²

Впрочем, будучи верным своей задаче прославлять рыцарство, Молине находит и тех его представителей, которые сохраняют верность Бургундскому дому и оказывают отчаянное сопротивление завоевателям. Этих «Роландов и Оливье» он всячески превозносит – уже сравнение с персонажами, прославившимися своей верностью, должно было запечатлеть их в памяти потомков. Таковы упомянутые выше сеньор де Бевр и граф де Шиме или сеньор д'Арси, возглавивший восстание против французов в Аррасе⁵³.

Вступление войск Людовика XI на территории, принадлежавшие Бургундскому дому, и быстрое завоевание герцогства Бургундия, Пикардии и ряда других земель было расценено именно как агрессия теми, кто сохранил верность наследнице Карла Смелого, что нашло яркое отражение в сочинениях бургундских авторов, в первую очередь Жана Молине. Официальный хронист и в историческом сочинении и в многочисленных поэтических произведениях отметил, что организация сопротивления противнику сталкивалась со множеством трудностей, которыми стали переход на сторону короля многих представителей высшей аристократии или желание некоторых членов окружения Марии пойти на переговоры и уступки Людовику XI. В то же время яростное сопротивление французам осажденных городов или восстания в уже захваченных городах, описанное в «Хронике» и иносказательно в прозиметре «Кораблекрушение Девы», заставили Молине и в третьем сословии увидеть истинного защитника Бургундского дома.

Примечания

¹ Фруассар Ж. Хроники. 1325–1340 / Пер. М.В. Аникиева. СПб.: Из-во С.-Петербургского ун-та, 2008. Т. 1. С. 23.

² Речь идет о хронистах так называемой бургундской школы Жорже Шатлене, Жане Молине, Оливье де Ла Марше и др. О ней см., напр.: *Devaux J. L'historiographie bourguignonne, une historiographie aveuglante? // La cour de Bourgogne et l'Europe. Le rayonnement et les limites d'un model culturel / Sous la dir. de W. Paravicini. Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag, 2013. P. 83–96; Асейтов Р.М. Историческая культура при дворе герцогов Бургундских: к вопросу о «бургундской школе» // Придворная культура в эпоху Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М.: РОС-СПЭН (в печати).*

- ³ *Chastellain G.* Œuvres / Ed. J. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1863–1865. Vol. 6. P. 416–417.
- ⁴ *Molinet J.* Chroniques / Ed. G. Doutrepoint et O. Jodogne. Bruxelles, 1935–1937. Vol. 2. P. 592.
- ⁵ *Ibid.* P. 589–590.
- ⁶ *Monstrelet E. de.* Chroniques / Ed. J.-A.-C. Buchon. P., 1875. P. 2.
- ⁷ См.: *La Marche O. de.* Mémoires / Ed. H. Beaune et J. d'Arbaumont. P., 1883–1888. Vol. 1. P. 61; *Clercq J. du.* Mémoires / Ed. F. de Reiffenberg. Bruxelles, 1835–1836. Vol. 2. P. 395–396; *Escouchy M. d'.* Chronique / Ed. G. du Fresne de Beaucourt. P., 1863–1864. Vol. 1. P. 55–56.
- ⁸ *La Marche O. de.* Op. cit. Vol. 3. P. 89–90.
- ⁹ См.: *Devaux J.* Jean Molinet indiciaire bourguignon. P.: Champion, 1996. P. 71.
- ¹⁰ См., напр., фрагмент «Хроники» Ж. Шатлена, где официальный историк, разочаровавшись в Карле Смелом и Людовике XI, упрекает всех государей в порочности и игнорировании их непосредственных обязанностей (*Chastellain G.* Op. cit. Vol. 5. P. 476–477).
- ¹¹ *Ibid.* Vol. 1. P. 10–11.
- ¹² См.: *Хейзинга Й.* Осень средневековья / Пер. Д.В. Сильвестрова. М.: Айрис-пресс, 2002.
- ¹³ Вопрос об авторстве «Наставления в истинном благородстве» остается до сих пор нерешенным. Однако последние исследования Б. Стерши весьма убедительно, на наш взгляд, свидетельствуют, что автором был именно Гуго де Ланнуа. См.: *Sterchi B.* Hugues de Lannoy, auteur de *l'Enseignement de vraie noblesse*, de *l'Instruction d'un jeune prince* et des *Enseignements paternels* // *Le Moyen Age*. 2004. T. 110. P. 79–117.
- ¹⁴ *L'Enseignement de vraie noblesse.* Koninklijke Bibliotheek van België (Bibliothèque royale de Belgique). KBR 11047. Fol. 5r–6v.
- ¹⁵ В целом этот вопрос анализируется в работах Ж. Дево и Э. Бусмара. См.: *Devaux J.* Jean Molinet, indiciaire bourguignon. P. 116–119, passim; *Bousmar E.* Duchesse de Bourgogne ou “povre desolée pucelle”? Marie face à Louis XI dans les chapitres 45 et 46 des Chroniques de Jean Molinet // *Jean Molinet et son temps* / Dir. J. Devaux, E. Doudet, E. Lecuppre-Desjardin. Turnhout: Brepols, 2013. P. 97–113.
- ¹⁶ О социальных идеях средневековых французских авторов см., напр.: *Малинин Ю.П.* Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV–XV вв. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. С. 93–152.
- ¹⁷ Об этом см., напр.: *Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М.: Высшая школа, 1989. С. 156–167.
- ¹⁸ Подробнее о представлениях бургундских хронистов о функциях дворянства и городского сословия, в частности в плане несения военной службы, см.: *Асейнов Р.М.* Рыцари и горожане в представлениях бургундских хронистов об иерархии общества // *Иерархическое Средневековье* / Отв. ред. А.К. Гладков (в печати).
- ¹⁹ *Molinet J.* Chroniques. Vol. 1. P. 195.
- ²⁰ *Малинин Ю.П.* Указ. соч. С. 51–70.

- ²¹ Примеры см.: *Асейнов Р.М.* Рыцари и горожане... (в печати); *Он же.* Восстание в Генте 1452–53 гг. в бургундской историографии XV в. // Вестн. Московского ун-та. Сер. 8. История. 2008. № 2. С. 105–122.
- ²² *Clercq J. du.* Op. cit. Vol. 2. P. 70, 72. Подробнее см. в работах, указанных в предыдущей сноске.
- ²³ *Molinet J.* Chroniques. Vol. 1. P. 212.
- ²⁴ Ibid. P. 219–220.
- ²⁵ Ibid. P. 220–221.
- ²⁶ См.: *Devaux J.* Jean Molinet, indiciaire bourguignon. P. 480, passim.
- ²⁷ *Molinet J.* Chroniques. Vol. 1. P. 225.
- ²⁸ Ibid. P. 537–538.
- ²⁹ См.: *Асейнов Р.М.* Рыцари и горожане... (в печати).
- ³⁰ Подробнейший анализ темы предательства в «Хронике» Молине см.: *Devaux J.* Jean Molinet, indiciaire bourguignon. P. 397–410.
- ³¹ Напр.: *La Marche O. de.* Op. cit. Vol. 3. P. 158.
- ³² *Molinet J.* Chroniques. Vol. 1. P. 179.
- ³³ См., напр.: Ibid. P. 164, 247.
- ³⁴ *Louis XI.* Lettres choisies / Ed. H. Dubois. P., 1996. P. 389.
- ³⁵ *Molinet J.* Chroniques. Vol. 1. P. 212.
- ³⁶ Напр.: *Molinet J.* Faictz et Dictz / Ed. N. Dupire. P., 1936–1939. Vol. 1. P. 92–93.
- ³⁷ *La Marche O. de.* Op. cit. Vol. 3. P. 34.
- ³⁸ *Vaivre J.-B. de.* Un primitif tiré de l'oubli: le panneau de Philippe Pot de Notre-Dame de Dijon // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscription et Belles-Lettres, 149-e année. 2005. № 2. P. 843–844.
- ³⁹ Жорж Шатлен указывает на заинтересованность короля в Филиппе По. Например, на протяжении всего праздничного банкета по случаю коронации Людовика XI разговаривал с Филиппом По; см.: *Chastellain G.* Op. cit. Vol. 4. P. 61.
- ⁴⁰ Archives départementales de la Côte-d'Or. B 17. Fol. 45v.
- ⁴¹ *Molinet J.* Chroniques. Vol. 2. P. 119.
- ⁴² *Molinet J.* Faictz et Dictz. Vol. 1. P. 79.
- ⁴³ Ibid. P. 88–92.
- ⁴⁴ Ibid. P. 88–89.
- ⁴⁵ Во французском языке дельфин и дофин обозначаются одним словом – dauphin.
- ⁴⁶ *Molinet J.* Chroniques. Vol. 1. P. 175.
- ⁴⁷ Ibid. P. 179.
- ⁴⁸ Ibid. P. 198.
- ⁴⁹ Ibid. P. 258.
- ⁵⁰ Ibid. Vol. 2. P. 99.
- ⁵¹ Ibid. Vol. 1. P. 218.
- ⁵² Ibid. P. 187.
- ⁵³ Ibid. P. 188.

Личность, общество и власть в XVI–XX веках

С.Г. Извеков

«НИ МИРА НИ ВОЙНЫ». ПОСОЛЬСТВО АВСТРИИ К СУЛТАНУ СУЛЕЙМАНУ ВЕЛИКОЛЕПНОМУ В 1541 г.

Цель статьи – попытка анализа образа турок в автобиографических сочинениях Сигизмунда фон Герберштейна (1486–1566). Дипломат, автор знаменитых «Записок о Московии», был главой посольства Австрии к Сулейману Великолепному в 1541 г. Герберштейну было поручено уговорить Сулеймана Великолепного уступить правителю Австрии венгерские земли. И хотя своих задач миссия Герберштейна не выполнила, отчет о поездке представляет большую ценность для истории, ведь в нем подробнее, чем в сочинениях современников, отображен походный быт султана, дипломатический церемониал османов. Мы постарались показать, как в сочинениях посла Габсбургов представлены лагерь противника и отношение к европейцам. Перевод источника приведен нами в приложении.

Ключевые слова: Буда, Османская империя, Венгрия, Фердинанд I Габсбург, Сулейман Великолепный, Герберштейн, дипломатия.

Несомненно, европейцы составили представление о Востоке еще в эпоху арабского нашествия и Реконквисты, но именно в Раннее Новое время связи с восточными соседями стали постоянными и интенсивными. Ведь именно в начале XVI в. Османская империя, уже покорившая Балканы, непосредственно сталкивается со странами Центральной и Западной Европы. Согласно подсчетам немецкого историка Карла Гёлльнера, 45 % донесений о турках в XVI в. в Европе написаны именно на немецком¹. И это не случайно – земли Священной Римской империи постоянно пребывали

в состоянии борьбы с османами. В нашей статье мы хотели бы проанализировать одно из таких донесений – рассказ Сигизмунда фон Герберштейна о поездке к османскому султану в Буду в 1541 г.

Кроме своего знаменитого труда «Записки о Московии» выдающийся австрийский дипломат и государственный деятель написал немало автобиографических работ². В них он описал свои дипломатические поездки с подробным указанием маршрутов, записями переговоров. Эти труды представляют немалый интерес для науки, в них автор не только рассказывает о самих посольствах, но и излагает свои мысли по вопросам истории, этики, культуры, науки.

Источником для нашей работы послужила рукопись автобиографии Герберштейна, хранящаяся в Венском государственном архиве³, в ней рискованное посольство к султану описано подробнее, чем в иных произведениях дипломата. Эта рукопись была издана дважды: архивистами М.Д. Ковачичем и Т. фон Караяном⁴. В приложении нами приведен перевод фрагментов текста, ярко иллюстрирующий рискованную экспедицию дипломата.

По жанру текст более всего похож на дорожный дневник. Скорее всего, приведенный отрывок составлялся на основе ежедневных записей и официальных отчетов дипломата. Тексту свойственна точность хронологическая, географическая и фактическая. Все имена и чины указываются, любая деталь быта описывается в подробностях.

При анализе текста мы постарались в первую очередь сосредоточиться на дипломатическом церемониале обеих сторон, бытовой стороне пребывания австрийских дипломатов в лагере султана, выяснить, как строились общение, протокол. Нам было важно понять, как сам дипломат воспринимал турок и каковы были отношения к иноземцам при дворе султана.

Само посольство от имени короля Чехии и Венгрии, эрцгерцога Австрии Фердинанда к султану Сулейману Великолепному было третьим после миссий И. Хабарданца 1528 г.⁵ и Й. Ламберга 1530 г.⁶ Поводом к посольству послужило вторжение султана в Венгрию и захват им Буды в 1541 г. 30 августа Фердинанд посылает к султану новую дипломатическую миссию в составе Сигизмунда Герберштейна и графа фон Зальма. Такая оперативность может быть объяснена тем, что Фердинанд рассматривал переговоры как единственный возможный способ повлиять на ситуацию.

Из рассказа Герберштейна можно сделать вывод о том, что турки были хорошо подготовлены к приезду делегации. На корабль дипломатов присылают переводчика по имени Махмут, о котором

Герберштейну известно, что он был немцем⁷. В источниках того времени редко встречаются сообщения о тех, кто перешел на сторону османов. Поэтому это упоминание представляется весьма ценным.

В лагере уже все было готово к приему членов делегации от Фердинанда: заранее приготовлены шатры и постелены большие ковры. Их сопровождением в лагерь и из лагеря занимался чауш-баши, глава курьерской службы султана⁸. Вряд ли это свидетельствует о радушии хозяев, скорее о недоверии к гостям и неусыпном наблюдении за ними.

Общение с высокопоставленными лицами Порты допускало долгие переговоры. Видимо, Герберштейн был знаком с правилами ведения переговоров. Он посетил многих, имеющих вес при дворе османских чиновников, вручил им подарки. Сопровождая делегацию, турки водили ее по таким местам, где они могли бы воочию увидеть силу и мощь армии султана, его величие и могущество. Все это должно было подействовать на воображение дипломатов, нагнать на них страху, поставить в невыгодное положение в переговорах, заставить отказаться от выдвигаемых условий и в конечном счете признать верховенство султана.

Из рассказа Герберштейна вырисовывается оформившийся сложный дипломатический церемониал и протокол при дворе турецкого султана, целью которого, во всяком случае перед лицом враждебных государей, было показать превосходство султана, мощь его государства и армии, подчинить послов воле султана. По отношению к дипломатам хозяева ведут себя сдержанно, соблюдая протокол, но за этим чувствуются напряжение, недоверие, а также сознательное игнорирование чужого посольского обычая. Кроме того, мы видим пределы турецкого гостеприимства: стоило делегации завершить переговоры, как служащие султана перестают заботиться о них, требуют денег за услуги, отказываются доставлять еду и в конце концов совсем исчезают. Послы им уже неинтересны.

Посольство окончилось безрезультатно: венгерские земли от Мишкольца на севере до Видина на юге, от Дебрецена на востоке до Сомбатхея на западе образовали новый административный округ в составе Османской империи: Будайский пашалык, которым управлял паша. Трансильвания стала отдельным княжеством, признавшим вассальную зависимость от Османской империи. Только позже, в 1547 г., будет наконец подписан на пять лет Адрианопольский мир между Сулейманом и императором Карлом V.

Приложение

Посольство Герберштейна к султану Сулейману Великолепному (перевод с сокращениями по автобиографическому сочинению Герберштейна, изданному М.Д. Ковачичем)⁹.

Поездка к туркам

Турецкий султан подошел и разбил лагерь выше Буды. Так как все, кто остался в живых, обратились в бегство, то у нас не было иных мыслей, кроме того, что турки стремительно идут к своей победе. Поэтому 27 августа [1541 года] Его Королевское Величество, оказав мне особую милость, вызвал меня в Винер-Нойштат с тем, чтобы я принял на себя посольскую поездку. И, несмотря на то, что мне было тяжело бросить жену и все свое имущество в такое время всеобщего бегства и тревоги и это было опасно для моей жизни, повсюду погибали люди в ожесточенной борьбе, но я заставил себя совершить поездку, будучи верен моему правителю и моему отечеству. Его Королевское Величество приставил ко мне двух представителей. Одного, который готов исполнять мои поручения, как я хотел, а второго – графа Николауса фон Зальма¹⁰.

...

На пятый день мы направились в Эстергом, там нас ждал Хасан Бек¹¹ вместе с оживленным эскортом турок. Он отправился с нами на шестой день к нашему кораблю. Затем мы поплыли в Вишеград, где мы также добавили к другим один насад¹². На следующий день мы оказались в османском лагере, это было во вторник.

Прежде, чем мы прибыли в землю турок¹³, к нам приехал на маленьком суденышке немец Тайнц, по должности Thulman, что означает толмач, драгоман¹⁴. Его имя у турок было Махмут. Он родился в Вене, его крестили под именем Зебальд, он был младшим сыном Якоба из Бибераха. Он всегда переводил нам сказанное и показал себя с хорошей стороны. Да хранит его Бог!

В тот же вечер несколько позднее, но никак не раньше, навстречу к нам по воде прибыл чауш-баши¹⁵ вместе с множеством других турок. Нам также предоставили лошадей, на них мы и отправились в лагерь. К нашему шатру или палаткам, которые были сооружены заранее, и для нас на земле был постелен большой ковер. Палатка стояла на расстоянии выстрела из лука от палатки Рустама-паши¹⁶, между тем это было не такое уж хорошее место. Мы отужинали в ту же ночь на нашем корабле, Рустам-паша

просил у нас за это прощения, так как ничего не было точно известно о нашем прибытии¹⁷.

На седьмой день нас привели к Рустам-паше, который сидел на низком кресле, потом встал перед нами и протянул нам свои руки. Он велел нам принести такие же кресла или стулья и разрешил нам сесть. Толмач стоял на коленях рядом с нами и потом по привычке сел, скрестив ноги¹⁸. Рустам-паша сказал, что мы должны сообщить ему обо всех наших делах, ибо он является верховным господином, с которым мы будем иметь дело все это время. Затем мы должны были пойти к Мехмет-паше¹⁹, который напал на нас, разбил и опустошил. Мехмет-паша предлагал нам вести переговоры как наилучший вариант в данной ситуации.

Потом мы пошли к Хусрам-паше²⁰, но, поскольку мы не имели сведений о том, что Сулейман повысил его до звания пашы и правителя Буды, мы не оказали ему никаких почестей с подобающей торжественностью, тем не менее мы также его посетили.

...

На восьмой день нам было кратко объявлено, что мы должны ехать к султану. Вскоре мы отправились в путь. Мы долго ехали через расположение армии, с обеих сторон появились всадники, чье-то длинными шеренгами. Мы налегке отправились к переводчику, приветствовал его поклоном, и он ответил нам на это также любезно. Нас отвели к прекрасному шатру, перед которым стояли двое людей с пищалями для охраны султана, между тем там не было никакой другой палатки, и мы стояли там и остались с придворными снаружи.

Вблизи этого шатра стоял другой почти такой же. Нас позвали туда, там находились Рустам-паша, Мехмет-паша и Мехмет-Бек. Это они, так напав на наш народ, способствовали нашему отступлению. Они сели один подле другого на низкие кресла, около тропы, которая вела к султану. Немного позади пашей сели, вероятно, двое верховных судей. У другого входа, куда нас отвели, на четырехугольном ковре на земле сидели какие-то люди, это были писцы. Они встали около нас, потом нам также принесли такие же кресла и мы сели около трех пашей, они говорили один за другим. Между тем принесли еще одно кресло, которое поставили между нами. Перед пашой постелили белый платок, затем поставили широкое оловянное блюдо и по краям блюда положили хлеб. Его дали пашам, и каждому из нас на полу постелили красивые платки, а сверху платки не белые, но всё же чистые. Затем небрежно

поставили кушанья на траву, еда стояла посередине, поэтому любой мог брать пальцами все, что хотел. Нож нам был не нужен, так как там было восемь или девять нарезанных кусков хлеба, их мы и поели. Наконец, когда трапеза была закончена, каждому была поднесена поднятая с земли маленькая чаша с пресной водой на оловянном блюде, похожем на тарелку, чтобы пить. Двоим же судьям это же самое кушанье было подано на подносе, а писцу на землю. После трапезы трое пашей отошли к султану, нас отвели в шатер, затем и нас позвали, мы шли через пространство между шатрами, с обеих сторон сидели и стояли янычары, на расстоянии выстрела из лука друг от друга. Мы их также приветствовали, и они нас в ответ. К нам подошел еще один человек, который строго указал нам, как нам подобает идти, но мы сохраняли надлежащий нам шаг. Итак, мы зашли в первый шатер султанского штаба, где стоял его евнух.

...

Несколько людей сделали пару шагов по шатру, среди них был и султан. Когда мы зашли в шатер, то мы увидели, что султан сидит на каком-то сиденье, который я принял за кровать: длинный и широкий, выглядевший как золотой. Перед ним стояли двое: Рустам и Мехмет-паша, третий подошел к нам. Кроме того, с обеих сторон стояли двое с длинными серебряными жезлами. Оба паша взяли графа²¹, каждый под свою руку, и повели его к султану, чтобы султан дал ему свою правую руку, а граф встал на колени и поцеловал ее. В это время меня оставили стоять за дверью шатра, но вышел граф, и они меня тоже подвели к султану, чтобы я поцеловал руку.

Когда мы там встали, султан сказал: «Что скажете вы?», «Чего хотите вы?». Это нам перевели. Рустам-паша обратился к нам: «Говорите теперь все султану, что мне говорили». Затем я приветствовал правителя и затем показал подарок, который находился в другой палатке, и император мог его видеть сидя. Далее я изложил причины того, с чем мы были сюда посланы. На эти несколько моих высказываний султан сказал: «Не видели ли вы моего пашу?», и рукой указал на Мехмета-пашу. На его обращение я дал свой ответ. Султан сказал: «Приказываю вам оставаться на месте и все, что забыли, договорить». После окончания речи султан промолвил: «У вас всё?», на что я сказал, что нам более нечего сообщить. После этого султан проговорил: «Повелеваю вам уйти». Поэтому мы поклонились и удалились.

...

На десятый день в наш шатер каждому из нас принесли два турецких сюртука и пять маленьких отрезков шелка и по 5 тысяч аспров²², к тому же несколько маленьких отрезков шелка для нашей свиты, которая нас сопровождала. В тот же день мы были доставлены султану прославленными турецкими воинами. Все было так же, как и в прошлый раз, за исключением того, что мы не обедали вместе с пашами. И прежде всего, когда нас привели в шатер, мы должны были долго ждать, так как султан трапезничал. Мы видели, как еду несли туда на золотых или позолоченных блюдах. И когда мы после этого зашли в шатер султана, графа подвели, чтобы он поцеловал руку султана. Затем и я подошел к султану, но я не хотел так низко нагибаться, ведь я не хотел целовать его руку, так как за это мне в моей стране был бы большой позор. Поэтому я сказал Рустаму-паше по-славянски (ибо он был рожден там, где на нем говорят²³), что не могу этого сделать и прошу ради Бога его мне помочь. Но он не помог мне, а султан понял все и поднял руку выше колена к моей щеке, чтобы я устами своими мог к ней прикоснуться. Я должен был понять и оценить это как проявление ко мне милосердия и добра.

...

В этот же день паша велел нам проследовать через лагерь, ниже и около Дуная. Можно было видеть корабли, которые они привели с собой, и то, что они захватили у нас вместе с нашим отобранным оружием. Затем нас повели за город и замок на водонапорную башню, которая стояла там на земле. И в эту башню можно было бы поместить большую пушку с толстым и длинным мешком с порохом, но там находились только солдаты. Он задавал нам разнообразные вопросы и пожелал быстро вернуться. Он спросил меня по-славянски, что я видел, я ответил, что вижу величие величайшего властителя. Это Рустаму-паше очень понравилось.

После этого нас снова провели через войско²⁴ и после долгого пути привели на высокий холм. Я не могу описать даже половины охватившего меня чувства слабости, но граф со свитой был в другом месте и также видел огромное войско. Затем мы подошли к некоторым их полевым орудиям, длинным и маленького размера, они предназначались для нападения на нашу страну.

На одиннадцатый день нас позвали, но Рустам-паша после долгой речи положил два письма в золотые чехлы, так как туда по их обычаю клали письма, о которых он нам рассказал. Он взял пись-

ма, сложил их в длину, запечатал их своими устами, затем положил в свой ларец и протянул графу. Рустам-паша сказал, что он дает ему эти письма для передачи нашему господину королю, которым мы и были сюда посланы.

Нам был назначен в провозчатые чауш, который вел нас и оставался при нас в нашем шатре, не создавая нам никаких неудобств. Мы вернулись к ночи, а утром нам дали бочонок вина, немного баранины, также немного говядины и несколько сахарных голов; другие турки также угощали нас, и другой толмач все время был с нами любезен. Но в день, когда мы должны были попрощаться с султаном, а они должны были передать нам еду, [от нас] потребовали денег за то, что нам прислуживают. Когда мы им дали денег, к нам они больше не пришли и ничего больше нам не дали. Многих людей мы просили остановить это бесстыдство, чтобы нам отдали обещанное.

Примечания

¹ *Göllner C., Turcica I. Die europäischen Türkendrucke des XVI. Jahrhunderts 1501–1550. Bukarest, 1961. P. 1–16.*

² Манускрипт сочинения дипломата на немецком языке: *Alle meschen sollen...* // Österreichisches Staatsarchiv. Haus Hof uns Staatsarchiv. Signatur: Rot 11. Прижизненные издания автобиографических работ дипломата на немецком языке: а) Sigmund Freyher zu Herberstain Neyperg, und Guttenhag, oberster Erbcamrer und oberster Druchsas in Karnttn... Wien, 1558; б) Sigmund Freyher zu Herberstain / Neyperg und Guettenhag / Obersten Erbcamrer / und Obersten Erbdruckhsäß in Khärndten... Wien, 1560. Прижизненные издания на латинском: а) *Gratae Posteritati Sigismundus Liber Baro...* Wien, 1558; б) *Defensio iniuste delatorum Sigismund Liber Baron in Herberstain.* [Wien, 1560–1562]; в) *Gratae posteritati Sigismundus liber baro etc.* ... Wien, 1560; г) *Typus concordiae fraternae ab illustri et generoso viro D. Sigismundo Libero Barone in Herberstein...* Wien, 1563. Издания источников, сделанные в XIX в.: а) *Main Sigmund Freuherrn zu Herberstain, Neyperg und Guttenhag Raitung und Antzaigen maines Lebens und Wesens wie hernach volgt* // Kovachich M.G. *Sammlung kleiner nochdruckten Stücke, in welchen gleichzeitige Schriftsteller einzelne Abschnitte der ungarischen Geschichte aufgezeichnet haben.* Ofen, 1804. Bd. 1. S. 111–276; б) *Herbersteins Reise nach Spanien. 1519* // Chmel J. *Habsburgisches Archiv.* Wien, 1846. Bd. 1; в) *Selbst-Biographie Siegismunds Freiherrn von Herberstein 1486–1553* // *Fontes rerum austriacarum / Hrsg. von Th. G. von Karajan.* Wien, 1855. Bd. 1. S. 67–396; г) “*Das Familienbuch*” Siegmunds von Herberstein von J. Zahn // *Archiv für österreichische Geschichte.* Wien, 1868. Bd. 39. S. 295–415.

³ Alle meschen sollen...

⁴ Издание Т. фон Караяна: *Selbst-Biographie Siegismunds Freiherrn von Herberstein* 1486–1553. Bd. 1. S. 67–396. Издание М.Д. Ковачича: *Main Sigmund Freuherrn zu Herberstein...* Bd. 1. S. 111–276.

⁵ *Legatio Ioannis Hoberdanacz et Sigismundi Weichselberger ad Suleimanum I. Imperatorum Turcarum iussu Ferdinandi I. Regis Hung. Boh. etc. obita Anno MDXXVIII.* Strack, 1837.

⁶ *Benedikt Kuripešić. Itinerarium der Gesandtschaft König Ferdinand I. von Ungarn nach Konstantinopel 1530.* Augsburg, 1531.

⁷ *Main Sigmund Freuherrn zu Herberstein...* Bd. 1. S. 263.

⁸ *Ibid.* S. 265.

⁹ *Ibid.* S. 262–276.

¹⁰ Николаус фон Зальм младший (1522–1550) – генеральный казначей Фердинанда I. Здесь и далее в сносках примечания переводчика.

¹¹ Хасан-бек – видный флотоводец Османской империи, воевавший в Алжире.

¹² Насад – речное плоскодонное, беспалубное судно с высокими набитыми бортами, с небольшой осадкой и крытым грузовым трюмом.

¹³ Герберштейн воспринимает захваченные земли Венгрии уже как турецкую территорию.

¹⁴ Драгоман – придворный переводчик султана.

¹⁵ Чауш – в Турции член специального корпуса Порты, употреблявшегося как эскорт султана при дворе. Чауш-баши – в Турции «начальник чавушей», исполнявший функции адъютанта великого визиря.

¹⁶ Дамат Рустам-паша Мекри (1500–1561), великий визирь султана Сулеймана I.

¹⁷ Судя по всему, для посольства готовились ужин и жилье по прибытии. Это указывает на устоявшийся протокол встречи посольств османами.

¹⁸ Дословно «сел на свои ноги», сел по-турецки.

¹⁹ Скорее всего, это был Мехмед-паша Соколлу, впоследствии великий визирь Порты. Участвовал в походе на Буду в 1541 г.

²⁰ Скорее всего, Диван Хусрев-паша – видный военачальник Сулеймана Великолепного.

²¹ Имеется в виду граф Николаус фон Зальм.

²² Так в Европе называлась турецкая монета «акче».

²³ Рустам-паша был хорватом.

²⁴ Рустам-паша.

С.А. Кариков

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ШМАЛЬКАЛЬДЕНСКОЙ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ВИТТЕНБЕРГСКИХ РЕФОРМАТОРОВ

Статья посвящена характеристике произведений виттенбергских реформаторов, написанных накануне, во время и после завершения Шмалькальденской войны в Германии. Проанализированы публицистические трактаты, письма, отчеты реформаторов. Сделан вывод о достижении компромисса между виттенбергскими теологами и территориальной властью курфюршества Саксонского.

Ключевые слова: виттенбергские реформаторы, Шмалькальденская война, Реформация, власть, курфюршество Саксонское, конфессионализация.

40-е гг. XVI в. стали одним из наиболее напряженных этапов Реформации и конфессионализации в Германии. В предшествующее десятилетие власти Священной Римской империи, прежде всего в силу сложной внешнеполитической ситуации, вынуждены были приостановить ведение активных действий против сторонников евангелизма. Однако с преодолением турецкой угрозы и заключением десятилетнего перемирия с Францией в Крепи Карл V получил возможность сосредоточиться на борьбе с внутренним противником.

К этому времени основной силой Шмалькальденского союза, противостоявшего императору, являлось курфюршество Саксонское. Такое положение определялось не только военной мощью этой территории, но и ее активным участием в Реформации. Важную роль в этом процессе играли виттенбергские реформаторы – ближайšie соратники Мартина Лютера Филипп Меланхтон,

Иоганн Бугенхаген, Каспар Круцигер, Юстус Йонас, Георг Майор. Однако со смертью Лютера в 1546 г. евангелическая группировка оказалась лишенной духовного лидера национального масштаба.

Ни один из виттенбергских реформаторов, не взирая на незаурядные личные качества, не был человеком настолько разносторонне одаренным и авторитетным, как Лютер. Каждый из них также решал разнообразные проблемы евангелического движения, но все же наиболее ярко выявил свои способности в определенной сфере: написании теологических трудов (Меланхтон, Круцигер, Майор), проведении визитаций (Йонас), пасторском служении и реформировании территориальной церковной организации (Бугенхаген). Лютер же одинаково успешно сочетал в своем лице качества теолога, проповедника, идеолога, визитатора, организатора, памфлетиста. Кроме того, в течение своей жизни он неоднократно выражал отрицательное отношение к военным действиям как средству распространения Реформации, в частности – заявляя в сочинении «О светской власти...» (1523 г.) о непризнании права территориальных князей выступать против императора.

После смерти Лютера его соратники не смогли удержать протестантских правителей от вступления в войну. Однако это не означает, что военные действия в германских землях в 1546–1547 гг. остались вне поля их зрения. Объект изучения в данной работе – произведения различных жанров, написанные виттенбергскими реформаторами накануне, в ходе и по завершении Шмалькальденской войны. Предмет нашего исследования – оценки, данные реформаторами предпосылкам и последствиям военных действий, позволяющие определить их идейно-политические позиции.

Уже в послании к пасторам и проповедникам (4 июля 1546 г.), изданном от имени Бугенхагена (некоторые исследователи допускают участие в его написании Меланхтона), возможная война охарактеризована как «великая и ужасная», что объясняется прежде всего угрозой для Германии со стороны «чужеземцев, жаждущих немецкой крови, не знающих учения Христа, жестоких и свирепых»¹. Основные цели противника авторы послания связывают со стремлением «насадить идолопоклонничество, восстановить прежний порядок мессы и иные нарушения [Слова] Божьего, разрушить семь священнослужителей, уничтожить истинное вероучение, запретить подлинное христианское Таинство Причастия, истребить множество благочестивых образованных людей»².

Идеологи лютеранства осознанно стремились подчеркнуть общенациональный характер войны для всей Германии. Это дава-

ло некоторые надежды на идейный раскол в стане противника. Защита собственных земель от вторжения захватчиков одновременно трактовалась и как защита подлинно христианского вероучения.

С развертыванием военных действий подобные характеристики получили в творчестве виттенбергских реформаторов закономерное продолжение. Так, в письме Бугенхагена к датскому королю Кристиану III от 20 августа 1546 г. действия императора и папства связываются автором с происками дьявола, «поднявшегося над бедным христианством так высоко, как только это возможно»³. Драматизм этих строк определялся стремлением реформаторов найти массовую поддержку для защиты евангелического вероучения, что фактически обосновывало право открытого сопротивления императору. Король Дании, с 1538 г. состоявший в Шмалькальденском союзе и коронованный по евангелическому обряду лично Бугенхагеном, представлялся виттенбергским теологам политическим деятелем, способным предоставить подобную помощь.

Довольно быстро, однако, выяснилось, что правитель Дании (как и английский король) весьма сдержанно отнесся к политическим перспективам противостояния с имперской группировкой. Кристиан III, обратившись к Бугенхагену в письме от 14 октября 1546 г., предложил уповать на то, что Бог сможет смягчить испытания «своей бедной Церкви», нарушив планы ее противников⁴. Датский король, исполняя данное им обещание императору Карлу V не помогать его врагам, тем самым поставил его выше прежних отношений с соратниками по Шмалькальденскому союзу⁵.

Принимая решение о невмешательстве в Шмалькальденскую войну, Кристиан III, по-видимому, исходил из обстановки на театре военных действий, сложившейся осенью 1546 г. К этому времени протестантские войска, уступив стратегическую инициативу противнику, оставили ряд южногерманских городов: Нойбург, Донаувёрт, Диллинген, Лауинген⁶. Возможно, это обстоятельство повлияло и на присоединение к имперским войскам герцога Морица Саксонского, о чем последний объявил 27 октября 1546 г., направив сообщение о своем вступлении в войну саксонскому курфюрсту⁷.

В ноябре 1546 г. войска Морица, объединившись с находившимися на территории Чехии силами короля Фердинанда, вторглись на земли курфюршества Саксонского. Они достаточно быстро овладели большинством его территории, за исключением Виттенберга и Готы. Эти действия вынудили курфюрста Иоганна Фридриха

отвести войска из Швабии для защиты своих владений⁸. Открытый переход Морица на сторону Карла V стал важным фактором усиления имперской группировки, одновременно негативно сказавшись на военном могуществе и моральном духе протестантов.

На завершающем этапе Шмалькальденской войны в произведениях реформаторов усилились драматические ноты. Так, в письме Бугенхагена к князю Иоахиму Ангальтскому от 21 марта 1547 г. упования на Бога, «который не оставит наших князей и нас», соединены с размышлениями о том, что «Бог указывает нам все наши грехи»⁹. С приближением к Саксонии основных императорских сил реформаторы постепенно утрачивали надежды на благоприятный исход военных действий. Поражение протестантских войск в битве при Мюльберге 24 апреля 1547 г. и пленение курфюрста Иоганна Фридриха подвели черту под основными событиями Шмалькальденской войны на территории курфюршества Саксонского.

Тем не менее Иоганн Бугенхаген, как и другие лидеры евангелической группировки, продолжил свою деятельность в Виттенберге даже после капитуляции города перед имперскими войсками 19 мая 1547 г. Впоследствии он выразил свою позицию в письме к герцогу Альбрехту Прусскому от 1 августа 1547 г.: «Я должен... оставаться в своей Церкви и должен также здесь умереть»¹⁰. Аналогичный мотив ответственности перед своей общиной присутствует, как отмечает Х.-П. Хассе, и в «Истории Шмалькальденской войны», написанной Бугенхагеном в конце 1547 г. В этой работе проявились некоторые отличия позиции Бугенхагена в отношении к войне по сравнению со взглядами Меланхтона. Последний критично отнесся к историографическому методу Бугенхагена, по мнению Меланхтона, воспрепятствовавшему автору «Истории Шмалькальденской войны» отразить важнейшие события войны. Меланхтон, согласно гуманистической традиции, считал необходимым в историописании придерживаться принципов античного историка Геродота, призывавшего авторов обращать внимание на то, что действительно важно, на главные события, не теряясь среди второстепенных фактов¹¹. Бугенхаген же видел основную задачу своего труда в апологии лютеранского вероучения, попавшего под прямую угрозу в условиях смены политической власти¹².

Вследствие поражения Шмалькальденского союза виттенбергские реформаторы столкнулись с новой социально-политической ситуацией. В подготовленном ими в августе 1547 г. отчете о положении в Виттенберге, составленном по настоянию высшей

территориальной власти, был сделан акцент на необходимости различения конкретных противоречий между императором и территориальными правителями и общим смыслом евангелического учения, «которое требует уважения к [Императорскому] Величеству и Власти»¹³. Такая позиция в целом соответствовала идеям трактата Лютера «О светской власти» (1523 г.), однако в конкретной послевоенной обстановке она, по-видимому, была продиктована стремлением реформаторов сберечь основы лютеранства, невзирая на неблагоприятные внешние условия.

Сохранение евангелического богослужения, деятельности лютеранской церковной организации и занятий в университете стало основной задачей лютеранской конфессионализации, которую решали виттенбергские теологи после Шмалькальденской войны. В частности, возможность продолжать занятия в университете Виттенберга рассматривалась ими как проявление милости Божией. Однако достижение поставленных целей осложнилось принятием в 1548 г. Аугсбургского интерима, согласно которому уступки сторонникам Реформации в пределах Священной Римской империи были сведены к разрешению мирянам причащаться под обоими видами и к отмене celibата¹⁴.

Одним из факторов, не позволивших в этих условиях осуществить полномасштабную рекатолизацию курфюршества Саксонского, стала позиция реформаторов, не питавших иллюзий относительно значимости Аугсбургского интерима. Организовав теологическое собеседование в Альтцелле в ноябре 1548 г., виттенбергские теологи в итоге выработали измененный вариант документа, временно регулировавшего конфессиональные вопросы на территории Саксонии – Лейпцигский интерим¹⁵. Его компромиссный характер вызвал неприятие со стороны радикальных приверженцев евангелизма (Николаус фон Амсдорф, Матиус Флакк). Тем не менее стало очевидно, что насильственное восстановление в Саксонии дореформационного церковного устройства нереально вследствие массового неприятия догматики и церковной организации католицизма. То обстоятельство, что Аугсбургский интерим в Саксонии фактически не был введен в действие, во многом объясняется политикой нового курфюрста Морица Саксонского. Курфюрст, проведя переговоры с теологами и представителями городских советов, пришел с ними к консенсусу в решении религиозного вопроса¹⁶.

Можно предположить, что Мориц остался не вполне удовлетворенным масштабами вознаграждения от императора,

полученного за его измену протестантской группировке во время Шмалькальденской войны. Ведь он, хотя и приобрел титул саксонского курфюрста, не получил во владение всех территорий, ранее принадлежавших Иоганну Фридриху, а также не достиг контроля над архиепископством Магдебургским и епископством Хальберштадтским. Положение Морица осложнялось сдержанным отношением к нему со стороны Карла V, одновременно с открытой враждебностью со стороны евангелических общин, в среде которых он получил прозвище «Иуды из Мейссена». Возможно, вследствие этого сложного положения новый курфюрст не стал придерживаться курса на последовательное искоренение лютеранства в Саксонии.

Фактически данная ситуация является одним из доказательств того, что император Карл V, одержав победу в Шмалькальденской войне, оказался не в состоянии воспользоваться ее плодами в полной мере. Основная причина этого коренилась в серьезных противоречиях среди самих победителей, вследствие которых итоги Шмалькальденской войны не стали окончательным поражением лютеранства в Германии, в частности на территории Саксонии.

Переписка между саксонским курфюрстом и реформаторами в 1547–1548 гг. позволяет сделать вывод о постепенном укреплении контактов между новым территориальным правителем и представителями Евангелической Церкви. Так, в частности, в письме Крузигера и Меланхтона от 17 июня 1548 г., адресованном курфюрсту, основное внимание было уделено недовольству пунктами Аугсбургского интерима, распространившемуся среди городских общин, и опасениям, вызванным возможным охлаждением народа к религии в случае реализации положений интерима¹⁷. Просьба к курфюрсту отнестись к данной ситуации с пониманием свидетельствует о надежде реформаторов на мирное решение проблемы. Как показало дальнейшее развитие лютеранской конфессионализации на территории курфюршества Саксонского, эта надежда не была напрасной.

Таким образом, творчество виттенбергских реформаторов достаточно полно отражает предпосылки и последствия Шмалькальденской войны. Исходя из религиозно-конфессиональной доктрины лютеранства, реформаторы связывали эти события прежде всего с «божьем промыслом», одновременно стремясь осмыслить реалии как военных действий, так и политической сферы. Содержание произведений, написанных виттенбергскими

реформаторами как накануне и в ходе Шмалькальденской войны, так и по ее завершении, позволяет охарактеризовать общий курс евангелических теологов как «движение в кильватере» княжеской политики. Достижение компромисса с новой территориальной властью дало возможность виттенбергским реформаторам избежать репрессий после поражения Шмалькальденского союза, продолжив активную теологическую, проповедническую и организаторскую деятельность. Она повлияла на сравнительно быстрое восстановление «баланса сил» между евангелической и католической группировками на территории курфюршества Саксонского, а в конечном счете – на достижение религиозного мира, конституировавшего лютеранство в пределах Священной Римской империи в качестве самостоятельной конфессии.

Примечания

-
- ¹ *Hasse H.-P.* Bugenhagen und der Schmalkaldische Krieg // *Der späte Bugenhagen* / Hrsg. von I. Dingel und S. Rhein. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2011. S. 206.
 - ² *Ibid.*
 - ³ Bugenhagen an Christian III. 20. Aug. 1546 // *Dr. Johannes Bugenhagens Briefwechsel* / Hrsg. von O. Vogt. Hildesheim: Olms, 1966. S. 370.
 - ⁴ *Ibid.* S. 381.
 - ⁵ *Schwarz Lausten M.* König und Kirche. Über das Verhältnis der weltlichen Obrigkeit zur Kirche bei Johann Bugenhagen und König Christian III. von Dänemark // *Johannes Bugenhagen. Gestalt und Wirkung* / Hrsg. von H.-G. Leder. Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1984. S. 163.
 - ⁶ *Бецольд Ф.* История Реформации в Германии. СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1900. Т. 2. С. 286.
 - ⁷ *Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung* / Hrsg. von R.A. Müller. Stuttgart: Reclam, 2001. Bd. 3. S. 445–448.
 - ⁸ *Rabe H.* Reich und Glaubensspaltung. Deutschland 1500–1600. Frankfurt a/M.: Gutenberg, 1989. S. 262.
 - ⁹ Bugenhagen an Joachim v. Anhalt. 21. März 1546 // *Dr. Johannes Bugenhagens Briefwechsel*. S. 392.
 - ¹⁰ *Ibid.* S. 402.
 - ¹¹ *Hasse H.-P.* *Op. cit.* S. 211.
 - ¹² *Junghans H.* Kaiser Karl V. am Grabe Martin Luthers in der Schloßkirche zu Wittenberg // *Junghans H. Spätmittelalter, Luthers Reformation, Kirche und Sachsen* / Hrsg. von M. Beyer und G. Wartenberg. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2001. S. 250.

- ¹³ *Wolgast E.* Bugenhagen in den politischen Krisen seiner Zeit // Johannes Bugenhagen. S. 111.
- ¹⁴ *Zur Mühlen K.-H.* Reformation und Gegenreformation. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1999. Т. 2. S. 50.
- ¹⁵ Ibid. S. 51.
- ¹⁶ *Rudersdorf M.* Moritz (1541/47–1553) // Die Herrscher Sachsens – Markgrafen, Kurfürsten, Könige. 1089–1918 / Hrsg. von F.-L. Kroll. München: Beck, 2007. S. 102.
- ¹⁷ Politische Korrespondenz des Herzogs und Kurfürsten Moritz von Sachsen / Bearb. von J. Hermann und G. Wartenberg. Berlin: Akademie-Verlag, 1992. Bd. 4. S. 60–61.

Н.П. Танышина

ГРАФ Ж.-Ж. ДЕ СЕЛЛОН: ОТ ЖЕНЕВСКОГО ОБЩЕСТВА МИРА К ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Цель работы заключается в изучении жизни и деятельности известного швейцарского общественного деятеля и публициста графа Ж.-Ж. де Селлона (1782–1839), который стоял у истоков европейского пацифизма, был создателем первого на европейском континенте Общества мира и которого по праву можно именовать предвестником «духа Женевы».

Ключевые слова: граф Ж.-Ж. де Селлон, пацифизм, Женевское Общество мира, неприкосновенность человеческой жизни, протестантизм, либерализм, ООН.

Вплоть до начала XIX столетия вопросы войны и мира являлись прерогативой монархов, государственных деятелей и философов. Только после окончания эпохи Французской революции и наполеоновских войн по инициативе снизу на Западе возникают общественные неправительственные пацифистские ассоциации. Объединение граждан в общества под названием «Друзья мира» началось в Великобритании и США. В обеих странах их организацией занимались главным образом лидеры протестантской церкви, то есть люди либеральные, здравомыслящие, стремившиеся превратить в жизнь заповеди Евангелия и выступить против бессмысленной смерти ради абстрактных государственных интересов.

На территории континентальной Европы первой открыто признанной организацией такого рода стало Общество мира, созданное в Женеве в декабре 1830 г. графом Жан-Жаком де Селлоном (1782–1839). Имя этого человека, стоявшего у истоков европейского пацифизма, предвестника «духа Женевы», в России да и в мире

известно разве что узкому кругу специалистов по истории пацифизма. В отечественной историографии нет ни монографии, ни даже статьи о жизни графа де Селлона. В зарубежной науке ему повезло немногим больше, и несмотря на обширное документальное наследие графа, книги, посвященной его деятельности, тоже нет¹. Даже на мемориальной табличке на стене женевского особняка графа Селлона на улице де Гранж упоминается не его имя, а имя создателя единого итальянского государства графа Камилло Бензо Кавура. Дело в том, что Кавур приходился племянником графу Селлону.

Вся жизнь Ж.-Ж. де Селлона, родившегося в 1782 г. в Женеве, была связана с этим городом, который он считал колыбелью «великих идей и великих людей». Жан-Жак был выходцем из семьи французских протестантов, вынужденных покинуть родину после отмены в 1685 г. Нантского эдикта и начавшихся гонений на гугенотов. Селлоны влились в ряды женевской буржуазии и разбогатели на торговле шелком. Семья была не только богатой, но и влиятельной: дед Жан-Жака, Жан-Франсуа, владелец замка Алламан на берегу Женевского озера, являлся дипломатическим представителем при дворе французского короля Людовика XV. Отцу Жан-Жака австрийским императором Иосифом II в 1786 г. был пожалован титул графа Священной Римской империи.

Восторженный поклонник Наполеона Бонапарта, назначенный им по протекции сестер на должность камергера и возведенный в кавалеры ордена Воссоединения, граф де Селлон являлся при этом убежденным пацифистом, противником любого насилия против человеческой личности. Еще в юности, путешествуя с родителями по Италии, он был впечатлен позитивными результатами отмены смертной казни великим герцогом Тосканским Леопольдом, и с тех пор идея борьбы за упразднение смертной казни и в целом против убийства человека человеком стала главной составляющей его жизни².

Селлон был убежден, что насилие могло породить только насилие. В качестве противоположности опыту Тосканы он приводил пример из французской постякобинской истории, когда дети гильотинировали собак, кошек и кур, дабы воскресить в памяти воспоминания о кровавом зрелище, которого их недавно лишили³.

После смерти отца в 1810 г., являясь единственным наследником фамильного состояния, граф возвратился в Женеву, приняв во владение семейные земли, замок Алламан, недвижимость на улице де Гранж в Женеве, а также торговлю шелком. Когда в мае 1814 г.

швейцарский Сейм отправил свои военные контингенты на отражение французской армии генерала Суше, Селлон, чувствуя себя свободным от присяги, данной Бонапарту, занял должность командующего милицией: противник войны и любого насилия, убежденный сторонник идеи неприкосновенности человеческой жизни, он не менее активно отстаивал и священное право человека на защиту своих естественных прав.

Начиная с 1814 г. замок графа и его дом на улице де Гранж были открыты для европейских аристократов, представителей интеллектуальной и политической элиты. Среди его гостей были, например, многие члены семьи Бонапарт, императрица Жозефина, знаменитый пианист Ференц Лист и писательница Жорж Санд, министр иностранных дел России и первый президент независимой Греции граф Иоанн Каподистрия.

В 1816 г., после Реставрации в Женеве республики и ее присоединения к Швейцарской Конфедерации, Селлон стал членом высшего законодательного органа Женевы – Верховного представительного Совета, развив на этом посту бурную общественную деятельность. Являясь убежденным противником смертной казни, на протяжении десяти лет он обращался к Совету с предложениями ее упразднения. Поскольку все эти попытки оказались бесплодными, он решил изменить тактику, организовав в 1826 г. публичный конкурс на написание лучшей работы, посвященной идее необходимости отмены смертной казни⁴.

Главным методом деятельности графа де Селлона была публицистика. Он опубликовал десятки брошюр и ряд книг, среди которых две театральные пьесы. В центре его внимания были прежде всего вопросы, связанные с упразднением смертной казни и установлением прочного мира. Финансовое состояние графа позволяло ему распространять публикации бесплатно или отдавать доход от продажи книг в пользу исправительных учреждений.

Помимо активной публицистической деятельности Селлон организует многочисленные конкурсы по самым разным проблемам и является членом различных женевских и иностранных обществ.

Из всех инициатив, предпринятых графом де Селлоном, создание Общества мира явилось наиболее важным и значимым по последствиям не только для Женевы, но и для всего мира. Была создана первая на европейском континенте международная неправительственная организация, ставшая предшественником особого международного статуса Женевы. По его замыслу, общество должно

было функционировать на постоянной основе, а не созываться время от времени для решения возникающих споров⁵.

Катализатором обращения Селлона к вопросам войны и мира стали события 1830 г., а именно волна революций, прокатившаяся по Европе, вслед за Июльской революцией во Франции. Июльская революция вызвала волнения в некоторых швейцарских кантонах, всколыхнула Бельгию, итальянские государства, Польшу. Несмотря на то, что Селлон отвергал революционный способ действия, Июльскую революцию он оправдывал, воспринимая ее как логичное следствие антиконституционной политики Карла X, и подчеркивал ее прогрессивный характер. «То, что это событие породило прогресс, – писал он, – отвлекло меня от мысли об огромном потрясении, которое всегда производит в Европе ниспровержение системы наследования власти в великой монархии»⁶. Потрясенный последствиями революции в одной стране, спровоцировавшей общеевропейский хаос, граф активно погрузился в дело борьбы за мир между народами.

Революционные события в Европе, без сомнения, подвигли Селлона обратиться к проблематике пацифизма, но его пацифизм находился в прямой зависимости от воспитания, религиозности, а также юношеского опыта.

Идея неприкосновенности человеческой жизни составляла основу мысли, деятельности, борьбы Селлона за отмену смертной казни и за мир между народами. По его мнению, эта идея была присуща не только христианству, но и другим религиям. «Мы протестуем против уничтожения человека человеком, – отмечал он. – Эта мысль признается не только христианами всех конфессий, но и мусульманами, буддистами, представителями многих других религий, чьи священные книги требуют уважения к человеческой жизни»⁷.

Помимо морально-этических оснований приверженность Селлона делу борьбы за мир базировалась на его верности идеям экономического либерализма. Он писал: «Доктрина *laissez faire, laissez passer* представляется мне насущной необходимостью нашего времени, и единственная роль, которую может играть государство, заключается в максимальном развитии средств коммуникаций»⁸. Под «коммуникациями» Селлон имел в виду навигацию, развитие прессы и промышленности, а также использование телеграфа.

Общество мира, основанное 1 декабря 1830 г. в женевском особняке Селлона, состояло в основном из представителей женевской элиты. Ни британские пацифисты, ни парижские филантропы, ни

члены Женевского общества мира, ставшие первым поколением миротворцев, не проявляли интереса к массовому участию граждан в деле защиты мира. Пропаганда как главный метод действия была обращена лишь к тем, кто обладал властью и влиянием. Когда в 1840-х гг. участники чартистского движения заинтересовались антивоенной деятельностью, Английское общество мира проигнорировало их. Так же и Селлон связывал свои надежды исключительно с правящей верхушкой.

Устав Женевского общества мира в 875 экземплярах был разослан европейским монархам и политикам, в мэрии и различные общественные организации Европы и Америки⁹. Отклики не заставили себя ждать. Одобрительные письма пришли от прусского короля Фридриха-Вильгельма, короля Баварии Людовика, датского принца Христиана-Фредерика, бывшей королевы Голландии Гортензии, главы французского кабинета министров Казимира Перье. Английское и американское общества мира также направили свои приветственные послания. Таким образом, создавалась некая международная сеть, одним из организаторов которой был граф де Селлон.

Основным средством осуществления контактов с общественностью стал журнал «Архивы Женевского общества мира», основанный в 1831 г.¹⁰ Протестант и либерал, сторонник идеологического плюрализма, Селлон развивал идею о множественности путей достижения мира, призывая к свободной дискуссии на страницах журнала¹¹.

Несмотря на то, что Общество мира базировалось на религиозных принципах, во главу угла были поставлены практические задачи. Проекты касались самых разнообразных сфер – от реформирования исправительных заведений до строительства каналов. Селлон полагал, что в век технической революции и прогресса экономические контакты и связи между нациями усиливались, что должно было стать почвой для сближения и преодоления конфликтов¹². Войну Селлон отрицал не только как несовместимую с принципом неприкосновенности человеческой жизни, но и как противоречившую материальному развитию цивилизации. Будучи убежденным сторонником политики Наполеона I, чей военный гений никогда не вызывал у него сомнений¹³, Селлон негативно оценивал влияние наполеоновских войн на развитие частнопредпринимательской инициативы: «Если Европа сохранила благодарные воспоминания о полезных и славных деяниях правления Наполеона, то она отнюдь не забыла о том, что в те времена собственники не занимались строительством, не рисковали вкладывать капиталы

в дорогостоящие предприятия, опасаясь потерять все это в одночасье в условиях постоянной военной угрозы»¹⁴.

Являясь сторонником экономического прогресса, Селлон в то же время опасался негативных последствий развития военных технологий. «Невозможно понять, как главы великой цивилизованной нации не стесняются использовать капиталы, накопленные в результате труда и производства, в целях создания машин, предназначенных для уничтожения»¹⁵, – негодовал он. А его замечание о том, что сторонники войны как средства решения конфликтов, пытаясь оправдать военные изобретения, утверждают, будто бы «чем разрушительнее механизмы, тем ближе момент наступления мира»¹⁶, звучит очень современно.

Изучив изменения, произошедшие в сфере военной техники и технологии за годы революционных и наполеоновских войн, Селлон пришел к следующему выводу: «Война стала наукой, использующей все новейшие изобретения с целью создания максимального возможного зла. И какого зла, Бог мой! Зла непоправимого!»¹⁷.

Селлон был глубоко убежден, что войн в Европе можно избежать, если убедить правящую элиту в необходимости создания международной организации в Европе, некоего европейского правительства. Он выдвинул предложение сформировать федерацию, включающую ряд стран, выделив германскую, славянскую и латинскую группы (эту идею впоследствии развили сторонники Дж. Мадзини). Но вместе с тем Селлон полагал, что и одна нация могла представлять целую группу стран. В частности, Франция могла представлять Испанию, Португалию, Италию, Бельгию и швейцарских французов, германская конфедерация – Голландию, немецкую Швейцарию, Швецию и Данию, Россия – Восточную Европу, включая Грецию. Для Селлона не имело значения, каким образом будет управляться страна. Дипломаты европейских государств должны были обращаться в правление с просьбой учредить суд для решения спорных вопросов, а все нации – подчиняться Декларации прав человека, согласно которой отменялись смертная казнь и право ведения войны. С некоторой подозрительностью относясь к современной ему демократии, Селлон не принимал во внимание требования национальной независимости народов. Даже борьба греков за независимость не вдохновила его, и он постарался нивелировать интерес, проявленный к освободительному движению его племянником Кавуром.

Селлон выделял три важнейших направления реформ, реализация которых, по его мнению, должна была привести к постепенной

трансформации общества: отмена смертной казни, упразднение постоянных армий и замена их соединениями милиции; создание международного арбитражного суда в целях урегулирования конфликтов между государствами и недопущения войны как средства их разрешения.

Достижение прочного мира, с точки зрения Селлона, было невозможно при сохранении регулярных армий – их следовало заменить на милицию. Он пытался убедить правящие элиты в том, что сокращение расходов на вооружения необходимо как для роста экономики, так и для социальных и культурных проектов, жизненно важных для человечества, и называл абсурдным такое использование людских ресурсов, как служба в армии в мирное время 3 млн человек. Экономическая выгода от упразднения постоянных армий была для него очевидной. Деньги, полученные от экономии жалованья военным, можно было направить на сокращение косвенных налогов, финансирование государством социальных проектов, поддержание внутреннего порядка и защиту внешних границ¹⁸. «Повсюду, – писал Селлон, – человек является производительным капиталом как для самого себя, так и для государства. Соответственно, повсюду государство заинтересовано в том, чтобы этот капитал работал. А что, спрашиваю я, производит солдат в мирное время? Не разрушает ли он капиталы в ходе войны? И какой капитал теряет государство, лишаясь самого человека, когда он погибает на поле битвы или становится инвалидом?»¹⁹.

Кроме того, военных, по мнению Селлона, можно было использовать для решения насущных социальных проблем – строительства дорог, мостов, каналов, создания пенитенциарных заведений, даже для колонизации Африки, в частности Алжира, к завоеванию которого приступила Франция.

В 1830 г. Женевское общество мира объявило конкурс написание работы, посвященной борьбе за мир, победителем которого был признан профессор моральных и политических наук Цюрихского университета Ж.-Б. Сарториус, а его работа «Органон совершенного мира» была опубликована в 1837 г. в Цюрихе на средства общества²⁰.

В том же 1837 г. Селлон выступил с инициативой проведения еще одного конкурса, теперь уже для женевской молодежи, которой предстояло ответить на вопрос о том, какие виды профессий и занятий могли стать альтернативой военной службе в тех странах, где постоянную армию должна была заменить временная милиция, как

это было в Швейцарии. Финал конкурса был назначен на 1839 г., но вручение приза не состоялось по причине смерти де Селлона.

Скоропостижная смерть графа в 1839 г. не позволила ему завершить многое из его начинаний. Однако зерна, брошенные им, попали на благодатную почву. Спустя всего лишь четыре года после смерти Селлона, в 1843 г., состоялся Первый международный конгресс мира, к учреждению которого он призывал. В 1871 г. Большой совет Женевы проголосовал за упразднение смертной казни. В следующем году в Женеве прошло заседание первого международного арбитражного суда, создание которого также явилось инициативой Селлона. Несомненное влияние его идеи оказали на Анри Дюнана, основоположника Общества Красного Креста и вдохновителя Женевской конвенции.

Весьма символично, что в бывшем имении графа, вилле ля Фнэтр, на территории женевского парка Ариана, где находится Дворец Наций, являвшийся до 1966 г. местопребыванием ООН, сейчас расположена европейская штаб-квартира генерального секретаря этой международной организации, у истоков которой стоял Жан-Жак де Селлон.

Дочь Селлона, Валентина, выступая в 1878 г. на Международном конгрессе мира в Париже, привела высказывание лорда Г.Дж. Пальмерстона о том, что «человек – это животное, воюющее с себе подобными», и выразила уверенность, что созыв конгресса дает основание полагать, что «человек – это животное, которое вскоре не будет воевать со своими собратьями»²¹.

Ближайшее время показало иллюзорность таких идей. Люди продолжали и продолжают убивать себе подобных, в том числе в глобальных и локальных военных конфликтах. Однако это не означает, что борьба за мир, за предотвращение уничтожения человека человеком, – все то, о чем думал и за что боролся граф де Селлон, является утопией и не имеет смысла.

Примечания

¹ Можно назвать обстоятельную статью швейцарских ученых: *Rens I., Giesen K.-G. Jean-Jacque de Sellon: pacifiste et précurseur de "l'espri de Genève"* // *Schweizerische Zeitschrift für Geschichte*. 1985. № 35, а также статью американского исследователя С. Купера, в центре внимания которого находится деятельность европейского обществ мира: *Купер С. Деятельность Европейских обществ мира (1815–1871)* // *Пацифизм в истории*. М., 1997.

- ² *Sellon J.-J.* Quelques observations de M. de Sellon sur l'ouvrage intitulé: Nécessité du maintien de la peine de mort, tant pour les crimes politiques que pour les crimes privés. Genève, 1831.
- ³ *Ibid.* P. 35–36.
- ⁴ Traduction littérale du Préambule du code de Léopold, grand-duc de Toscane au vertu duquele il a aboli la peine de mort dans ses Etats, accompagnée de quelques notes de M. de Sellon. P. 3 // *Sellon J.-J.* Ecrits divers. Genève, 1832.
- ⁵ *Sellon J.-J.* Voeux adressés au futur congres. Genève, 1830. P. 12.
- ⁶ *Sellon J.-J.* Recueil de lettres adressées aux Archives de la Société de la paix par son président // *Sellon J.-J.* Ecrits divers. P. 200.
- ⁷ Цит. по: *Rens I., Giesen K.-G.* Op. cit. P. 268.
- ⁸ *Ibid.* P. 270.
- ⁹ Règlement de la Société de la paix de Genève // *Sellon J.-J.* Ecrits divers.
- ¹⁰ Archives de la Société de la paix de Genève // *Sellon J.-J.* Ecrits divers.
- ¹¹ *Ibid.* P. 31.
- ¹² *Rens I., Giesen K.-G.* Op. cit. P. 269.
- ¹³ По крайней мере, в опубликованных работах Селлона не удалось обнаружить критических высказываний в адрес Наполеона Бонапарта как на посту Первого консула, так и императора.
- ¹⁴ *Sellon J.-J.* Réflexions sur les suites probables de l'Arbitrage européen // *Sellon J.-J.* Ecrits divers. P. 13–14.
- ¹⁵ Цит. по: *Rens I., Giesen K.-G.* Op. cit. P. 270.
- ¹⁶ *Sellon J.-J.* Mélanges // *Sellon J.-J.* Ecrits divers. P. 269.
- ¹⁷ *Sellon J.-J.* Recueil de lettres... P. VI.
- ¹⁸ *Sellon J.-J.* Voeux adressés au futur congres. P. 15.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 9.
- ²⁰ *Sartorius J.B.* Organon des vollkommenen Friedens. Zürich, 1837.
- ²¹ *Sellon V.* Congrès international de la paix. P., 1878. P. 3.

С.А. Тихомиров

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ
НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ
В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН:
ЛОКАЛЬНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ
ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Сложность вопроса, поставленного в статье, состоит в том, что историография по нему очень невелика. Приводимые в публикации сведения вводятся в научный оборот впервые или имеют новые трактовки. Автор преследовал цель сосредоточить внимание исследователей на событиях Большой европейской войны 1805–1815 гг., происходивших на севере Европы, закрепить мысль о неизбежности вовлечения Российской империи в начале XIX в. в вооруженные конфликты с ведущими европейскими державами (Великобританией, Францией, Швецией), формирования северного плацдарма геополитических стратегий в отношении государств, граничащих с Россией на Европейском Севере перед наполеоновским вторжением в 1812 г.

Ключевые слова: эпоха Наполеона, Европа, Европейский Север, войны начала XIX в., континентальная блокада, русско-шведская война, разведка, геополитика, геостратегия.

Проблемы войны и мира в истории цивилизаций всегда были предметом политических дискуссий и сложных дипломатических переговоров, поскольку каждое государство, участвовавшее в геополитическом урегулировании, искало приемлемый вариант обустройства нового мирового порядка¹. Применительно к наполеоновской эпохе эти вопросы в последние годы разрабатывают В.М. Безотосный², О.В. Соколов³, И.В. Зеленёва⁴ и другие исследователи.

Историки сегодня вряд ли смогут до конца понять психологический контекст, стиль мышления и действия Наполеона,

выразившиеся в стремлении к мировой гегемонии, вовлечении в зависимость того или иного государства. Исследователям, видимо, никогда не суждено будет до конца понять исторических хитро-сплетений, которые разворачивались на европейском континенте в начале XIX в., получивших научное освещение на разных языках и в разных странах. «Масштабность и противоречивость событий эпохи 1812 г. и по сей день создают объективные трудности в их изучении, поэтому в историографии остается много спорных и дискуссионных тем, требующих своего разрешения. Важно подчеркнуть и интернациональный характер наполеоновских войн. По сути, этот период можно назвать первой мировой войной, в орбиту которой оказались втянуты все государства Европы, а через колониальные владения – почти все территории земного шара, исключая Китай и Японию. Поэтому нужно учитывать и международный аспект, и интерес к данной проблематике не только российских, но и зарубежных исследователей», – пишет об этом времени известный российский историк В.М. Безотосный⁵.

К сожалению, вплоть до настоящего времени война не изжита как способ решения межгосударственных противоречий. Военные конфликты в различных регионах мира всегда приводили к человеческим жертвам. По подсчетам ученых, за последние пять тысяч лет в мире произошло 14,5 тыс. войн, в ходе которых погибли 3,5 млрд человек⁶. Если пристально всмотреться в начало XIX в., по крайней мере в первые ее два десятилетия, окажется, что на европейском континенте пламя войны полыхало в 50 случаях, а количество участников вооруженных конфликтов приближалось к нескольким миллионам человек. Поколение людей, живших в первой четверти XIX в., запомнило это время как период череды кровопролитных войн, сменявших друг друга, возникавших в различных уголках земного шара. И если взглянуть на наполеоновское время глазами исследователя, будет видна правота английского историка Д. Чандлера, высказавшегося о поколении людей – современников Наполеона: «За исключением случаев с Португалией (1807), Испанией (1808) и Россией (1812), обычно вначале на него (Наполеона. – С. Т.) нападали. Однако нельзя отрицать, что многие из этих нападений, в конечном счете, были спровоцированы самим императором в военных и пропагандистских целях»; «столь ж справедливо можно утверждать, что Наполеон был жертвой поколения, стремившегося к войнам, и то, что он был “человеком крови”, ответственным за огромный пожар войны, пылавшей в Европе так много лет»⁷. И действительно,

в 1792–1815 гг. такие государства, как Швеция и Испания, участвовали в войнах по 3,2 года каждое, Россия и Пруссия – по 5,5, Австрия – 13,5, Великобритания – 21,5!⁸

Сейчас разговор идет о европейском пространстве в целом, а если посмотреть на север Европы или более узко – на локус Европейского Севера, т. е. региона северной границы Российской империи и сопредельных государств – Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Нидерландов и т. д., – то окажется, что Россия была втянута, напрямую или опосредованно, в англо-датскую (1807–1814 гг.), англо-русскую (1807–1812 гг.), русско-шведскую (1808–1809 гг.), англо-нидерландскую (1810–1811 гг.), англо-шведскую (1810–1812 гг.), шведско-норвежскую (1814 г.) войны. Как мог заметить читатель, начало XIX в. в истории севера Европы во многом связывалось с вооруженными конфликтами, которые разворачивались между северными морскими державами.

Изучение историографии вопроса показало, что история Европейского Севера периода Большой европейской войны 1805–1815 гг. до сих пор практически не изучалась. Исследование дипломатических аспектов, как оказалось, было избирательным и круг изысканий, посвященных внешней политике, достаточно ограничен, содержит предвзятые представления⁹.

В отечественной историографии существует ряд работ, посвященных интересующему нас периоду. Из книг следует выделить публикации П.К. Сухтелена¹⁰, А.И. Михайловского-Данилевского¹¹, П.А. Ниве¹², Г. Захарова¹³, которые содержат подробное изложение военных операций, однако они почти полностью обходят вопросы международной политики. Впервые заострил внимание на международных аспектах истории Скандинавских стран историк К.К. Злобин, который в исследовании несколько упрощал политику Швеции и говорил о виновности шведов в разжигании русско-шведской войны¹⁴. Историк С.М. Соловьев рассматривал внешнеполитическую обстановку на севере Европы как череду необходимых расчетов Франции и России¹⁵. С позиций сохранения безопасности России, провокационного характера внешней политики Швеции освещалась история севера Европы в научных трудах К.Ф. Ордина¹⁶. Последователем историка в изучении истории Финляндии выступил М.М. Бородкин, высказавший мысль, что война между Россией и Швецией явилась требованием Франции, явившимся для России подходящим случаем для решения стратегических задач на севере Европы¹⁷. Экономические и политические последствия международных перипетий и континентальной

блокады отражают исследования М.Ф. Злотникова¹⁸, В.Г. Сироткина¹⁹, И.И. Кяйвярайнен²⁰, А.А. Орлова²¹, В.В. Рогинского²², Г.М. Коваленко²³, Т.С. Минаевой²⁴, А.А. Подмазо²⁵, С.А. Тихомирова²⁶, С.А. Васильевой²⁷, А.А. Фомина²⁸. Вопросы урегулирования русско-шведских военных вопросов исследовали русские и финские историки на страницах сборника «Россия и Финляндия в 1808–1809 гг.»²⁹.

Таким образом, историография Севера Европы начала XIX в. показала, что она требует фактографической и событийной реконструкции участия России и ее приграничных регионов в вооруженных конфликтах наполеоновской эпохи. Говоря об актуальности изучения этого исторического периода, историк В.М. Безотосный писал, что на основе критического осмысления предшествующей историографии и интеграции точек зрения требуется «показать участие русской армии в наполеоновских войнах и выявить место и роль России в антинаполеоновских коалициях с точки зрения национальной и европейской истории», а также «вписать историю Российской империи и ее армии в контекст европейской истории»³⁰.

Как известно, в июне – июле 1807 г. в немецком городе Тильзит встретились на мирных переговорах главы двух государств – Франции и России. Поводом к встрече стал разгром Наполеоном русской армии при Фридланде, знаменовавший завершение войны четвертой коалиции 1806–1807 гг., в которой Россия помогала Пруссии. Главы Франции и России заключили мирные соглашения, согласно которым в Европе устанавливалась система континентальной блокады, направленной на ликвидацию Великобритании как морской державы и лидера международной торговли на континенте. Сегодня историки признают, что переговоры, случившиеся в Германии, явились первой попыткой объединить Европу³¹.

Геополитический аспект этих переговоров состоял в том, что «союз российского и французского срединных пространств создавал условия для геополитического раздела Европы на две сферы влияния – российскую и французскую»; «объединение Европы ставило под угрозу английское экономическое процветание, которое непосредственно зависело от ее доминирующего положения в сфере морской торговли и океанских коммуникаций»³². По сути, объединение Европы в 1806 г. консолидировало континент, ликвидировало пограничные торговые барьеры, создавало условия для сухопутной и речной торговли. Но прежде всего следует отметить,

что Россия в этом процессе становилась одним из главных государств, участвующих в культурном диалоге Европы и Азии, главным геополитическим посредником. Могло ли это понравиться Великобритании? Вряд ли. Поскольку «туманному Альбиону», как считает И.В. Зеленёва, с его маргинальным положением отводилась «роль равного партнера, а скорее всего – второстепенного участника европейского объединения»³³. Конфронтация Англии и Франции в начале XIX в., признается историк, «была связана в первую очередь с личностью Наполеона, который объявил о французских претензиях на всеевропейское господство... Его план был связан с кровавыми войнами, с покорением народов. Он хотел стать главой объединенной Европы, созданной на конфедеративной основе, с введением во всех странах «наполеоновского кодекса» без учета национальной специфики»³⁴. При этом, отметим, существует мнение, что Наполеон из всех европейских народов хотел создать «единственную и единую нацию»³⁵.

Геополитики как научной дисциплины во времена наполеоновских войн не существовало. Политикам начала XIX в. приходилось на практике постигать «военную статистику», синтезировать имевшиеся начатки познания физической и экономической географии и постигать еще никем не сформулированные геополитические принципы. Применительно к наполеоновской эпохе первым по времени появления принципом, пожалуй, явился принцип, сформулированный американским военно-морским теоретиком и историком Альфредом Мэхэном (1840–1914)³⁶. Перефразировав английского пирата времен Елизаветы I Рэйли, А. Мэхэн сказал: «... тот, кто владеет морем, владеет мировой торговлей, а кто владеет мировой торговлей, владеет богатствами земли и ею самой»³⁷. Исследователь неопровержимо доказал, что «держава, преобладающая на море, всегда может вынудить своего континентального противника сражаться против ресурсов всего мира»; «эффективный контроль над морскими путями невозможен без географического фактора – выгодного начертания береговой линии и, следовательно, выгодного расположения пунктов базирования флота как для обороны, так и наступления»³⁸.

Исторически у Франции и Англии оказалось много общего: они располагались на крайнем европейском западе, идеально конкурировали и партнерствовали, поскольку геополитически эти государства были равны, ибо островная Англия всегда оставалась защищенной от вторжения из Европы, а Франция оставалась посредником между Англией и континентом.

Боевые действия между англичанами и русскими велись в Атлантическом океане, Средиземном, Адриатическом, Баренцевом и Балтийском морях. Сражения не имели масштабного характера и ограничивались отдельными боевыми столкновениями небольших сил с каждой из сторон. Пример тому – военные действия в Поморье, на морской границе Севера России³⁹.

Начиная с 1807 г. Архангельск готовился отразить неприятеля. Во-первых, архангелогородскому адмиралтейству командование поручило построить шесть новых канонерских лодок. Затем предполагалось усилить местный гарнизон двумя пехотными полками. Кроме того, в начале континентальной блокады возросла численность отрядов военных кораблей, охранявших беломорские рубежи. Береговую линию власти укрепили артиллерийскими батареями. В дальнейшем действия архангелогородской администрации сопровождалась затоплением в фарватере Северной Двины нескольких судов, якорей и установкой заградительных приспособлений перед Новодвинской крепостью. На острове Мудьюг власти позаботились об устранении ориентиров, которые показывали путь на Архангельск⁴⁰. Около беломорского побережья постоянно курсировало несколько кораблей. В результате осуществленные мероприятия архангелогородских губернских властей показали полную состоятельность принятых ими решений в вопросе подготовки территории к отражению неприятеля. Проанализировав возникшую ситуацию с намеченным вторжением, английское командование отказалось от намерения напасть на Архангельск.

После отказа от планов следовать в устье Северной Двины неприятель сосредоточил свое внимание на другой территории. Противник обрушился на незащищенное население Мурманска. Эскадра под командованием Уэллса в 1808 г. разграбила и сожгла становище Рыбачье на острове Кильдин⁴¹. В мае 1809 г. враг неподалеку разорил шнеку промышленников. Англичане пленили четырех поморов. С их помощью неприятель провел эскадру к Кильдину. На острове британская команда захватила торговые суда кольского купца Степана Попова. Позднее, как показывают источники, ему вместе с командой удалось сбежать на шнеке⁴².

Обстоятельства, связанные с пиратскими действиями английской эскадры, получили вскоре общественный резонанс. Учитывая потенциальную опасность нападения неприятеля на северорусские территории, власти среди промышленников и предпринимателей обнародовали документ о запрещении торговым судам выходить в открытое море. Остановка грузовых перевозок грозила

поморскому населению непоправимыми убытками. В этой ситуации, когда требовалось скорейшее восстановление транспортных коммуникаций, архангелогородская администрация предложила населению выяснить реальную обстановку в фарватере Северной Двины с помощью кораблей-разведчиков⁴³. Англичан в море не оказалось. Обстановка, однако, вскоре изменилась. Противник бесчинствовал в северных широтах. Английская эскадра совершила разбойное нападение на Кильдинское становище, где неприятель пленил три десятка промышленников. По задумкам англичан, пленных использовали для разведки Кольского побережья и Екатерининской гавани. Отправившись по намеченному маршруту, представители британской эскадры в Екатерининской гавани спустили с корабля три катера и захватили восемь судов с грузом, принадлежащих Беломорской компании. Следующими пунктами пиратских действий англичан должны были стать Кола, Кемь, Сумской городок.

Накануне кольских событий 11 мая 1809 г. власти провели совещание. Дальнейшая судьба города оставалась неясной. Ситуацию попытались разрешить рядовые горожане. Составленное обращение об организации ополчения возымело действие. По всеобщему призыву 300 человек записалось на защиту города. Однако им так и не довелось вступить в боевые действия с неприятелем: при приближении противника к Коле части ополчения по приказу городничего распустили⁴⁴.

Известие о подходе англичан кольские жители получили от команды кораблей-разведчиков. Со стороны моря к городу приближались три катера неприятеля с солдатами и тремя пушками. Поскольку защитные сооружения у поселения отсутствовали, а ополчение оказалось распущенным, горожанам ничего не оставалось делать, как покинуть город. Взобравшись на близлежащую высокую гору Соловарку, жители Колы наблюдали за происходившими событиями. Прибывшие катера с пятью десятками вооруженных англичан вплотную подошли к берегу. Один из катеров пристал к причалу. Вышедший к неприятелю в окружении чиновников городничий без сопротивления отдал английскому лейтенанту свою шпагу и отправился вместе с представителями противника в город. После этого вражеские солдаты обезоружили чиновников, а также арестовали инвалидную команду. Еще через некоторое время британцы осмотрели местную соляную магазю и примыкавший к ней подвал. Обнаружили спиртные напитки. Вскоре пьяная орда разбрелась по городу. Несколько солдат

отправилось «в гости» к местному купцу Герасимову и мещанину Шебунину. Визитеры потребовали съестных припасов и спиртных напитков, «коих довольно напившись, роняли и били разную посуду»⁴⁵. В ночное время визит английских матросов повторился.

На следующий день неприятель занялся грабежом. Причиненный кольским жителям убыток составил около 40 тыс. руб. Противник похитил приготовленный казенный и частный строительный материал, съестные припасы, домашний скот, корабельное имущество и несколько стоявших на приколе кораблей. Утром 13 мая 1809 г. британская команда покинула город⁴⁶.

Пиратские действия английской эскадры отмечались по всему Мурманскому побережью. Неприятельские корабли разоряли поморские деревни и становища, отбирали у населения продукты и личные вещи, сжигали или уводили в море поморские ладьи. Потери поморских городов, даже по самым скромным подсчетам, составили более 215 тыс. руб., более 66 тыс. руб. в качестве ущерба потеряла Беломорская торговая компания. Потери поморских купцов, мещан и крестьян оценивались примерно в 37 тыс. руб⁴⁷.

Вопиющий случай наблюдался в июне 1813 г., когда, казалось бы, англо-русские отношения нормализовались. Военные корабли Великобритании пристали к острову Кильдин и отобрали у местных промышленников продукцию, причинив тем самым значительный ущерб⁴⁸.

Вслед за англо-русской войной обстановка обострилась вокруг Швеции. Скандинавская проблема для российского внешнеполитического курса оставалась нерешенной еще с XVIII в., особенно она активизировалась после враждебных столкновений 1708, 1741, 1788–1790 гг. Отношения между Россией и ее северным соседом по Баренцеву региону в начале XIX в. не были равными, но чтобы дело дошло до вооруженного конфликта... Получается, что начавшаяся война стала результатом обострения политической ситуации в Европе и целенаправленной агрессии Российской империи. Каждое государство в случае со Швецией стремилось к своей выгоде.

В 1808 г. новую русско-шведскую войну начала Россия, подталкиваемая к тому Наполеоном. Политическим основанием для французской поддержки России считался Тильзитский мир 1807 г., т. е. союзнические договоренности, направленные против Великобритании. Назревшая блокада явилась инструментом изоляции островного государства от континентальной Европы. В Тильзите французский император добился согласия

Александра I присоединиться к блокаде. Принятия аналогичных мер требовали от Швеции.

Главной помехой для урегулирования русско-шведских отношений всегда являлась Финляндия, бывшая пограничной и для России, и для Швеции. Напомним, что Россия дважды ее отвоевывала у северного соседа и дважды возвращала обратно. Швеция, по верному замечанию И.Е. Зеленёвой, в геополитическом раскладе России начала XIX в. занимала срединное пространство. Поэтому разменной монетой для европейских политиков стала Финляндия, входящая в состав Королевства Швеция. Она мгновенно превратилась в важнейшую единицу европейской геополитики, потому что эта страна всегда изобиловала лесом и дегтем, столь необходимыми Великобритании. И поэтому Финляндская кампания 1808–1809 гг., с европейской точки зрения, представляется побочной операцией в войнах Наполеона, но важнейшей составляющей геополитики начала XIX в. на Севере Европы.

Швеция, зависящая от господства Англии на море, согласилась заключить с ней антироссийский договор, по итогам которого ежемесячно на всё время войны с Россией она должна была получать финансовую (один миллион фунтов стерлингов) и людскую помощь для охраны шведских границ. Поводом для начала войны явилось нападение англичан на Данию, союзницу России в войнах со Швецией. Последовало расторжение дипломатических отношений и с Англией, и со Швецией... Император Александр I потребовал закрыть Балтийское море для английского флота. Шведский король Густав IV сообщил русскому царю, что возвращение восточной Финляндии будет залогом выполнения законных требований России. Кроме того, шведский король хотел помочь Англии в войне с Францией и отвоевать у Дании зависимую Норвегию.

Если геополитические принципы заканчивались военными действиями, значит, этого требовали необратимые действия противников⁴⁹. Вторжение русской армии в Финляндию последовало в феврале 1808 г., а к апрелю она уже овладела всей южной, юго-западной и западной Финляндией. В марте 1808 г. Александр I издал Манифест о присоединении Финляндии к России... В конце апреля 1808 г. шведы предприняли контрнаступление из района Улеаборга и нанесли русским войскам поражение при Ревалаке и Пулккила. В июне Ф.Ф. Буксгевдену пришлось отвести армию в южную Финляндию на линию Бьернеборг – Таммерфорс – Санкт-Михель. Сменивший его Н.М. Каменский в начале августа перешел в наступление, разбил шведов и заключил со шведским коман-

дованием Паттиокское перемирие, по условиям которого шведы оставляли Эстерботтен, а русские занимали Улеаборг.

В начале марта 1809 г. после свержения шведского короля Густава IV Адольфа последовало новое наступление: корпуса П.И. Багратиона и М.Б. Баркляя де Толли совершили переход по льду Ботнического залива из Финляндии в Швецию, корпус П.А. Шувалова форсировал Кемийоки, взял Торнио, перешел шведско-финскую границу и принудил к капитуляции северную группировку противника. После этого стороны заключили Аландское перемирие, согласившись вывести русские войска со шведской территории, однако его аннулировал Александр I.

В апреле русские начали наступление в Северной Швеции, в мае – вторично заняли Умео, а в июне разбили шведские войска, прикрывавшие подступы к Стокгольму, что заставило нового шведского короля Карла XIII (1809–1818) вступить в переговоры и в начале сентября 1809 г. подписать Фридрихсгамский мир, по которому Швеция уступала России Аландские острова, Финляндию, Лапландию до рек Торнийоки и Муониозелье и разрывала союз с Великобританией.

Еще одним геополитическим проектом Наполеона, пусть и нереализованным, но оказавшим значительное влияние на расклад политических сил среди европейских держав начала XIX в., стал планировавшийся поход в Индию, колонию Великобритании, который задумывался с целью резко изменить стратегическую ситуацию в Европе⁵⁰. Однако нет ничего тайного, что не стало бы явным и не обнародовалось бы в одном из публичных источников. Например, накануне войны с Россией в «Гамбургской газете» сообщалось, что настоящий мотив подготовки к войне против России – экспедиция в Индию вместе с Россией⁵¹. План движения в Индию через Россию стал известен в Стокгольме наследному принцу Ж.Б. Бернадоту, бывшему французскому маршалу. В марте 1812 г. он передал Александру I, что Наполеон рассчитывает разгромить русские войска и заключить мир, по условиям которого объединенная русско-французская армия первоначально проникнет в Персию и затем в Индию, планируя осуществить все передвижения за три года⁵².

Любому военному походу предшествует разведка... Как правило, разведчики Наполеона действовали в одиночку или небольшими группами. Большая их часть решала вопросы тактического характера. Однако существовали разведывательные группы, которые преследовали стратегические цели, и в их числе – шпионская

группа, которая посетила Вологду в 1811 г. Деятельность этих разведчиков, по мнению известного историка В.М. Безотосного, явилась «одним из любопытнейших эпизодов тайной войны Франции против России»⁵³. Начальным пунктом путешествия по стране полковника французской службы графа Александра Платтера (главы разведгруппы), майора французской армии Пикорнеля и топографа Крестковского стал Архангельск. Побывав в портовом городе, они отправились в Вологду. Следующими пунктами их перемещений стали Москва, Калужская, Тульская, Орловская, Курская, Воронежская, Тамбовская и Рязанская губернии. В начале 1812 г., после получения необходимых сведений, топографа Крестковского отправили к Наполеону с донесением: «в означенных губерниях никаких укреплений нет и провианта достаточно в сельских магазинах». Оставшиеся после отъезда Крестковского офицеры проследовали в Нижний Новгород, Пензенскую губернию и двинулись к Оренбургу. На протяжении всего своего маршрута от Архангельска до Оренбурга наполеоновские разведчики занимались топографической съемкой местности, интересовались переправами через реки, «рассматривали, есть ли у крестьян оружие, и в каком крестьяне об нашем императоре (Наполеоне. – С. Т.) мнении, и есть ли армия внутри России». При возвращении через территорию области Войска Донского 5 августа 1812 г. в станции Качалинской графа А. Платтера арестовала русская контрразведка. Однако второму спутнику из группы разведчиков тогда же удалось скрыться и бежать через границу в свою армию⁵⁴.

Арестованному разведчику власти учинили допрос. Полковник Платтер сообщил о составе группы, ее маршруте и выполненных действиях. Однако истинная цель визита наполеоновских шпионов русскому командованию осталась неизвестной⁵⁵.

Сегодня историки могут только догадываться, зачем Наполеон собирал сведения о возможностях оккупации северных губерний и отправлял свою агентуру в Архангельск, Вологду и далее по вышеописанному маршруту за оперативной информацией стратегического характера. В.М. Безотосный предполагает, что возглавляемая графом Платтером шпионская группа первоначально выполняла в основном задания по сбору политических и экономических сведений и составлению топографических характеристик мест возможного расквартирования Великой армии. Последующее задание, когда разведчики действовали уже в центральных российских губерниях, могло сводиться к выяснению путей в Индию для подготовки и осуществления плана похода Наполеона в эту

британскую колонию. Следует отметить, что появление разведки противника сначала в Архангельске, а затем в Вологде было продиктовано исключительно требованиями военного времени. События складывались таким образом, что Наполеону особенно остро потребовались сведения тактического и стратегического плана о территориях Европейского Севера. Неудачный исход для Швеции последней русско-шведской войны, которая, как известно, закончилась потерей и присоединением Финляндии к России в 1809 г., лишил французского союзника возможности проникать в случае войны в российские пределы напрямую. Поэтому единственным к 1811 г. направлением проникновения врага в Россию с севера оставались транзитные пути из Архангельска, Вологды, а затем в центральные губернии страны. Появление именно в этих губернских городах разведчиков, вероятно, давало возможность Наполеону планировать ведение активных военных действий в северной части европейского континента. Однако планам императора не суждено было сбыться...

Не все историки, однако, разделяют точку зрения В.М. Безотого в истории с появлением в России разведывательной группы А. Платтера⁵⁶.

Историк А.И. Сапожников полагает, что арест польских военнослужащих был не более чем рядовым случаем, предшествовавшим военным событиям: «Казалось бы редкостная удача местных властей на Дону, задержавших шпиона, имевшего титул графа и чин полковника, почему-то не получила абсолютно никакого продолжения...»⁵⁷. Вероятно, личность задержанного не вызывала никакого интереса у командования, ибо император распорядился, «как скоро привезен он будет к армии, то поступить с ним по всей строгости существующих законов»⁵⁸. Исследователь, располагая показаниями современников, пришел к мысли, что случай с назвавшим себя «графом Пляттером» «привлечет внимание историков судебно-медицинской экспертизы в России», ибо допрашивавшие поляка чиновники говорили о признаках сумасшествия у подозреваемого...⁵⁹.

Таким образом, Север Европы стал полем сражений Большой европейской войны 1805–1815 гг., жертвой геополитических стратегий воюющих стран. Государства Европы втягивали друг друга в войну и подчиняли, таким образом, себя круговой поруке. В этом проявлялась локальность глобального исторического процесса. По моему мнению, эпоха 1812 г. тем и отличалась, что в круговорот военных событий постоянно включались новые стра-

ны. Вообще в наполеоновскую эпоху не всё в Европе сводилось к тому, чтобы быть за или против Наполеона. Союзы европейских государств возникали и распадались, каждая из держав стремилась расширить границы своего геополитического влияния. Россия, которая со времен Петра I также относилась к числу европейских государств, вызвала серьезные опасения у многих. Европа XVIII–XIX вв. не нуждалась ни в революции, ни в Наполеоне, чтобы быть пороховой бочкой. Геополитические факторы остались теми же, но с приходом Наполеона старая дипломатия начала осуществляться новыми методами.

Примечания

- ¹ См.: *Басовская Н.И.* Идеи войны и мира в западноевропейском средневековом обществе // Средние века. 1990. Вып. 53. С. 44–51; *Она же.* Мира без войны еще не было // Родина: Рос. ист. журн. 1991. № 6. С. 48; *Чубарьян А.О.* Европейская идея в истории: Проблемы войны и мира. М., 1987.
- ² См.: *Безотосный В.М.* Наполеоновские войны. М., 2010; *Он же.* Россия и Европа в эпоху 1812 года: Стратегия или геополитика. М., 2012.
- ³ См.: *Соколов О.В.* Армия Наполеона. СПб., 1999; *Он же.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799–1805 гг.: В 2 т. М., 2006; *Он же.* Битва двух армий, 1805–1812. М., 2012.
- ⁴ *Зеленёва И.В.* Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX века). СПб., 2005.
- ⁵ *Безотосный В.М.* Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 годов: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013. С. 3.
- ⁶ Подробнее об этом см.: *Капустинский Г.П.* СССР в условиях начала Второй мировой войны (1939–1941 гг.) // Идет война народная: Мат-лы Всерос. науч. конф. «СССР во Второй мировой и Великой Отечественной войнах, 1939–1945 гг.», посвященные 70-летию начала Великой Отечественной войны и Московской битве. Красноярск, 2011. С. 12.
- ⁷ *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона: Триумф и трагедия завоевателя. М., 1999. С. 12–13.
- ⁸ *Chandler D.G.* The Origins of the Revolutionary and Napoleonic Wars // Chandler D.G. On the Napoleonic Wars. Collected Essays. L., 1994. P. 43.
- ⁹ *Вахрушева В.К.* Россия и Швеция: прошлое и настоящее // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 219.
- ¹⁰ *Сухтелен П.К.* Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швецией в 1808 и 1809 гг. СПб., 1832.
- ¹¹ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 гг. СПб., 1841.

- ¹² Ниве П.А. Русско-шведская война 1808–1809 гг. СПб., 1910.
- ¹³ Захаров Г.М. Русско-шведская война 1808–1809 гг. М., 1940.
- ¹⁴ Злобин К.К. Дипломатические сношения между Россией и Швецией в первые годы царствования императора Александра I до присоединения Финляндии к России. СПб., 1868.
- ¹⁵ Соловьев С.М. Император Александр I. Политика – Дипломатия. СПб., 1877.
- ¹⁶ См.: Ордин К.Ф. Покорение Финляндии: Опыт описания по неизданным источникам. Т. 1–2. СПб., 1889; *Он же*. Собрание сочинений по финляндскому вопросу. Т. 2, 3. СПб., 1909.
- ¹⁷ См.: [Бородкин М.М.] Абов Г.А. Густав-Мориц Армфельт и его русско-финские отношения: Ист. очерк. СПб., 1911; *Он же*. Краткая история Финляндии. СПб., 1911; *Он же*. История Финляндии. Т. 4. СПб., 1909.
- ¹⁸ Злотников М.Ф. Континентальная блокада и Россия. М.; Л., 1966.
- ¹⁹ См.: Сироткин В.Г. Из истории дипломатических и торговых отношений России с Францией и Англией в первые годы XIX века // Международные отношения: Политика. Дипломатия, XIX–XX вв. М., 1964. С. 451–465; *Он же*. Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966; *Он же*. Континентальная блокада и русская экономика: Обзор французской и советской литературы // Вопросы военной истории России XVIII – первой половины XIX века. М., 1969. С. 54–77.
- ²⁰ Клявьярйнен И.И. Международные отношения на Севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 г. Петрозаводск, 1965.
- ²¹ См.: Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона: Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005; *Он же*. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и Россия в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.): Очерки. М., 2008; *Он же*. Проблема нового мирового порядка в отношениях Великобритании и России в первой половине XIX века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009.
- ²² См.: Рогинский В.В. Швеция и Россия: Союз 1812 года. М., 1978; *Он же*. Борьба за Скандинавию: Международные отношения на Севере Европы в эпоху наполеоновских войн (1805–1815). М., 2012.
- ²³ Коваленко Г.М. Русско-шведский союз 1812 года // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1974. С. 120–125.
- ²⁴ См.: Минаева Т.С. Архангельский морской порт в первой половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 1996; *Она же*. Континентальная блокада как стимул и тормоз российской экономики // Преподавание истории в школе. 2012. № 6. С. 14–18.
- ²⁵ Подмазо А.А. Континентальная блокада как экономическая причина войны 1812 года // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. 2. М., 2003. С. 249–266 (Труды ГИМ. Вып. 137).
- ²⁶ Тихомиров С.А. Европейский Север в контексте экономических отношений периода континентальной блокады // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи: Мат-лы VIII Всерос. науч. конф. М., 2005. С. 165–193.

- ²⁷ *Васильева С.А.* Англо-русские экономические отношения в условиях континентальной блокады (1806–1812 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2005.
- ²⁸ См.: *Фомин А.А.* Швеция в системе европейской политики накануне и в период русско-шведской войны 1808–1809 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2003; *Он же.* Швеция во внешней политике Англии, Франции и России в 1800–1809 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2004.
- ²⁹ Россия и Финляндия в 1808–1809 гг. / Под ред. Т. Вихавайнена, Е. Хейсканена. СПб., 2010.
- ³⁰ *Безотосный В.М.* Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 годов. С. 3.
- ³¹ *Зеленёва И.В.* Указ. соч. С. 179–180.
- ³² Там же. С. 179.
- ³³ Там же. С. 180.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ См.: *Зеленёва И.В.* Указ. соч. С. 180; *Чубарьян А.О.* Указ соч. С. 162.
- ³⁶ *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю. Т. 2. М.; СПб., 2002.
- ³⁷ Цит. по: Классика геополитики. М., 2003. С. 682.
- ³⁸ Подробнее об этом см.: *Шведов С.В.* К вопросу о роли геополитических факторов в ходе Отечественной войны 1812 года [Электронный ресурс] // Музеи России. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2009/Shvedov.pdf (дата обращения: 20.12.2013).
- ³⁹ Экономические события, связанные с континентальной блокадой, в этой статье автором не рассматриваются. Подробнее об этом см. в указанных сочинениях Т.С. Минаевой и С.А. Тихомирова.
- ⁴⁰ Об этом см.: Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 58. Оп. 1. Т. 1. Д. 96. Л. 14.
- ⁴¹ Об этом сообщает архангельский историк Ю.К. Новожилов. См.: *Новожилов Ю.К.* Годы континентальной блокады // Архангельск, 1584–1984. Архангельск, 1984. С. 47.
- ⁴² ГААО. Ф. 58. Оп. 1. Т. 1. Д. 99. Л. 158.
- ⁴³ ГААО. Ф. 58. Оп. 1. Т. 1. Д. 98. Л. 136, 142–143, 195–196.
- ⁴⁴ Об этом случае см.: *Востряков Л.Е.* Пожаловать знак отличия // Архангельское Поморье: История и культура. Архангельск, 1983.
- ⁴⁵ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 1. Д. 627. Л. 35.
- ⁴⁶ Там же. Л. 1–7, 35.
- ⁴⁷ Там же. Л. 38.
- ⁴⁸ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 1. Д. 830. Л. 119–134.
- ⁴⁹ См. статьи Ю. Пааскоски, И. Такалы, Т. Вихавайнена, Ю.Т. Лаппалайнена, А. Пюлкянена, Ф.Ю. Ефремова, М. Клинге, В.В. Рогинского в сб. «Россия и Финляндия в 1808–1809 гг.» (СПб., 2010).
- ⁵⁰ Подробнее об этом см.: *Безотосный В.М.* Россия и Европа в эпоху 1812 года. С. 137–188.
- ⁵¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 104. Л. 1. Подробнее об этом см.: *Безотосный В.М.* Россия и Европа в эпоху 1812 года. С. 178.

- ⁵² См.: *Герье В.И.* Император Александр I и Наполеон // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Кн. 4. 1912. С. 7–8; *Безотосный В.М.* Россия и Европа в эпоху 1812 года. С. 180.
- ⁵³ *Безотосный В.М.* Разведка Наполеона в России перед 1812 г. // Вопросы истории. 1982. № 10. С. 92–94.
- ⁵⁴ Подробнее об этом см.: *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 42, 58, 80, 83, 176, 187; *Он же.* Россия и Европа в эпоху 1812 года. С. 182.
- ⁵⁵ Подробнее об этом см.: ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 781. Л. 172–172 об.; *Тихомиров С.А.* Европейский Север накануне наполеоновского нашествия: эпизод из истории французской разведки // Русская культура на рубеже веков. Русское поселение как социокультурный феномен: Сб. ст. Вологда, 2002. С. 350–354.
- ⁵⁶ *Сапожников А.И.* Казачий вопрос в деятельности разведки Наполеона // Сапожников А.И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.; СПб., 2012. С. 65–69.
- ⁵⁷ Там же. С. 69.
- ⁵⁸ Рескрипт Императора Александра I М.И. Кутузову от 22 октября 1812 г. Цит. по: М.И. Кутузов: Документы. Т. 4. Ч. 2. М., 1956. С. 62.
- ⁵⁹ *Сапожников А.И.* Казачий вопрос в деятельности разведки Наполеона. С. 69.

Н.В. Ростиславлева

МАКС ВЕБЕР В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В годы Первой мировой войны Вебер разделял патриотические настроения и трудился в тылу. Он воспринимал войну только как оборонительную и желал ее скорейшего завершения. Ценностными ориентирами Макса Вебера и накануне войны, и в ее ходе были нация, власть, культура. Не будучи противником аннексий в принципе, в контексте Первой мировой войны ученый призывал к отказу от них. Во вступлении в войну США он видел большое бедствие для Германии, но из-за соображений политической дисциплины встал на сторону правительства. Выступая за государственную независимость Польши, ученый требовал пересмотра всей прусской политики по польскому вопросу. В движении Германии к статусу великой державы, который она стремилась обрести вследствие ее ответственности перед историей, Вебер видел исторический смысл войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Макс Вебер, нация, господство, культура.

«Быть может, я наиболее воинствен из твоих сыновей – то, что судьба и переживание этой – несмотря на все – великой и замечательной войны оставляют меня здесь в бюро и так “проходит мимо меня” я отношу ко многому другому. Жизнь и так приносит всегда разное, ради чего ее стоит прожить»¹. Деятельность Макса Вебера в годы Первой мировой войны полна разнообразия. Его отношение к ней, формы участия – вопрос, малоизученный в отечественной историографии. Он нашел отражение в главе «Испытание войной» монографии В. Моммзена «Вебер и немецкая политика 1890–1920 гг.»². В общих биографических работах о Вебере

немецких исследователей его отношение к войне затрагивалось по касательной³.

Еще до того как разразилась война, Вебер был к ней идейно подготовлен. Он считал, что Германия обязана вступить в борьбу со странами мощной коалиции за утверждение своего положения в мире в качестве великой державы (*Grossmacht*). Это была, по мнению Вебера, борьба за истинное утверждение государственного существования Германии⁴. В письме к Тоеннису он утверждал: «В случае окончательного благоприятного исхода я не надеюсь на действительно продолжительный мир для нас»⁵. Ученый был убежден, что война лишена смысла, она являлась в первую очередь «кровавым счетом» за предшествующую 25-летнюю внешнюю политику, которая сталкивала равным образом все великие державы.

Однако размышления Вебера о войне тесно связаны с его ценностными ориентирами. Американский социолог Льюис Козер отмечал: «Не существует абсолютно “объективного” анализа культурных или социальных явлений, не зависящих от индивидуальных или пристрастных взглядов, в соответствии с которыми они (явления) – явно или скрыто, сознательно или бессознательно – выбираются, анализируются, организуются для их объяснения»⁶.

В зрелых либеральных взглядах Вебера, как отмечает В. Моммзен, национальное превалировало над либеральным. В его политической системе ценностей главную роль играли нация, власть, культура⁷, и с этих позиций он критиковал либерализм вильгельмовской Германии. Для Вебера социальная политика проистекала из национально-политических соображений⁸. Германия должна быть *Machtstaat* (сильной державой) и причастной к решению вопросов о будущем мире⁹.

В 1905 г. была опубликована его «Протестантская этика и дух капитализма», а за ней последовали исследования о развитии политических событий в России – работы «Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии», более известное под названием «К положению буржуазной демократии в России»¹⁰ (“*Zur Lage der burgerlichen Demokratie in Russland*”) и «Переход России к мнимому конституционализму» (“*Russlands Übergang zum Scheinkonstitutionalismus*”)¹¹. Обе работы были опубликованы в «Архиве социальной науки и социальной политики» (“*Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*”), редактором которого Вебер являлся вместе с В. Зомбартом и Э. Яффе. В предисловии к собранию сочинений ученого труды о России названы В. Моммзеном «важными свидетельствами развития

политического мышления Макса Вебера¹². В этих работах он отказывал России в возможности утверждения свободы без разрыва с традицией.

Вебер отдавал себе отчет, насколько сложны были в то время отношения России и Германии. Он писал: «Одинаковую ненависть к нам питают как русская бюрократия со времен Берлинского конгресса, так и русская демократия без различия оттенков и это настроение будет продолжительным, потому что внешнее могущество Германии должно надолго остаться досадным бюрократическому национализму, а ее территориальные владения – демократическому федерализму»¹³. Ценности нации и представления Вебера о Германии как сильной державе прошли испытания в годы Первой мировой войны.

«Чудо августа 1914 г.» – именно так в немецкой исторической литературе называют эйфорию, охватившую Германию после начала Первой мировой войны¹⁴. Вебер всем сердцем разделял выступившие на передний план национальные настроения исхода лета 1914 г. Настроения общества в начале войны он сравнивал с часом «высшей торжественности», с часом «отказа от себя»¹⁵ и отмечал общую готовность служить целому.

Когда началась война, Веберу уже было 50 лет и он давно был выведен из числа военнопоблаженных. Это его огорчало, но страстное желание быть полезным родине в период «великой и замечательной войны»¹⁶ (именно так он ее называл в 1914 г.) было им реализовано. Оставаясь в тылу, Вебер занял должность дисциплинарного офицера при резервной лазаретной комиссии, также он с энтузиазмом принялся за устройство резервного лазарета в Гейдельберге. Ему трудно мириться с тем, что он не может быть на фронте, и он трудится в Гейдельберге по 13 часов в сутки.

В конце августа 1914 г. в одном из писем к своей матери Вебер писал: «Вне зависимости от того, каким будет результат, это великая и великолепная война (wunderbar)»¹⁷. Энтузиазм нации, ее готовность к жертвам и осознанное сплочение Вебер ощущал на себе и воспринимал как последнюю сохранившуюся ценность, он наделял это кровавое событие, предвидя все его конкретные последствия, внутренним смыслом победы. Вебер считал, что немецкий народ прошел испытательный срок и теперь является действительно великим народом. По поводу самой войны Вебер замечал: «Ибо каким бы ни было ее завершение, эта война велика и замечательна, стоит ее пережить – еще более непосредственно участвовать в ней, но, к сожалению, на поле битвы меня использовать нельзя, как это

было бы, если бы она разразилась своевременно, 25 лет тому назад. Все мои братья на фронте или на гарнизонной службе, мой зять пал под Танненбергом»¹⁸.

В тылу Вебер трудился из последних сил. Под его управлением в округе Гейдельберга возникло 9 новых лазаретов. Жена Вебера Марианна отмечала, что его дисциплинарная власть распространялась на 40 лазаретов административного округа. Однообразие его работы состояло в том, что он страдал, возлагая на людей дисциплинарные взыскания, но верность его своему долгу удивительна¹⁹. Вебер отработал на этом посту в качестве организатора и дисциплинарного офицера в административном округе Гейдельберга чуть больше года и ушел в отставку с убеждением, что он прошел проверку на то, что немцы великий культурный народ. «Мы выдержали: люди, которые привыкли жить в условиях рафинированной культуры и способны перенести все тяготы войны (что для негра из Сенегала не было бы большим достижением), которые затем, несмотря на это, возвращаются такими же в корне порядочными, как подавляющее большинство наших людей, – это подлинная человечность, и это нельзя игнорировать при всей назойливой безрадостной деятельности. Это переживание останется, каким бы ни был исход»²⁰, – писал ученый.

Перед началом войны взгляды Вебера на возможную победу были довольно скептическими. «Когда Англия примкнула к врагу, – отмечала Марианна Вебер, – Макс Вебер очень серьезно оценивал положение Германии, но когда знамена стали развиваться над Намюром и Льежем, благополучный исход казался ему всё-таки возможным»²¹. В середине апреля 1915 г. он писал жене: «Я выступаю как пораженец». Это неслучайно. Вебер уже ясно видел экономические трудности и прежде всего неудачи немцев в продвижении к демократии и, безусловно, неудачную дипломатию Германии.

Многим Вебер представлялся пессимистом, ибо он хотел с самого начала воспринимать войну только как оборонительную и по возможности скорее завершить ее. Воодушевляющие победы никогда не затуманивали ему видение грозящей проблематики: он четко понимал, что время работает не за Германию, а против нее. Шансы на заключение выгодного для Германии мира казались ему неблагоприятными. Поэтому выстраданное им национальное чувство всегда вело его к вере, что каким-нибудь образом все устроится²². Уже в октябре 1915 г. он писал: «Сотни тысяч истекают кровью вследствие ужасающей неспособности нашей дипломатии – это,

к сожалению, отрицать нельзя, и поэтому я даже в случае окончательного хорошего исхода не надеюсь на длительное достижение мира»²³.

Когда в мае 1915 г. в результате сражения под Горлицей линия фронта передвинулась еще дальше на восток, Вебер не скрывал своего удовлетворения и писал в письме к Мине Тоблер: «Приблизят ли эти замечательные успехи на Востоке мир?.. Надеюсь, что и дальше все пойдет так, однако следует ли доверять этим невероятным достижениям»²⁴.

После вступления в войну на стороне Антанты прежней участницы Тройственного союза – Италии последняя стала бороться с Австрией. Вебер был вне себя от разрыва Австрии с Италией, по его мнению, этого необходимо было избежать посредством своевременных уступок.

Позднее ученый склонялся одновременно к героическому оптимизму и боролся с приступами скепсиса в своем окружении²⁵. Он говорил теперь только о таком мире, который обеспечил бы честь и безопасность немецкого народа. В середине августа 1915 г. Вебер писал опять-таки Мине Тоблер, что «никто не может знать, как эта война закончится, так как все возможно. Я никогда не переоценивал наши успехи, и я сейчас не могу разделить впечатления швейцарской прессы. Все хорошо, но если только война будет длиться долго, до того момента, когда противники осознают ее безнадежность»²⁶.

В августе 1916 г., после вступления в войну Румынии, Вебер стал говорить о начавшемся повороте в ходе войны и вполне серьезно оценивал новую ситуацию так: «... я верю сегодня, как и прежде, что мы с честью выйдем из этого дела»²⁷.

Противоречивость этих высказываний несомненна, очевидна. Факт, что заключение мира было еще более отдаленным, глубоко его угнетал, и он уже не питал определенных иллюзий по поводу долговременного деструктивного воздействия войны на внутреннее и прежде всего экономические отношения Германии²⁸. Все это ввергало Вебера в депрессию, и он с большим трудом заставлял себя из нее выходить, но она вновь его охватывала.

В августе 1917 г. Вебер обозначил эту двойственность характерным образом в письме к Мине Тоблер: «Теперь я смотрю в будущее с оптимизмом. Если мы разумны и не верим в то, что мир может воцариться, то мы приходим к милитаризму. Но все было бы хорошо, если бы шло к концу, так как это действительно лучшие, которые погибли»²⁹. Вебер пользовался всяким поводом выступить против

страстных наивных стремлений к установлению мира, которые были присущи как представителям правительственных кругов, так и лагерю военных и пангерманцев, и они все сильнее возрастали. Также он понимал, что продолжение войны давало индустриальное превосходство Америке, и это толкало его к действиям по ее скорейшему завершению.

Вебер резко отклонял мнение, что при правильной и умеренной политике Германия могла бы миновать мировую войну. Он был убежден, что «мы должны быть великой державой и должны, чтобы иметь возможность обсуждать решение о будущем земли, вступить в эту войну. Ответственность перед историей молила о том, чтобы противодействовать разделению мира между “англосаксонской конвенцией” и “русской бюрократией”. Поэтому собственно задачу политики Германии в этой войне Вебер видел в том, чтобы создать предпосылки для будущей германской мировой политики (Weltpolitik)»³⁰. Он понимал это как получение максимума возможностей для политики союзов в будущем, обеспечивая военную безопасность, и считал это целью немецкого мира, а безбрежные аннексии на Западе и Востоке должны при этом нивелировать остроту эльзас-лотарингского вопроса, который постоянно возбуждал ненависть Франции к политике Германии.

Страшной бедой Вебер считал торпедирование «Лузитании», ибо большая нейтральная нация может допустить уничтожение предметных благ, но не ее граждан³¹. В феврале 1916 г. усилилась опасность разрыва отношений с США из-за применения подводных лодок, и Вебер выступил за урегулирование отношений с Америкой «любой ценой – любой»³². Он задавался вопросом: «Какой смысл может быть еще в нашей работе, если этот разрыв произойдет. Он означает еще два года войны. Упадок нашей экономики. Какое значение имеет тогда срединная Европа?»³³. Опасность вступления в войну США переживалась им очень остро, в этих условиях он назвал правительство Германии «бандой безумцев» и резюмировал: «Если произойдет разрыв с Америкой, война проиграна»³⁴. Вебер энергично этому противодействовал, поддержал канцлера Германской империи Бетман-Гольвега в борьбе с адмиралом Тирпицем, который вскоре был отправлен в отставку. Но когда 1 февраля 1917 г. подводная война стала реальностью, то из-за соображений политической дисциплины он встал на сторону правительства³⁵.

Вопрос об аннексиях – один из важнейших в ходе Первой мировой войны. Вебер не был принципиальным противником аннексий.

Он придерживался той точки зрения, что безопасность притязаний Германии на власть в Центральной Европе с помощью методов непрямого господства над соседними малыми нациями допустима, и транслировал это в окружение канцлера Бетман-Гольвега. Но после вступления в мае 1915 г. в войну Италии Вебер стал более чем настороженно относиться к чрезмерной аннексионистской программе Германии³⁶. Он полагал, что как только представится возможность мира на основе status quo, без потерь, но и без расширения владений, ею надлежит немедленно воспользоваться. Ибо при превосходстве врагов время, по мнению Вебера, работало не на Германию, а против нее... Война грозила превратиться с годами в повседневность и стать во всех отношениях сатанинской³⁷.

Известно, что позже он написал докладную записку парламентариям и правительству, где осуждал аннексии, но так и оставил ее в письменном столе. В. Моммзен ссылается также на письмо Вебера в редакцию «Франкфуртской газеты», подчеркивая, что в нем содержалось противодействие аннексиям³⁸. Ученый писал: «Я против всякой аннексии, также и на востоке. Если бы это было осуществимо в военном отношении, я был бы скорее за создание польского, малороссийского, литовского, латвийского автономных государств с правом для нас строить к северу от Варшавы крепости и занимать их, для Австрии то же самое к югу от Варшавы... На Западе – военная оккупация. <...> в Европе больше ничего. Следовательно, только военное необходимое, никаких аннексий»³⁹.

Вебер ясно видел две возможности для Германии на международной арене – либо проводить мировую политику на основе заключения союзов, либо европейскую политику экспансии, которая объединит против нее все мировые державы. Колониальная политика прежде всего предполагала договоренность с Англией, которая исключалась аннексиями западных областей. Он прекрасно понимал, что это усилило бы угрозу со стороны России и она при любом конфликте обрела бы в качестве союзника не только Францию, но и Англию. «Интересам Германии противоречит вынудить мир, главным результатом которого стало бы положение, чтобы каблук немецкого сапога в Европе стоял бы на пальцах ноги каждого участника войны»⁴⁰. Вебер как мог противодействовал аннексиям посредством воздействия на доступные ему круги, например через общество 1914 г., которое являлось своеобразным политическим клубом Берлина.

Живейшим образом интересовала Вебера проблема захвата русской Польши. С одной стороны, защита восточной границы

Германии от давления России представлялась Веберу важной национальной задачей. Он следил за прусской политикой в Польше и подвергал ее критике. Вебер теперь размышлял, будет ли освобожденное от связи с Россией Польское государство союзником центральных держав, сможет ли польская промышленность существовать вне связи с русской и полагал, что этому новому государству не отдадут Познань и Западную Галицию. Сначала на этой территории, чтобы завоевать дружбу поляков, Германия восстанавливала опустошенные земли, был открыт Варшавский университет с преподаванием на польском языке. В декабре 1915 г. Вебер опубликовал две политические статьи, в которых, исходя из анализа внешней политики Бисмарка, делал выводы по бельгийской и польской проблемам⁴¹.

Суть польской проблемы по Веберу – восстановление государственной независимости Польши. Это потребовало бы полной переориентации всей польской политики, считал ученый, а защита от России – вопрос жизненной важности и для Польши, и для Германии.

Прусская политика по отношению к присоединенным польским областям должна, по его мнению, быть иной: следовало достигнуть понимания с прусской Польшей. Но в Пруссии еще были далеки от такого понимания. Обсуждая этот вопрос с Ф. Науманом, Вебер быстро понял, что вряд ли правительственные учреждения обратятся к нему для разъяснения этого вопроса. Науман придерживался идеи «Срединной Европы»⁴². Вебер считал этот план проблематичным⁴³.

Ученый добивался права выехать в Польшу, вести там переговоры и получить доступ к служебным материалам. Ничего не удалось, и он восклицал, что будет заниматься польским вопросом только ради Наумана. Правительство провозгласило Польское королевство осенью 1916 г., желая получить для борьбы с Россией добровольцев. Но вербовка прошла вяло. Вебера не допускали внутрь правительственных кругов, поэтому влиять на решение польского вопроса он не мог. Мыслитель страдал и мучился от своей политической неприменимости. Пацифизм также не стал его выбором, хотя Вебер начал присматриваться к действиям пацифистски настроенной молодежи.

Однако Вебер полагал, что эта война наделена глубоким историческим смыслом. Видя ее причину в движении Германии к статусу могущественного государства, он полагал, что его родина делала это не из тщеславия, а вследствие ее ответственности перед

историей. Главного врага Германии в фокусе этой идеи Вебер усматривал в России и считал, что развитие на востоке ведет к мировым решениям, тогда как столкновение на западе – безделица⁴⁴.

Что касается научной работы Вебера в годы войны, то это было практически потерянное время. Пребывая в постоянном политическом возбуждении, он не был способен концентрироваться на ней. Однако с 1915 г. ученый старался хотя бы час в день посвящать подготовке к печати своих религиозно-социологических сочинений. Итогом явилась публикация работы «Хозяйственная этика мировых религий». В 1917 г. он активно публикуется во «Франкфуртской газете», издает статьи по вопросам государственного устройства. Политические работы Вебера привлекли к себе внимание, более того, они вызвали дискуссии.

Военная катастрофа стала для Германии неизбежной. Вебер углубился в политическое осмысление произошедшего, что нашло выражение в его активном участии в создании Веймарской республики.

Примечания

¹ Цит. по: *Вебер Марианна*. Жизнь и творчество Макса Вебера. М., 2007. С. 432.

² См.: *Mommsen W.* Max Weber und die deutsche Politik. 1890–1920. Tübingen, 1974.

³ Патрушев А.И. Расколдованный мир Макса Вебера. М., 1992.

⁴ *Mommsen W.* Op. cit. S. 206.

⁵ *Ibid.*

⁶ Цит. по: *Козер Л.А.* Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М., 2006. С. 73.

⁷ *Mommsen W.* Op. cit. S. 90–96, 132–133.

⁸ *Ibid.* S. 136–137.

⁹ *Ibid.* S. 69.

¹⁰ *Weber M.* Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 10. Abteilung I. Tübingen, 1989. Русский перевод: *Вебер М.* Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии. Киев, 1906.

¹¹ *Weber M.* Russlands Übergang zum Scheinkonstitutionalismus // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 10. Abteilung I.

¹² *Mommsen W.* Vorwort // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 10. Abteilung I. S. VII.

¹³ *Вебер М.* К положению буржуазной демократии // Политическая наука. Россия: опыт революций и современность. М.: ИНИОН, 1998. С. 9.

¹⁴ См. об этом: *Данин О.* Нации и национализм. СПб., 2003.

- ¹⁵ Цит. по: *Вебер Марианна*. Указ. соч. С. 432.
- ¹⁶ Цит. по: Там же. С. 433.
- ¹⁷ Цит. по: *Mommsen W.* Max Weber und die deutsche Politik. S. 207.
- ¹⁸ *Вебер Марианна*. Указ. соч. С. 435.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 436.
- ²¹ Там же. С. 435.
- ²² *Mommsen W.* Max Weber und die deutsche Politik. S. 207.
- ²³ Цит. по: *Вебер Марианна*. Указ. соч. С. 439.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Mommsen W.* Max Weber und die deutsche Politik. S. 207.
- ²⁶ *Ibid.* S. 207.
- ²⁷ *Вебер Марианна*. Указ. соч. С. 435.
- ²⁸ *Mommsen W.* Max Weber und die deutsche Politik. S. 208.
- ²⁹ *Ibid.*
- ³⁰ *Ibid.* S. 209–210.
- ³¹ *Вебер Марианна*. Указ. соч. С. 435.
- ³² Там же. С. 459.
- ³³ Там же. С. 461.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 475.
- ³⁶ См. об этом: *Mommsen W.* Max Weber und die deutsche Politik. S. 219.
- ³⁷ *Вебер Марианна*. Указ. соч. С. 453.
- ³⁸ *Mommsen W.* Max Weber und die deutsche Politik. S. 219.
- ³⁹ Цит. по: *Вебер Марианна*. Указ. соч. С. 457–458.
- ⁴⁰ Там же. С. 454.
- ⁴¹ См.: *Вебер М.* Парламент и правительство в новой Германии // Вебер М. Политические работы, 1895–1919. М., 2003; *Он же.* Избирательное право и демократия в Германии // Там же.
- ⁴² См.: *Науман Ф.* Срединная Европа. Пг., 1915. В этой работе автор предлагал Германии создать свой центр силы, к которому тяготели бы центральноевропейские государства, и призывал к становлению Срединной Европы как мировой державы, возглавляемой Германией.
- ⁴³ *Вебер Марианна*. Указ. соч. С. 454–455. См. также: *Mommsen W.* Max Weber und die deutsche Politik. S. 229–246.
- ⁴⁴ *Вебер Марианна*. Указ. соч. С. 476–477. См. также: *Mommsen W.* Max Weber und die deutsche Politik. S. 221 und Anhang II.

Д.А. Бурашников

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ
В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛ-
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ
НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА
ЭРНСТА КРИКА

В статье рассматривается вопрос о роли и месте науки в национал-социалистическом обществе и государстве сквозь призму воззрений Эрнста Крика, для которых характерны как преемственность, так и отторжение идей классиков немецкой философии. Большое внимание уделяется целям и задачам исторического знания в национал-социалистической идеологии, а также системе образования. Отдельно рассматривается понятие «раса», которое Крик понимал исключительно как политическое, вне контекста расовых и биологических исследований Третьего рейха. Именно ввиду этой неоднозначной позиции, основанной на фундаментальном гуманитарном знании, в Третьем рейхе развернулись ожесточенные дискуссии и борьба за дальнейшее развитие идеологического курса.

Ключевые слова: Эрнст Крик, национал-социалистическая идеология, раса, наука, историософия, история.

Интерес к гуманитарному знанию в период национал-социалистической диктатуры был вызван необходимостью обоснования новой идеологии. Впервые национал-социалистическая идеология была обоснована в главной работе А. Гитлера «Моя борьба» еще в 1925 г. Она вбирала в себя такие идеи, как антисемитизм, расовую составляющую в синтезе с социал-дарвинистской теорией¹ и требовала серьезной философской базы для дальнейшего распространения.

Одним из таких ученых, взявшихся за эту тяжелую задачу, был Эрнст Крик. Будучи профессором философии и педагогики в Гейдельбергском университете, он работал с Мартином Хайдеггером

и впитал часть идей этого знаменитого философа. Один из последних представителей философии жизни в своих работах попытался не только научно обосновать закономерность прихода национал-социалистов к власти, но и дать этому логическое объяснение, а также наметить возможные тенденции развития Германии.

Осмысление и понимание философского наследия Эрнста Крика невозможно в отрыве от его собственного жизненного пути и мировоззрения. О его юности известно крайне мало. Он родился 6 июня 1882 г. в небольшом городе Фёгисхайме в Бадене. Крик происходил из простой и небогатой протестантской семьи. Его отец был инженером, а предки ремесленниками и крестьянами. Уже в раннем возрасте он покинул родительский дом и отправился на обучение в реальную школу в Мюльгейме. После окончания школы в 1898 г. Эрнст Крик поступил в педагогическое училище в Карлсруэ и, закончив его в 1900 г., стал младшим учителем народной школы. Именно в это время формируются воззрения Эрнста Крика на всю систему образования, которая начинает подвергаться критике как «механическая и бюрократическая». В 1910 г. вышел первый труд Крика «Личность и культура»², где были уже отражены идеи, вскоре трансформирующиеся в стройную идеологическую концепцию.

В 1917 г. он опубликовал свою работу «Немецкая идея государства», в 1920-м – «Революция науки» и, наконец, в 1922-м – «Философия образования», которая стала его первым фундаментальным трудом, посвященным философскому осмыслению целей и задач системы образования. За эту книгу Эрнст Крик получил почетную докторскую степень от Рупрехт-Карл-Гейдельбергского университета. После четырех лет творческой деятельности он в 1928 г. устроился в педагогическую академию во Франкфурте. К концу двадцатых годов его взгляды были схожими со взглядами либеральных учителей в их борьбе со школьной политикой СДПГ, партии Центра и католической церкви³.

С началом тридцатых годов жизнь Веймарской республики все более радикализировалась, общество разрывалось на части в борьбе левых, центристов и национал-социалистов. В это время Эрнст Крик вступил в антисемитскую лигу борьбы за немецкую культуру (Kampfbund für deutsche Kultur)⁴. Далее в биографии Крика можно отметить целый ряд карьерных неудач, связанных с его новым политическим амплуа. Так, летом 1931 г. после выступления с докладом «Салют Третьему рейху» он был переведен в педагогическую академию в Дортмунде, что после его работы во Франкфурте не может оцениваться никак иначе, как понижение.

После выступления в Руре в 1932 г. в качестве члена национал-социалистической рабочей партии Германии (НСРПГ) и члена национал-социалистической лиги учителей, а также дальнейшей нацистской агитации его деятельность в качестве профессора была приостановлена⁵.

Два года неудач сменились стремительным взлетом. В январе 1933 г. национал-социалисты осуществили «Machtergreifung» (захват власти), и уже в мае 1933 г. Эрнст Крик стал ректором университета им. Иоанна Вольфганга Гёте во Франкфурте-на-Майне, а также профессором педагогики и философии⁶. Именно с этого момента начался новый этап в его жизни, когда из-под его пера вышли фундаментальные труды, раскрывающие суть национал-социализма. Крик выступил как главный редактор нового журнала «Volk im Werden» («Становление народа»), который издавался с 1933 по 1944 г. и где публиковались его статьи. На страницах этого журнала он раскрывал цели и задачи будущего национал-социалистического образования. Они были детально разобраны в таких статьях, как «Новый университет»⁷, «Профессия учителя»⁸ и «Наука и педагогическое образование»⁹.

В 1934 г. Эрнст Крик вернулся в Гейдельбергский университет, где занял должность профессора философии и педагогики, а с лета 1936 г. начал совместную работу с Бернхардом Рустом в рамках реформы системы образования в Германии. В 1935 г. Эрнст Крик основал так называемый «NS-Dozentenbund» (национал-социалистический союз доцентов) в Бадене. Несмотря на то что Эрнста Крика уважали как ректора университета и автора многочисленных философских работ, его труд «Народно-политическая антропология»¹⁰ вызвал ожесточенные споры с другими идеологами и теоретиками национал-социализма. В результате ожесточенных дискуссий Эрнст Крик ушел со всех занимаемых постов и должностей¹¹. Начался новый и на этот раз заключительный этап его карьеры.

В 1938 г. Эрнст Крик вступил в ряды СС и с почестями принял звание оберштурмбанфюрера, сохраняя его вплоть до окончания Второй мировой войны. В 1939 г. он основал «Институт по изучению и ликвидации еврейского влияния на немецкую церковную жизнь», который, по мнению ряда исследователей, носил исключительно псевдонаучный и антисемитский характер¹². Также в это время он стал почетным членом «Рейхсинститута истории Новой Германии», который возглавлял известный национал-социалистический историк Вальтер Франк¹³. В 1943 г. вышло уже

20-е издание его книги «Национально-политическое воспитание», которая успела стать классикой новой педагогики в национал-социалистической Германии¹⁴. В 1944 г. Крик был назначен на должность главы «Национал-социалистического союза доцентов», однако пробыв в ней совсем недолго. После вступления в Германию союзных войск Эрнст Крик был освобожден от всех занимаемых должностей и отправлен в лагерь для военнопленных, где и скончался в марте 1947 г.

Обширные труды Эрнста Крика в области осмысления системы образования можно разделить на две большие группы: теоретические работы, где обосновываются цели и задачи системы образования в национал-социалистическом государстве, и труды, где рассматривается конкретная реализация тех или иных аспектов новой системы образования.

Эрнстом Криком была выдвинута крайне необычная для своего времени теория образования. Он был противником общераспространенных идей 1920-х гг. о целях и значимости школьного и университетского образования, выступая скорее за социализацию и развитие личности. В работе «Философия образования»¹⁵ им была предложена трехуровневая модель общества, где на первом уровне рассматривались бессознательные отношения между людьми, второй уровень охватывал сознательные социальные действия, например в семье или на работе, и, наконец, третий уровень состоял из конкретных намерений, целей и методов. Границы между данными уровнями отсутствовали, и все три уровня находились в постоянном взаимодействии. Таким образом, вся жизнь человека носит воспитательную и социализирующую функцию. Исходя из этого Крик сформулировал тезис о существовании различных сообществ, которые он представляет как живые организмы. В этих сообществах состоит каждый человек. Высшим сообществом является сам народ. Разрабатывая теорию о взаимосвязи и влиянии сообществ друг на друга, Эрнст Крик также пришел к заключению о формировании в этих сообществах определенной личности¹⁶.

На практике его философская теория нашла свое выражение в так называемом принципе народной реформы образования, где важную роль в процессе образования играло государство, призванное контролировать весь процесс.

Вопрос о роли и месте науки при национал-социализме не с практической точки зрения (это было вне компетенции Эрнста Крика), а с сугубо философской и идеологической был в центре его внимания. Он обращался к этим сюжетам практически во всех

своих работах. Однако концентрированное выражение и освещение данная тема получила в статье «Наука, мировоззрение, реформа высшей школы». Во многом именно эта статья Крика послужила логическим и идеологическим обоснованием проводившихся изменений в системе образования национал-социалистической Германии.

Начиная критику современной науки, Крик апеллировал к трудам Канта и его влиянию на развитие так называемой рациональной науки. Именно Кант с его «чистой наукой» и подвергался главной критике. Продолжая критику существующей науки, Эрнст Крик различает несколько основных черт господствующей научной идеологии, сформулированных еще Кантом.

Во-первых, это применение такого понятия, как «чистый разум», который представлен как некий абсолютизм, не подвергающийся сомнению: «Чистый разум и на самом деле есть такое совершенное единство, что если бы принцип его был недостаточен для решения хотя бы одного из вопросов, представленных перед ним его собственной природой, то его пришлось бы отбросить целиком, так как он оказался бы непригодным для верного решения и всех остальных вопросов»¹⁷.

Во-вторых, «процесс развития человечества как процесс совершенствования разума».

В-третьих, превращение чистого разума, который у Канта тождественен природе, в чистый дух¹⁸.

В-четвертых, понятие истины, достигнутое за счет того, что «аппарат чистого разума беспрепятственно применяется к опыту»¹⁹.

В-пятых, «развитие науки в механистической плоскости», в которой «аппарат чистого разума отрывается от действительности, от всего живого»²⁰.

Таким образом, Эрнст Крик заключал, что «со своим чистым разумом и научной идеологией западный человек сделал себя мерой всех вещей, всех времен и народов, которым он навязывает свои законы, свои истины и ценности, претендующие на звание абсолютных»²¹. Критикуя Канта и его философию, он попытался сделать невозможное: не просто переосмыслить его философское наследие, сыгравшее огромную роль в германской истории, но и преодолеть его, создать качественно новую теорию. Это была попытка рождения новой национал-социалистической философии, поставленной на службу государству.

Развивая идеи о теории современной ему науки, Крик поднял вопрос и о ее объективности, обращаясь в своих размышлениях

к трудам Т. Момзена. Поддерживая мысль Момзена о том, что «религиозные, политические, социальные убеждения каждый носит с собой и формулирует их в зависимости от своего опыта», он заявил: «Итак, теория зашаталась: идеал чистого разума, хотя и сохраняется как цель научного познания, но объявляется недостижимым»²².

И лишь приводя в пример труды Момзена по истории Древнего Рима, где тот сознательно опирался на свои политические убеждения, Эрнст Крик пришел к заключению, что «объективность – новое издание идеологии чистого разума – превратилась, таким образом, в фикцию»²³.

Не обойдя критикой и труды Вебера, Крик заключил, что и сам Вебер пал, будучи «последним глашатаем рационализма, последним героем либерализма» и ознаменовав своим поражением «конец позитивистской и неокантианской научной идеологии»²⁴. Далее Крик добавил, что «если бы Вебер строго придерживался своего учения, он бы увидел в самом себе образец того, как живой человек может расколоться на две части, не имеющие между собой ничего общего. В личности Макса Вебера воплотилось мировоззрение либерализма, но его научные и политические взгляды представляли собой две автономные области»²⁵.

Очертив общие недостатки и изъяны современной ему науки, а также обозначив философские истоки становления данной формы научного познания, Эрнст Крик перешел к изложению собственных воззрений относительно характера и задач науки при национал-социализме. При этом он отметил, что «теперь принцип национально-политического единства объединяет мировоззрение и действительность и является решающим также для религии, науки и искусства... в результате полностью изменяются положение науки и ее задачи, изменяются не только предметы научного познания (например, расовая теория и т. п.), но и методы...»²⁶.

Эрнст Крик предложил пять качественно иных пунктов, отличающих новую национал-социалистическую науку от предшествующей ей. И главным из них является мысль о науке как субъективной дисциплине, выраженной в рациональной форме в соответствии с господствующим мировоззрением. То есть Крик выступил категорически против возможной объективности науки как таковой, и наиболее отчетливо это выразится именно в его отношении к истории.

Крик высказывал мысль о постоянном развитии науки, связанном с потребностями народа, а также с целями и задачами развития расы. И наконец, он наметил будущий путь немецкой науки,

указывая, что «ход истории – это не поступательное движение человечества или народа к конкретной цели», который ведет к «удовлетворению жизненных потребностей немецкого народа», а не к свободному познанию или тем более догматической схоластике. В этой части работы Эрнст Крик указывал на то, что, несмотря на данные цели, «наука не должна пытаться заменить существующие религиозные догмы новыми расово-политическими». Ее задачи шире. И именно это начинает происходить в Германии в 1933–1939 гг., когда вся научная мысль была тем или иным образом поставлена под контроль государства. Однако, согласно Крику, несмотря на то что цели и задачи науки должны быть полностью подчинены государству, сама наука должна оставаться «делом свободных, творческих личностей, осознающих свои обязанности перед народом и свой долг перед идеей»²⁷.

История в национал-социалистической Германии приобретает особый оттенок ввиду того, что руководство государства и партии четко осознавало, что вопрос «Куда мы идем?» тесно связан с вопросом «Откуда мы идем?»²⁸. Именно поэтому Эрнст Крик, развивая свою мысль относительно роли и места науки при национал-социализме, не мог обойти и вопросы истории. Формулируя свою точку зрения, он объединил понятия «философия» и «история», называя дисциплину историософией (характер объединения любой научной дисциплины с философской базой свойственен Крику во всех его трудах). Историософия, возникающая как часть нового мировоззрения, состоит из нескольких аспектов: религиозного, политического, национального и расового. Именно на этой базе и должен строиться взгляд на историю немецкого и других народов.

Для Крика история – это не набор исторических фактов, которые можно объективно или субъективно изучать, это осмысленная взаимосвязь фактов и определение некой линии развития или «судьбы» народов. Эрнст Крик в своей статье предложил комплексный взгляд на историю как на динамичное развитие событий, зависящих не только от неких политических решений, но и расовой составляющей действующих лиц, а также определенной «судьбы». В рассуждениях Эрнста Крика, а также других ученых национал-социалистов данный мотив прослеживается очень часто. Отсылка к линии судьбы или «фортуны, кайросу» пронизывает весь вектор развития национал-социализма в области не только научных идей, но и политики, проводимой партией и фюрером²⁹.

Для понимания места истории в концепции национал-социализма лучше всего рассмотреть два выражения Эрнста Крика:

«Не надо долго доказывать, что в изображении истории отражаются мировоззрение и политическая позиция историка, его эпоха со своими проблемами. Научное исследование источников и методологический анализ – необходимые предпосылки, а в остальном работа историка – это творчество художника»³⁰ и «Наука не живет познанием истины, действительной для всех времен и народов, она выражает в рациональной форме, в соответствии с мировоззрением, связанную с народом и эпохой, обусловленную расой, характером и судьбой истину»³¹. Из этих двух точных и емких выражений сразу же становятся понятны не только цели и задачи истории при национал-социализме, но и методы их достижения.

Историческая наука при национал-социализме должна быть поставлена на службу государству и идеологии, а историк, как художник, должен показывать ту историю, которую необходимо видеть и которая должна воспитывать «присущие данной расе благородные черты». Однако нетрудно заметить нестройность логической концепции Крика, так как обнаружение этих самых «расовых особенностей» также происходит на основе изучения источников, но при их субъективном восприятии историк может предпочесть любой образ и, таким образом, не просто создать новую «расовую особенность», но привить ее, что, согласно Крику, невозможно.

Понятие «раса» является одним из центральных во всей философии Эрнста Крика. Как отмечалось, он иначе интерпретировал данный термин, рассматривая его вне биологических расовых теорий и исследований. Понятие «раса» он понимал как «постоянную основу, которая включает в себя постоянство характера, закон, в равной мере действительный для души и для тела, и определяет жизненное поведение, ценности и мировоззрение»³². В определении расы Эрнст Крик расходился с иными теоретиками национал-социализма, выходя за привычные рамки и определяя расовую принадлежность не столько «кровью», как это делал Дарре³³ или Розенберг³⁴, сколько поведением и мировоззрением. И присущие германскому народу ценности Крик обосновывает исключительно принадлежностью к «нордической расе», являющейся основой будущего «народного сообщества» Германии. Однако он в своих размышлениях пошел еще дальше и выдвинул тезис о том, что заложенные в определенной расе качества не могут быть изменены, а «воспитание и образование могут довести до совершенства лишь то, что заложено в расе в виде задатков» и, следовательно, никакое изучение расовых теорий неспособно изменить или вырастить

новую расу. Тем не менее можно довести до совершенства лучшие черты любой расы, построив правильную модель воспитания и образования, а также жизнеустройства. По сути, он нивелировал биологическое значение расы.

Наряду с этой проблемой Эрнст Крик пытался осмыслить понятие судьбы и роли немецкого народа в историческом процессе, считая, что его конечной целью является – «стать во главе человечества». Между тем интересно отметить и моменты, связанные с пониманием Крика самих расовых «задатков» и «законов», определяющих ее развитие. Так, рассуждая о расе как некоем политическом, но не биологическом понятии, он приходит ко мнению, что «доминирующая в немецком народе “нордическая раса” – становой хребет народного сообщества и государства, религии, права, экономики, искусства, науки, воспитания, образования»³⁵. Соответственно, она имеет и свои особенные черты, в которых проявляется: «раса проявляется в воле, поведении и мировоззрении в соответствии с расовыми ценностями»³⁶. В то же время Крик выделяет следующие расовые ценности, присущие нордической расе: «Германские ценности соответствуют героическому, солдатскому политическому идеалу, и первые места среди них занимают честь, верность вождю, товарищество, умение владеть как оружием бойца, так и оружием духа, правдивость, связь со своим народом как целым, социальная справедливость»³⁷. Именно эти «задатки» и должны были развиваться в парадигме национал-социалистического воспитания и образования в первую очередь.

Таким образом, Эрнст Крик, как и ряд других ученых-гуманитариев, публиковавшихся в журнале «Volk im Werden», внесли совершенно иное понимание ключевых понятий национал-социализма в официальную идеологию Германии. Это, безусловно, не столько вызвало стойкий идеологический антагонизм между различными научными и политическими течениями в национал-социалистической Германии, сколько обострило реальную борьбу за дальнейший курс развития идеологии. И вопрос о некоей цельности национал-социалистической идеологии, а также общем ее курсе развития является спорным. Бесспорным остается лишь один факт: работы Эрнста Крика и его судьба наглядно демонстрируют нам иную ветвь развития национал-социалистической идеологии, основанную на фундаментальном гуманитарном знании, а не на естественных науках. При этом работы Крика всегда оставались верны политическому курсу, взятому руководством НСРПГ. Его попытки логически и научно обосновать подчинение

науки и образования государству полностью вписываются в рамки, очерченные Адольфом Гитлером еще в середине 20-х годов.

Не выходя за пределы дозволенного, Эрнст Крик считал единственно возможной функцией науки выражение и обслуживание интересов народа и не мыслил ее существование вне данного контекста. История рассматривалась Криком только с точки зрения ее задач в рамках формирования нужного исторического образа тех или иных эпохи, события, народа. Считая саму дисциплину исключительно субъективной и доказывая это на примере трудов видных историков конца XIX в., Крик полагал, что фундаментальной задачей истории является развитие национал-социалистического мировоззрения будущего поколения.

Примечания

- ¹ *Лессер Й.* Третий Рейх: Символы злодейства: история нацизма в Германии (1933–1945). М., 2010. С. 42–49, 88–93.
- ² *Kriek E.* Persönlichkeit und Kultur. Geidelberg, 1910. 512 s.
- ³ *Schriewer J.* Ernst Kriek // Historische Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1982. S. 36–38.
- ⁴ *Klee E.* Das Personenlexikon zum Dritten Reich. Wer war was vor und nach 1945. Frankfurt a/M., 2005. S. 341.
- ⁵ *Ibid.* S. 341.
- ⁶ *Ibid.* S. 342.
- ⁷ *Kriek E.* Die neue Universitat // Volk im Werden. Bd. 3. Leipzig, 1935. S. 1–6.
- ⁸ *Kriek E.* Der Lehrberuf // *Ibid.* S. 240–245.
- ⁹ *Kriek E.* Die Wissenschaft un der Lehrerbildung // Volk im Werden. Bd. 5. Hamburg, 1937. S. 225–232.
- ¹⁰ «Народно-политическая антропология» является одним из фундаментальных трудов Эрнста Крика, где он развивал свои идеи о роли расы в выборе конкретных целей и задач, а также деятельности человека в целом. Мысль о том, что «достижение определенных задач связано с народом и исторической ситуацией, а через них – с расой и ее ценностями, которые определяют выбор методов и средств», проходит сквозь всю работу Э. Крика и является ее основой. По сути, данная работа является обобщающей и полностью раскрывает взгляды Крика по состоянию на 1937 г.
- ¹¹ *Schriewer J.* Op. cit. S. 36–38.
- ¹² *Prolingheuer H.* Wir sind in die Irre gegangen. Cologne, 1987. S. 150–151.
- ¹³ *Heiber H.* Walter Frank und sein Reichsinstitut für Geschichte des neuen Deutschland. Stuttgart, 1966.
- ¹⁴ *Авдеев В.Б., Иванов А.М.* Предисловие // Преодоление идеализма. Основы расовой педагогики. М., 2004. С. 16.

- ¹⁵ *Kriek E.* Philosophie der Erziehung. Jena, 1922. 309 s.
- ¹⁶ *Ibid.* S. 45–53, 83–98.
- ¹⁷ *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. С. 8.
- ¹⁸ Там же. С. 355–359.
- ¹⁹ *Крик Э.* Наука, мировоззрение, реформа Высшей школы // Преодоление идеализма. С. 156.
- ²⁰ Однако необходимо отметить тот факт, что сам Крик в данной работе не дает аргументированного и полного истолкования своих умозаключений, возможно, полагаясь на аналогичный критический подход к творчеству Канта у своих последователей.
- ²¹ *Крик Э.* Указ. соч. С. 157.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 158.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 159.
- ²⁸ Там же. С. 166.
- ²⁹ Там же. С. 166–168.
- ³⁰ Там же. С. 171.
- ³¹ Там же. С. 159.
- ³² Там же. С. 167.
- ³³ *Darre R.* Neueverwurzelung von Blut und Boden // Angriff. 1933. 14 Juli.
- ³⁴ *Розенберг А.* Миф 20 века. Таллин: Shildex, 1998. С. 3.
- ³⁵ *Крик Э.* Указ. соч. С. 167.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 168.

Г.Н. Канинская

ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО И АЛЖИРСКАЯ ВОЙНА (1954–1962 гг.)*

В статье рассматривается реакция французского общества на алжирскую войну 1954–1962 гг., которую развязали французские правительства Четвертой республики, чем во многом способствовали падению этой республики. Пришедший к власти на волне мятежа ультраколониалистов из Алжира де Голль не только создал и возглавил новую Пятую республику, но и предоставил независимость Алжиру. Представлены позиции различных политических партий и их лидеров, а также рядовых граждан в годы войны. Прослежена эволюция взглядов французского общественного мнения в сторону признания независимости алжирского народа. Особое внимание уделяется позиции французской интеллигенции, для которой алжирская война во многом стала знаковым событием. Показано влияние алжирской войны на современное французское общество.

Ключевые слова: «франко-французская война», «война петиций», общественное мнение, де Голль, Пятая республика, антиколониалисты, ультраколониалисты.

Начавшись с восстания 1 ноября 1954 г., алжирская война была «последней крупной национальной драмой» страны¹, положившей конец «национальной республиканской идее империи», вдохновлявшей французозов со времен революции 1789 г.² Наряду с этим она стала той отправной точкой отсчета, от которой, во-первых, начала отсчитывать историю нынешняя Пятая республика; во-вторых, закладывался фундамент под Красный Май

© Канинская Г.Н., 2014

* Статья печатается благодаря поддержке Дома наук о человеке г. Парижа.

1968 г., существенно изменивший социокультурную экосистему страны; в-третьих, война заставила французское общество задуматься о собственной идентичности и суверенитете; в-четвертых, на поверхность выдвинулись традиционные республиканские ценности – свобода, равенство, братство; наконец, в-пятых, вновь, как это было не раз в истории Франции, в гущу событий оказалась интеллигенция, начавшая, говоря словами известного французского историка Жана-Франсуа Сиринелли, «войну петиций».

Причины алжирской войны наметились сразу же после Второй мировой войны, но уходили своими корнями в еще более ранние годы. Одна из них заключалась в статусе Алжира в составе Франции. Он состоял из трех департаментов: Алжир, Константина и Оран, которые управлялись министром внутренних дел Франции, как и другие департаменты. На деле же положение этих трех департаментов отличалось от департаментов метрополии, потому что, во-первых, управлял Алжиром генеральный губернатор, назначаемый Советом министров, а во-вторых, потому что проживали в Алжире две категории *граждан, которые имели неравные права*.

С одной стороны, это были французы, наделенные широкими гражданскими правами. Они имели право участвовать во всех выборах, проходящих как в метрополии, так и в Алжире. На деле эти алжирские французы, численность которых составляла чуть больше миллиона, «были продуктом многовекового смешения не только французов, но и выходцев из других стран Средиземноморья, преимущественно итальянцев и испанцев, а также из Германии и Швейцарии, расселившихся в регионе во время французской колонизации». К ним примыкали еще 130 тыс. евреев, «ощущавших себя полностью французами»³. Со временем алжирских французов стали называть «черноногие»⁴. В официальных французских документах периода алжирской войны эту группу населения Алжира называли «французы европейского происхождения», тогда как другую, представленную более чем 9 млн мусульман, лишенных к тому же политических прав, – «французы североафриканского происхождения». Помимо официальной терминологии, в быту представителей второй группы алжирского населения именовали «аборигены», «мусульмане» или «арабы»⁵.

Безусловно, европейцы и мусульмане контактировали между собой, но только не в личной сфере, что дало право в 1958 г. молодому тогда социологу П. Бурдые назвать сложившееся в Алжире общество кастовым, а французов – представителями высшей касты⁶. В 1947 г. Национальная Ассамблея проголосовала за

новый статут Алжира, который несколько улучшил положение мусульманского населения, хотя неравенства не устранил. Согласно статуту, в Алжире создавалась выборная смешанная Ассамблея в составе 120 депутатов с весьма ограниченными полномочиями, особенно в области финансов. Причем 9 млн мусульман выбирали 60 депутатов, т. е. столько же, сколько миллион французов. На муниципальных выборах 1947 г. от мусульманской общины успеха добился Революционный комитет за единство и действие (РКЕД), преобразованный вскоре после начала войны в Алжире во Фронт национального освобождения Алжира (ФНО), известный стремлением к независимости Алжира. Однако французские власти грубо фальсифицировали результаты выборов, и от мусульманской общины в Ассамблею прошли всего 9 представителей от ФНО и 8 от более умеренного Демократического союза за Манифест Алжира (ДСМА), лидером которого в то время был Ф. Аббас.

Махинации с выборами не остались незамеченными и подогревали рост национального самосознания алжирских мусульман. Во Франции в проявлениях национального движения в Алжире видели лишь национализм и не замечали его связи с общим процессом послевоенной деколонизации в мире. Поэтому дальше уступок уровня 1947 г. ни одно последующее правительство Четвертой республики идти не желало. Когда 1 ноября 1954 г. в Алжире вспыхнуло восстание, тогдашний министр внутренних дел и будущий президент Пятой республики Ф. Миттеран отреагировал сразу же и довольно жестко, проведя многочисленные аресты повстанцев и отказавшись от каких бы то ни было переговоров с ними. Выступая 12 ноября в Национальной ассамблее в унисон с премьер-министром П. Мендес-Франсом, он произнес фразу, ставшую сакраментальной для французских колониалистов: «Алжир – это Франция»⁷.

Поначалу правительству ситуация казалось не такой уж угрожающей, так как ФНО, поднявший восстание в День поминовения усопших, не имел в 1954 г. широкого признания и его действия не одобрялись большинством лидеров алжирских националистов. Поэтому оно считало для себя нецелесообразным предпринимать переговоры с такой неустойчивой силой. В то же время власти в метрополии были убеждены в том, что «акция 1 ноября свидетельствует о болезни Алжира, лечение которой возможно путем реформ»⁸. С этой целью в январе 1955 г. в Алжир был назначен новый генерал-губернатор – Ж. Сустель, слывший либералом, способным понять незападное мышление (он был этнологом). Окруженный

командой либералов, Ж. Сустьель приехал в Алжир, где его очень плохо встретили европейские колонисты, сомневавшиеся в успехе реформ, зато его присутствие породило большие надежды у арабской знати, таких как Ф. Аббас и А. Франсис. Колонисты Алжира не желали видеть в стране Сустьеля, поэтому 5 февраля 1955 г. спровоцировали падение кабинета П. Мендес-Франса, но его преемник Э. Фор усилил политику репрессий против ФНО, ввел там в июне 1955 г. чрезвычайное положение и по-прежнему не допускал никакой возможности переговоров с повстанцами. При обсуждении в Национальной ассамблее вопроса о предоставлении ему чрезвычайных полномочий по Алжиру он провозгласил, что «Алжирского государства не существует». Его активно поддержал президент Франции Р. Коти, заявив: «В Алжире Родина в борьбе и опасности». Э. Фор обещал добиваться «постепенной политической интеграции Алжира и метрополии, при которой примирятся и будут уважаться религиозные и культурные различия»⁹.

На деле ситуация в стране становилась все более напряженной, алжирские «французы европейского происхождения» требовали от правительства более решительных действий по «наведению порядка в Алжире». Уже при Э. Форе в европейской коллегии Алжирской ассамблеи раздавались голоса «против политики оставления» и «слабости» правительства, осуждалась «ошибки парижан» и расценивалась как преждевременная «политическая интеграция». Главу правительства следующей легислатуры – Республиканского фронта – социалиста Ги Молле, отправившегося 6 февраля 1956 г. с визитом в Алжир, там попросту закидали помидорами. Тогда в марте 1956 г. он тоже добился от Национальной ассамблеи специальных полномочий по алжирской политике. А с 11 апреля 1956 г. его правительство приступило к эскалации алжирской войны, начав регулярную отправку туда призывников. Практически все поколение молодых французов в возрасте 20 лет в период 1955–1962 гг. участвовало в войне, получив название «поколение горцев»¹⁰.

С другой стороны, радикализировалась алжирская община. Группа из 61 депутата мусульманской коллегии в Ассамблее заявила, что идея политической интеграции Алжира устарела. Начались жестокости с обеих сторон. Так, 20–21 августа 1955 г. на севере Константины повстанцы истребили 72 француза и 51 алжирца, несогласных с мятежниками. В ответ французы убили 1237 ни в чем не повинных арабов¹¹. В целом Франция потеряла в Алжире около 25 тыс. призывников¹².

Наряду с усилением военного присутствия в Алжире с февраля 1956 г. все правительство Четвертой республики повели мощную кампанию в защиту идеи французского Алжира в средствах массовой информации. Например, Ги Молле в радиопередаче 26 марта 1956 г. высказывал твердое убеждение в том, что «нет Франции без Алжира так же, как Алжира без Франции»¹³.

Тем не менее именно в годы Республиканского фронта стало очевидно, что тот общенациональный консенсус по алжирскому вопросу, который сложился в стране еще в XIX в. и не вызывал сомнений у французов в 1954 г., исчерпал себя. Война в Алжире все более отчетливо приобретала характер не франко-алжирской, а франко-французской, раскалывая общество на две части: антиколониалистов и ультраколониалистов, или сокращенно – «ультра». Первые ратовали за открытие немедленных переговоров с повстанцами, включая ФНО, тогда как вторые считали, что принадлежность Алжира Франции не подлежит обсуждению. Защищая французский Алжир, последние провозглашали себя сторонниками «единства и неделимости Республики», а также уповали на то, что эта защита – «последний шанс Франции сохранить свое величие в условиях нарастающей мощи США»¹⁴.

Магистральная линия развития ситуации шла по двум направлениям: с одной стороны, постепенно сокращался лагерь сторонников французского Алжира, что, в свою очередь, толкало оставшихся в нем на отчаянные действия в условиях растущей маргинализации их в обществе. Ж. Сустьель создал «Союз за спасение и обновление французского Алжира», целью которого было «объединение всех французов, желающих бороться против пораженчества и духа оставления Алжира независимо от вероисповедания и политических взглядов»¹⁵. Формально этот союз объявил себя неполитической организацией. В марте 1957 г. он опубликовал данные о своих членах, где значились имена более 200 парламентариев, высших чиновников, промышленников, преподавателей университетов, генералитета, церковнослужителей.

Следует подчеркнуть еще два важных обстоятельства: в 1956 г. во Франции никто не помышлял о независимости Алжира, и среди политиков за переговоры с алжирцами в основном высказывались представители левых сил. В авангарде шла ФКП, которая одной из первых поддержала лозунг независимости Алжира. В июне этого года депутаты-коммунисты воздержались при голосовании по вопросу о доверии Ги Молле по алжирской политике. В июле состоялся XIV съезд компартии, на котором впервые была затронута

тема алжирской войны. С докладом по этому вопросу выступил генеральный секретарь М. Торез, признав факт существования алжирской нации и стремления ее к национальной свободе¹⁶. Как показывает один из известных французских исследователей истории ФКП Ж.-Ж. Беккер, поворот к признанию руководством компартии алжирской нации был подготовлен двумя публикациями советника Французского союза М. Эгрето, увидевшими свет накануне съезда. Одна из них – статья «Признание алжирской нации в интересах Франции» – вышла в теоретическом журнале компартии «Кайе дю коммунизм», другая появилась в виде отдельной книги под названием «Реальность алжирской нации». Обе должны были послужить руководством к действию для рядовых коммунистов, которые организовывали в это время по всей стране многочисленные собрания под девизом «за мир в Алжире». Примечательно, что если в апреле 1956 г. при ответе на вопрос о том, стоит ли начать переговоры с повстанцами с целью предоставления независимости Алжиру, одинаковое количество французов – 39 % – дало как положительные, так и отрицательные ответы, а 22 % не выразили четкого мнения, то в июле этого года, когда ФКП перестала поддерживать Ги Молле, уже 45 % граждан ратовали за такие переговоры, 23 % выступали против, 12 % предлагали другие решения и 20 % не имели ясного представления¹⁷.

Социалистов алжирская война, как пишет французский историк М. Садун, заставила раздираться «между принципами, властью и исторической памятью»¹⁸. Объясняется создавшееся положение тем, что социалистическая доктрина обязывала партию выступать против колониализма как орудия классового господства капитала. В то же время СФИО была сторонницей тезиса о том, что в условиях существования колоний метрополия несет зависимым территориям блага цивилизации, что позволит им в нужный час добиться статуса суверенных государств. Поэтому социалисты враждебно относились к алжирскому национализму, считая его движением ретроградным, подавляющим, угрожающим независимости индивида, свободе и равенству по сравнению со светской и гуманистической миссией французских колонистов. Между тем на съезде летом 1956 г. единство противников независимости Алжира было нарушено, и небольшая группа делегатов, увидевшая наличие алжирской нации и признаки алжирского государства, выдвинула идею федерализма. В этом выступлении оппозиционеров официальному курсу руководства СФИО во главе с Ги Молле просматривается вечная попытка социалистов найти некий «третий путь» между капитализмом и ком-

мунизмом. Таким образом, как пишет Ж.-Ф. Сириелли, в СФИО произошло «короткое замыкание» во взаимоотношениях «поколения Ги Молле» и «алжирского поколения»¹⁹. Однако руководство партии твердо отстаивало идею французского Алжира. В этой связи уже упомянутый М. Садун, а также другой видный французский историк Ж. Жюльяр пишут о личной ответственности руководителя СФИО Ги Молле за развязывание войны в Алжире.

В течение 1957–1958 гг. лагерь антиколониалистов пополнился за счет некоторых представителей партий центра – радикалов и МРП. Хотя тут надо сделать оговорку о том, что побудительным мотивом их присоединения к этому лагерю была критика лишь методов алжирской политики правительства Ги Молле. Тон критике задал, как это ни парадоксально, П. Мендес-Франс, правительство которого развязало войну. Однако уже в мае 1956 г. он начал выступать по-иному. Добровольно покинув правительство Республиканского фронта по причине несогласия с его алжирской политикой, он заявлял, что одновременно с «мерами по восстановлению порядка и обеспечению защиты интересов французских граждан» в Алжире должны проводиться «административные, экономические, социальные и культурные реформы»²⁰. В октябре 1956 г. на съезде в партии произошел раскол, противники П. Мендес-Франса – «радикалы-моллетисты» – сгруппировались вокруг А. Мориса, ярого «ультра». Мендесисты же критиковали алжирскую политику всех последующих правительств Республиканского фронта вплоть до падения Четвертой республики.

Менее драматично развивалась ситуация в «главном творце колониальной политики IV Республики» Народно-республиканской партии (МРП), лидеры которой, такие как Ж. Бидо, Ж. Летурно, А. Кост-Флоре, «олицетворяли собой позицию силы в Алжире»²¹. Тем не менее к 1956 г. часть народных республиканцев, опасавшаяся быть втянутой в Алжире в авантюру подобную Индокитаю, объединилась вокруг П. Пфлимлена и выступала за политические меры, предложенные П. Мендес-Франсом.

Единственной партией, у которой идея защиты французского Алжира силой не вызывала никаких сомнений, был Национальный центр независимых и крестьян (НЦНК). Его руководители генеральный секретарь Р. Дюше, А. Пинэ, П. Рейно и другие, а также рядовые члены «традиционно связывали защиту Империи с мощью Франции»²².

Однако, принимая во внимание утверждение Ш.-Р. Ажерона о том, что «алжирская война была в первую очередь войной

политической, в которой решающую роль сыграли не военные операции»²³, надо добавить, что заглавную партию в борьбе против этой войны сыграли не политики, а общественное мнение, застрельщиком которого выступила французская интеллигенция. Известные французские специалисты по истории интеллектуальной элиты Ж.-Ф. Сиринелли и Ж.-П. Риу справедливо подчеркивают, что для нее война в Алжире стала «ключевым моментом», своеобразным «золотым веком, одновременно ускорявшим или тормозившим развитие интеллектуального мира», «глубоко задевавшим принципы идентификации целого поколения» и «вызвавшим поворот в истории алжирской войны»²⁴. Ж.-Ф. Сиринелли прослеживает в действиях интеллектуальной элиты как стремление избавиться от «мюнхенского синдрома» молчания с ее стороны, так и ощущение «эффекта Сопротивления», означавшего для противников войны борьбу за свободу, а для сторонников – борьбу за независимость Франции в Алжире²⁵. Один из активных участников событий тех лет Л. Шварц так оценивает значение ее протеста против алжирской войны: «Интеллектуалы были все известны в тот момент. Мы делали историю. Мы переосмысливали события и заставили французов высказаться»²⁶.

Первая информация о сплочении интеллигенции прозвучала в 1955 г. на страницах газеты «Ле Монд», в которой говорилось, что «многие объединяются в комитет действий против продолжения войны в Северной Африке»²⁷. В том же году возникло несколько комитетов борьбы за мир в Алжире, таких как «кружок Жансона», «Комитет действий интеллигенции против продолжения алжирской войны» и др.²⁸ В январе 1956 г. в зале Ваграм в Париже состоялся грандиозный митинг, организованный последним, на котором А. Мандуз приветствовал «сопротивление алжирцев», а Ж.-П. Сартр заявил о том, что «колониализм находится на пути к гибели» и задача интеллигенции «помочь ему» в этом деле, чтобы «освободить и алжирцев, и французов от колониальной тирании»²⁹. С 1956 г. развернулась широкая кампания протеста против войны в прессе, на страницах таких изданий, как «Ле Монд», «Ле Тан модерн», «Эспри», «Франс-Обсерватёр», «Экспресс», «Темуаньяж кретъен», «Пари-Мач». На страницах последнего в эти годы впервые прозвучало слово «война» по отношению к Алжиру.

Символами борьбы пера против алжирской войны стали издательства «Минюи», «Сей» и «Масперо». Последнее было специально создано для этой цели и прославилось тем, что первым в 1961 г.

опубликовало книгу «Проклятые миром» основоположника теории «негритуда», идеолога борьбы против колониализма и разрыва с Западом Ф. Фанона, врача-психиатра мартиниканского происхождения, вставшего на сторону ФНО с 1956 г. Предисловие к ней написал не менее именитый теоретик, автор философии экзистенциализма Ж.-П. Сартр. С начала 1957 г. в печати стали регулярно появляться сведения о пытках, применяемых французской армией в Алжире. «Бомбой замедленного действия» стали книги-свидетельства молодых призывников, основателя журнала «Экспресс» Ж.-Ж. Серван-Шрейбера и П.-А. Симона³⁰. Разоблачительными фотографиями отличился журнал «Пари-Мач». Этот журнал подвергался самой жесткой цензуре со стороны правительств IV Республики. Его публикации по праву можно считать бесценным учебником по новейшей истории, потому что тогда, в середине 50-х гг. XX в., редакция собрала информацию об алжирской войне в серии документальных фильмов под названием «Актуальные события и документы для школьников» и ежегодных фотоальбомов под названием «История сегодня»³¹.

Знаковым событием в истории борьбы интеллектуальной элиты против алжирской войны стала публикация в 1958 г. издательством «Минюю» книги А. Аллега, члена алжирской компартии, некогда редактора журнала «Республиканский Алжир», под названием «Вопрос». В ней автор, сам подвергшийся пыткам, не только рассказывает, но и размышляет о пытках, что в конечном итоге заставило интеллигенцию задуматься не «столько о французской армии, прибегавшей к пыткам, сколько об общественной системе, их допустившей»³².

Практика пыток поднимала вопрос не только о неспособности властей умиротворить ситуацию в Алжире, но и ставила под сомнение правовую основу республиканского государства. Среди представителей интеллектуальной элиты, осудившей алжирскую войну, находились маститые писатели и ученые: Ж.-П. Сартр, Ф. Мориак, Р. Арон, С. де Бовуар, Ж.-М. Доменак, Ж. Кокто, П. Видаль-Наке, Ж. Жюльяр, А. Марру и другие. Правительства IV Республики неоднократно прибегали к санкциям против наиболее активных разоблачителей войны среди интеллигенции. Например, в начале апреля 1956 г. был арестован молодой журналист «Экспресс» К. Бурде за передовицу, где содержался протест против отправки контингента в Алжир, полиция устроила обыск на квартире у профессора А. Марру³³. Из-за свирепствования цензуры параллельно общеизвестным национальным изданиям для разоблачения

алжирской войны создавались новые издания. Назовем некоторые из них: «Свидетельства и документы», первый номер которого вышел в июне 1958 г., «Справедливость, свобода», печатавшийся нелегально, «Во имя справедливости, новое Сопротивление».

Однако следует отметить, что интеллектуальная элита, выступая против алжирской войны, руководствовалась разными принципами. Характеризуя их, французские специалисты до сих пор опираются на классификацию, предложенную Р. Жирарде. Он разделил антиколониалистскую интеллектуальную элиту на четыре категории: революционно настроенную типа Ж.-П. Сартра; выразительницу морального протеста дрейфусаровского типа, например, П. Видаль-Наке; замкнутую в духе шовинизма на собственных интересах, в пределах французского географического пространства; носительницу голлистской идеи национального величия³⁴. К тому же особенно затронула алжирская война левую интеллектуальную элиту, разделив ее, по оценке П. Видаль-Наке, на «большевиков, дрейфусаров и тьермондистов»³⁵. Сам он настолько ненавидел Ги Молле, что открыто признавался, что выпил шампанского, узнав о его смерти. С 1956 г. началась, по определению Ж.-Ф. Сиринелли, «война петиций» в рядах самой интеллигенции, которая, как он полагает, заложила основы для будущего раскола левых политических сил во Франции и создала предпосылки для роста «новой националистической правой»³⁶. В этом году противопоставление позиций шло по линии «переговоры» или «замирение», а позднее дебаты сдвинулись в сторону сохранения французского Алжира или предоставления ему независимости.

Кульминация наступила в 1960 г., когда в газете «Ле Монд» появился «Манифест 121», в котором наряду с заявлениями о полной поддержке алжирского народа в борьбе за свободу содержался призыв к неповиновению французской армии³⁷. Противники этого «скандального манифеста», т. е. сторонники французского Алжира, но все же осуждавшие действия правительства, издали свой «Манифест французских интеллектуалов», под которым стояло около 300 подписей, в том числе известного историка Р. Арона. В нем отстаивалась цивилизаторская миссия Франции в колониях, а авторы «Манифеста 121» резко осуждались как подстрекатели к дезертирству и были названы алжирской «пятой колонной», стремящейся дискредитировать французскую армию³⁸. Следует подчеркнуть, что в «войне петиций» почти не участвовала коммунистическая интеллигенция. ФКП переживала шок от разоблачений культа личности в СССР, и после «венгерского кризиса» начался отток

ее членов, например, в 1956 г. покинул партию известный историк Ф. Фюре. По «тактическим соображениям» руководство компартии настаивало на том, чтобы ее члены не подписывали «Манифест 121», а тех немногих – Э. Пармелен, Э. Пиньона – чуть было за это не исключили из партии. Естественно, что и власти больше всех преследовали коммунистов, подозревая их в связи с алжирской компартией.

Говоря о роли интеллектуальной элиты в борьбе против алжирской войны, следует отметить особую роль студенчества, в авангарде которого выступали союз студентов коммунистов ЮНЕФ и левонастроенные студенты-католики, объединенные в союз «Христианская студенческая молодежь». Борьба против алжирской войны стала первым опытом солидарных выступлений молодежи накануне студенческого Мая 1968 г. Она формировала молодежь как силу политическую. Как пишут французские исследователи, «если в США формирующую роль играли Элвис Пресли и группа “Битлз”, то во Франции эта задача решалась на съездах ЮНЕФ. Кроме того, в недрах студенческого движения за мир в Алжире закладывались основы “тьермондизма” и зарождалось не только новое левое некоммунистическое движение, но и “антимоллетистский социализм”, группировавшийся вокруг М. Рокара»³⁹.

К концу Четвертой республики алжирская война все больше тревожила рядовых граждан. С 1956 г. начались манифестации протеста, которые устраивали как призывники, так и молодежь, ФКП, прокоммунистический профсоюз ВКТ, Движение сторонников мира. В этом году они затронули 36 департаментов. Появились случаи дезертирства из армии. Всего из 1 млн 200 тыс. солдат за войну дезертировало 500 человек. На всю страну прогремело «дело» молодого призывника А. Лиешти, заключенного в тюрьму за отказ поехать в Алжир. Опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что число сторонников французского Алжира среди жителей страны неуклонно сокращалось. Так, в октябре 1955 г. их было 47 %, в феврале 1956 г. – 49 %, в апреле 1956 г. – 40 %, в марте и сентябре 1957 г. – соответственно 34 % и 36 %, хотя в 1957 г. большинство французов – 53 % – не помышляли об оставлении Алжира, выражая недовольство лишь тем, как ведут там дела власти. В этом году всего лишь 26 % опрошенных выражали доверие правительству и считали, что лучше немедленно начать в Алжире переговоры, чтобы ситуация там не стала еще более критической. Вместе с тем отметим, что вплоть до начала 1958 г. алжирская проблема стояла лишь на 6-м месте по степени важности у жителей страны⁴⁰.

Отношение общества к алжирской войне резко изменилось после того, как 13 мая 1958 г. «ультра», поддержанные армией, подняли в Алжире мятеж, который вскоре перекинулся во Францию. Как известно, путчисты первыми выдвинули идею возвращения де Голля к власти, далее ее подхватили политики в метрополии, затем ненадолго де Голль стал последним премьер-министром Четвертой республики, а вскоре положил ей конец, добившись на референдуме в сентябре 1958 г. одобрения 79,25 % соотечественников плана создания новой Пятой республики и став ее первым президентом.

Против де Голля выступили лишь коммунисты и несколько представителей левых сил, в том числе П. Мендес-Франс и Ф. Миттеран, потому что не одобряли условия его прихода к власти. Но все же в июне 1958 г. 55 % французов полагало, что армия сыграла полезную роль во время путча и 42 % – что Алжир останется французским еще лет десять. Спустя год каждый пятый житель Франции отмечал, однако, что ситуация в Алжире ухудшилась и впервые 71 % из них желал переговоров о прекращении огня, и алжирский вопрос переместился с 6-го на 2-е место по степени важности⁴¹. Французские исследователи подчеркивают также, что из-за Алжирской войны между 1956–1958 гг. Франция превратилась в «большого человека» на Западе и оказалась почти в полной международной изоляции. Отмечается, что «даже ее союзники по НАТО вели с ней двойную игру. Все усилия французской дипломатии между 1955–1959 гг. не смогли убедить союзников и традиционных друзей в обоснованности идеи французского Алжира»⁴².

Между тем, как пишет Ш.-Р. Ажерон, де Голль давно понял, что «Алжир отцов умер, а кто этого не осознал, умрет вместе с ним, и теперь ему осталось только убедить в этом французов, алжирцев и ООН»⁴³. На это у него ушло чуть больше четырех лет: с 1 июня 1958 г. – момента вручения ему инвеституры на формирование правительства – и до референдума 8 апреля 1962 г., предоставившего независимость Алжиру. Примечательно также, что де Голль никогда не говорил, что Алжир – это Франция.

Решив начать действовать на местах, де Голль совершил за это время 25 вояжей по метрополии и выступил в 84 департаментах. Весьма знаменательным стало посещение де Голлем уже в качестве президента в 1959 г. Алжира, где, заслушав обе части населения, он произнес свою знаменитую фразу: «Я вас понял»⁴⁴, – породив тем самым надежду у «ультра» на то, что власти новой Республики будут до конца сражаться за французский Алжир, а у алжирских повстанцев, напротив, веру в скорое освобождение от французов.

Политические события развивались затем стремительно. Вскоре после возвращения из Алжира, во время визитов 24 и 26 сентября соответственно в Булонь-сюр-Мер и Камбре, де Голль высказался за предоставление самоопределения Алжиру, предложив обсудить этот вопрос на референдуме.

С этого момента обстановка во Франции еще больше накалилась, теперь из сторонников французского Алжира образовалась оппозиция де Голлю. В первых рядах «ультра» оказались крайне правые политики Ж. Изорни и Ж.-Л. Тиксье-Виньянкур, создавшие «Фронт французского Алжира». Однако оппозиционные взгляды выражали и многие соратники президента по вновь созданной им в Пятой республике партии Союз в защиту республики (ЮНР), в том числе и его премьер-министр М. Дебре. Особо выделялись в оппозиции «четыре мушкетера»: Ж. Бидо, А. Морис, Р. Дюше, Ж. Сустель, хотя в 1959 г. СФИО, МРП, радикалы и ЮНР в большинстве своем поддержали де Голля. Сильнее всех против него из-за алжирской политики был настроен НЦНК, но четырех лет, которые понадобились де Голлю, чтобы положить конец войне в Алжире, Центру вполне «хватило для того, чтобы исчезнуть», по меткому определению Т. Бийяра⁴⁵.

Антиголлистская оппозиция поставила французов перед сложной проблемой выбора: или де Голль, или французский Алжир. Опрос населения метрополии в октябре 1959 г. показал, что большая его часть – 39 % – не желала такой альтернативы, 26 % предпочли де Голля и лишь 4 % – французский Алжир. Причем 57 % респондентов соглашались с включением в число участников переговоров ФНО. В самом Париже 54 % горожан одобряли де Голля и 17 % не одобряли⁴⁶. Таким образом, большинство простых граждан Франции не желали скатываться на позиции «ультра». Между тем в алжирских департаментах ситуация складывалась иначе. Там французы посчитали себя преданными де Голлем, некоторые политики призывали армию выступить против президента Республики, среди военного руководства нашлись генералы, готовые взять на себя ответственность: Массю, Салан и другие. 24 января – 1 февраля 1960 г. «ультра» провели в Алжире «неделю баррикад», протестуя против парижских властей. Де Голль назвал эти действия «наихудшим ударом по Франции», добился их прекращения, значительно укрепив тем самым свой авторитет в стране. 69 % французов назвали «неделю баррикад» заговором, 14 % – простыми уличными манифестациями, а в целом президента поддержали в феврале 1960 г. 75 % граждан⁴⁷.

Выступления алжирских французов вызвали негодование жителей метрополии. Если в 1959 г. ровно по 38 % ее обитателей заявляли о солидарности или, напротив, незаинтересованности в судьбе своих соотечественников в Алжире (24 % граждан не высказали никакого отношения), то в 1960 г. лишь 15 % респондентов одобряли «алжирцев», 29 % скорее не одобряли и 41 % крайне не одобряли, а в целом 64 % французов находили идею де Голля об «алжирском Алжире, связанном с Францией», хорошей⁴⁸. Поэтому, когда он вынес 8 января 1961 г. вопрос о самоопределении Алжира на референдум, 75,26 % жителей метрополии поддержали своего президента, тогда как 72 % алжирских французов сказали ему «нет». Опросы показывают, что к весне 1961 г. положительно относились к идее переговоров с ФНО 78 % граждан, причем 69 % были уверены в том, что Алжир станет независимым, но 50 % от этих последних надеялись, что независимое алжирское государство будет стремиться поддерживать отношения с Францией⁴⁹.

Однако чем большее число французов поддерживали политику де Голля в Алжире, тем яростнее противодействовали ей «ультра». Крайне правые сторонники французского Алжира образовали в феврале 1961 г. «Секретную вооруженную организацию» (ОАС), дав ей такое название специально, по аналогии с «Секретной армией военных Виши» (АС), существовавшей в годы оккупации Франции гитлеровцами. Летом 1962 г., когда Алжир уже обрел независимость, но оасовцы продолжали бороться с де Голлем, они в знак издевки над главой Французского Сопротивления добавили к названию приставку «Национальный Совет Сопротивления» (НСС), превратившись в ОАС-НСС, и, более того, сделали ее председателем Ж. Бидо, сменившего в годы войны на посту председателя НСС национального героя Франции Ж. Мулена. В Алжире и метрополии у ОАС поначалу было немало симпатизирующих, особенно из числа алжирских французов, испытавших шок от идеи самоопределения Алжира и ощущавших себя брошенными президентом. Оасовцы устроили неудавшийся путч в Алжире 22 апреля 1961 г., организовывали массу покушений в метрополии и в Алжире, в том числе неоднократно покушались на де Голля. Пик их террористической деятельности приходится на весну 1962 г., в разгар переговоров о предоставлении независимости Алжиру, проходивших в Эвиане⁵⁰.

В действительности, как показывают опросы, действия оасовцев только прибавили популярности политике де Голля. 30 % граждан, например, требовали смертной казни путчистам, в январе

1962 г. 53 % их не выражали солидарности с французскими алжирцами. А на референдуме 8 апреля 90,7 % соотечественников одобрили своего президента и высказались за предоставление независимости Алжиру⁵¹.

Французские исследователи единодушно считают заслугой де Голля то, что в алжирской политике он учитывал как раз мнение не политической элиты, а французского народа, «начавшего испытывать моральный кризис в связи с алжирской войной уже в 1956 г.», а к 1960 г. осознавшего, что «Алжир становится тяжелым бременем» для страны⁵². Результаты референдума по Эвианским соглашениям они метко называют «кульминационным моментом галлоцентризма»⁵³, а перу одного из них – Г.-М. Бенамону – принадлежит красноречивое сравнение роли Алжира в истории Франции – «французская Атлантида»⁵⁴.

После предоставления независимости Алжиру оттуда начался исход «черноногих». Во Францию вернулось 800 тыс. репатриантов, для которых начался весьма трудный период адаптации к своей стране. К тому же жители метрополии не очень радушно встречали своих сограждан. Согласно опросам, в августе 1961 г. большинство французов были убеждены в невозможности для них оставаться в Алжире, но при этом 69 % респондентов отказывались платить лишние налоги на их вспомоществование. В сентябре 1962 г. 36 % граждан находили достаточной помощь, оказываемую «черноногим», 31 % – слишком чрезмерной и лишь 12 % – недостаточной⁵⁵. Особенно тяжело складывалась судьба так называемых арки (по-французски – *harkis*), т. е. алжирцев-мусульман, находившихся на службе во французской армии. История их долгое время оставалась табу во Франции и лишь недавно стала предметом специального изучения⁵⁶.

Заметим, что до 1983 г. алжирскую войну вообще не преподавали в школах Франции. Лишь в конце XX в. известный французский социолог Режиc Дебре, близкий к тогда уже президенту Ф. Миттерану, предложил переосмыслить ее и вписать в глобальный контекст взаимоотношений ближневосточного и средиземноморского мусульманского мира с европейским. Прошло еще более чем 10 лет с тех пор, как на выступление Р. Дебре откликнулись правящие круги Франции. Сближение двух стран в политическом плане началось при следующем президенте Пятой республики – Ж. Шираке, а именно с визита в 1999 г. в Алжир министра иностранных дел Юбера Ведрина. Позже состоялся визиты вновь избранного алжирского президента Абдельазиза Бутефлики во Францию в июне 2000 г. и Жака Ширака в Алжир в декабре 2001 г.,

в марте 2003 г. и в апреле 2004 г. после переизбрания Бутефлики. На фоне потепления двусторонних отношений была даже подписана декларация «об особом партнерстве». Однако заключению договора о дружбе мешало исходящее от Алжира требование официального покаяния со стороны Франции.

Одновременно с политическими жестами «заточили перья» французские исследователи. Вышли в свет монографии разоблачительного характера. В результате 11 июня 2004 г. парламент Франции принял закон, в котором французская нация признавала заслуги «арки», а 27 февраля 2005 г. посол Франции в Алжире назвал в своей речи «непростительной трагедию в Сетифе»⁵⁷. Вместе с тем, после того как в этом же году во французские учебники внесли тезис о «позитивном моменте в колониальной политике», франко-алжирское потепление заморозилось.

Наконец, нынешний президент Франции Франсуа Олланд 19–20 декабря 2012 г. посетил Алжир. Выступая 20 декабря перед алжирскими парламентариями, Олланд говорил о «страданиях алжирского народа» от колониализма, упомянул, что «бойня в Сетифе, Гелме и Херрате глубоко запала в историческую память и сознание алжирцев», и подчеркнул, что «колониальная система несправедлива и жестока». Тем не менее слова покаяния со стороны Франции не были произнесены и на этот раз. Глава французского государства всячески подчеркивал, что приехал ради будущего. Таким образом, можно ли полагать, что во французском обществе полностью исчезли отголоски этой «франко-французской войны»? Думается, положительного ответа дать на поставленный вопрос нельзя, что подтверждают регулярно проводящиеся во Франции опросы общественного мнения. Например, согласно недавним данным, лишь 26 % французов положительно воспринимают Алжир⁵⁸.

А в заключение хотелось бы подчеркнуть далеко выходящее за пределы внутригосударственных и двусторонних межгосударственных отношений значение алжирской войны и связанного с ней преодоления прошлого. Причем учитывать это должны не только ученые, но и политики. Не будет преувеличением сказать, что сегодня, как и шестьдесят лет назад, остро стоят такие проблемы, как влияние интеллигенции и общественного мнения на механизм принятия политических решений властей, вопросы национальной идентичности и национального самосознания; значение коллективной исторической памяти во взаимоотношениях между разными странами и народами; наконец, проблема государственной целостности.

- ¹ La guerre d'Algérie et les français / Sous la dir. de J.-P. Rioux. P., 1990. P. 161, 184.
- ² *Ferro M.* Le Livre noir du colonialisme. P., 2003. P. 23.
- ³ *Habri M., Stora B.* La guerre d'Algérie. 1954–2004. La fin de l'amnésie. P., 2004. P. 267–268.
- ⁴ Появление названия «черноногие» (pieds-noirs) датируется 1952 г. и географически связано с марокканским городом Касабланка. Там группа молодежи из квартала Маарив, почитателей американского кино и организаторов манифестаций против национализма, выбрала это самонаименование по аналогии с названиями племен американских индейцев. Затем его подхватила местная пресса, далее с помощью прессы метрополии слово пересекло алжирско-марокканскую границу и с 1955–1956 гг. вошло в употребление для обозначения французских алжирцев. Но тогда они не восприняли это название, и оно считалось оскорбительным. Лишь после предоставления независимости Алжиру и массового исхода французских алжирцев во Францию в 1962 г. они сами окрестили себя черноногими, чтобы подчеркнуть свою специфику по сравнению как с алжирцами, так и с французами из метрополии. Подробнее см.: *Baussant M.* Pieds-Noirs, Mémoires d'exil. P., 2002. P. 396–411.
- ⁵ Les hommes et les femmes en guerre d'Algérie / Sous la dir. de J.-Ch. Jauffret. P., 2003. P. 573.
- ⁶ Цит. по: *Habri M., Stora B.* Op. cit. P. 269.
- ⁷ Journal Officiel. Assemblée Nationale. Débats parlementaires. 1954. P. 4961, 4967.
- ⁸ *Berstein S., Milza P.* Histoire de la France au XX-e siècle. Bruxelles, 1995. P. 823.
- ⁹ Journal Officiel. Assemblée Nationale. Débats parlementaires. 1955. P. 1768.
- ¹⁰ Во французском языке слово «djebel» обозначает «гора в Северной Африке», отсюда название этого поколения, звучащее как «la génération djebels».
- ¹¹ *Harbi M., Stora B.* Op. cit. P. 609.
- ¹² *Benamon G.-M.* Un mensonge français. Retour sur la guerre d'Algérie. P., 2003. P. 106.
- ¹³ La guerre d'Algérie et les français. P. 16.
- ¹⁴ Ibid. P. 112, 589.
- ¹⁵ *Benamon G.-M.* Op. cit. P. 142.
- ¹⁶ Ibid. P. 239.
- ¹⁷ Sondages. 1956. № 3. P. 3–4.
- ¹⁸ *Sadoun M.* Les socialistes entre principes, pouvoir et mémoire // La guerre d'Algérie et les français. P. 225.
- ¹⁹ *Sirinelli J.-F.* Les intellectuels français en guerre d'Algérie // La guerre d'Algérie et les intellectuels français / Sous la dir. de J.-P. Rioux et J.-F. Sirinelli. P., 1991. P. 20.
- ²⁰ *Mendès-France P.* Œuvres complètes. Vol. 3: Gouverner, c'est choisir. P., 1986. P. 466–468.
- ²¹ La guerre d'Algérie et les français. P. 205.
- ²² Ibid. P. 206.
- ²³ Ibid. P. 25.
- ²⁴ La guerre d'Algérie et les intellectuels français. P. 11, 28, 34, 279.

- ²⁵ Ibid. P. 21–22.
- ²⁶ Цит. по: *Sirinelli J.-F.* Op. cit. P. 212.
- ²⁷ Le Monde. 1955. 6–7 novembre.
- ²⁸ La guerre d'Algérie et les intellectuels français. P. 206.
- ²⁹ Ibid. P. 276.
- ³⁰ См.: *Servan-Schreiber J.-J.* Lieutenant en Algérie. P., 1957; *Simon P.-A.* Contre la torture. P., 1957.
- ³¹ *Chominot M.* Le “film” de la guerre d'Algérie dans l'hebdomadaire illustré *Paris Match* (novembre 1954 – juillet 1956) // Harbi M., Stora B. Op. cit. P. 578–579.
- ³² La guerre d'Algérie et les intellectuels français. P. 226, 238.
- ³³ См.: La guerre d'Algérie et les français. P. 16; La guerre d'Algérie et les intellectuels français. P. 97.
- ³⁴ *Girardet R.* L'idée coloniale en France de 1871 à 1962. P., 1972. P. 298. См. также: La guerre d'Algérie et les intellectuels français. P. 17; *Benamon G.-M.* Op. cit. P. 114.
- ³⁵ La guerre d'Algérie et les intellectuels français. P. 193.
- ³⁶ *Sirinelli J.-F.* Guerre d'Algérie, guerre pétition? // La guerre d'Algérie et les intellectuels français. P. 264, 278, 294.
- ³⁷ Le Monde. 1960. 6 septembre.
- ³⁸ Le Carrefour. 1960. 12 octobre.
- ³⁹ La guerre d'Algérie et les intellectuels français. P. 175–185.
- ⁴⁰ См.: Sondages. 1955. № 3. P. 3; 1956. № 1. P. 4; № 2. P. 4; 1957. № 1. P. 5; № 3. P. 3–5; 1958. № 1. P. 3.
- ⁴¹ Sondages. 1958. № 2. P. 2; 1959. № 1. P. 4; № 2. P. 3.
- ⁴² La guerre d'Algérie et les français. P. 622.
- ⁴³ *Ageron Ch.-R.* L'opinion française à travers les sondages // La guerre d'Algérie et les français. P. 34.
- ⁴⁴ La guerre d'Algérie et les français. P. 190.
- ⁴⁵ *Billard T.* Illusions et incohérences des indépendants // La guerre d'Algérie et les français. P. 222.
- ⁴⁶ Sondages. 1959. № 4. P. 4, 7.
- ⁴⁷ Sondages. 1960. № 1. P. 2.
- ⁴⁸ Sondages. 1959. № 2. P. 6; 1960. № 1. P. 3–4.
- ⁴⁹ Sondages. 1961. № 1. P. 3; № 2. P. 5.
- ⁵⁰ Подробнее о деятельности ОАС, также о том, как решался вопрос о независимости Алжира, см.: *Черкасов П.П.* Распад колониальной империи Франции. М., 1985; *Он же.* Агония империи (Политические кризисы, военно-колониалистские путчи и заговоры во Франции в период алжирской войны 1954–1962 гг.). М., 1979; La guerre d'Algérie et les français. P. 216; *Harbi M., Stora B.* Op. cit. P. 175–177, 179–180.
- ⁵¹ Sondages. 1961. № 2. P. 5; 1962. № 2. P. 3–5.
- ⁵² La guerre d'Algérie et les français. P. 39, 196, 583.
- ⁵³ Ibid. P. 39, 196, 583.
- ⁵⁴ *Benamon G.-M.* Op. cit. P. 55.
- ⁵⁵ Sondages. 1961. № 3. P. 6; 1962. № 3. P. 7.

- ⁵⁶ *Hamoumou M., Abderahmen M.* L'histoire des harkis et Français musulmans: la fin d'un tabou? // *Harbi M., Stora B.* Op. cit. P. 317–340.
- ⁵⁷ Это событие случилось в Алжире 8 мая 1945 г. В местечке Сетиф во время праздничной манифестации по случаю победы молодой алжирский юноша поднял алжирский флаг и был застрелен французским полицейским. Событие дало толчок массовым волнениям по всему Алжиру, в частности в Гелме и Херрате, во время которых погибло множество мусульман. По поводу жертв цифры до сих пор разнятся: французские историки сейчас называют 8 тыс. убитых и 15 тыс. пострадавших. Долгое время власти Франции называли цифру чуть больше 1 тыс. и вообще не признавали своей ответственности за эту расправу.
- ⁵⁸ *Fourquet J.* Seuls 26 % des Français ont une bonne image de l'Algérie contre 71 % du Maroc et 53 % de la Tunisie [Электронный ресурс] // Atlantico. URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/seuls-26-francais-ont-bonne-image-algerie-contre-71-maroc-et-53-tunisie-ifop-jerome-fourquet-579187.html> (дата обращения: 23.03.2014).

О.В. Охошин

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОКТРИНЫ ЛЕЙБОРИЗМА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1945–1997)

Статья посвящена проблеме дальнейшего развития доктрины лейборизма в Великобритании в послевоенный период. На основе предвыборных манифестов лейбористской партии исследуется формирование новых подходов к переосмыслению ее идеологических принципов в зависимости от современных политических условий. Актуальность данной темы обусловлена тем, что трансформация доктрины лейборизма и фракционная борьба внутри лейбористской партии отражали общую проблему самоидентификации всех прогрессивных партий во второй половине XX в., которые находились в поиске современной политической программы, способной учитывать реальные потребности населения.

Ключевые слова: лейбористская партия, Великобритания, социальная политика, Нил Киннок, IV пункт устава лейбористской партии, Тони Блэр, предвыборные манифесты.

Лейбористская партия Великобритании гораздо моложе своих главных исторических соперников – консерваторов, ее возникновение и становление наполнено драматическими моментами, взлетами и падениями на пути к власти. Один из самых значительных успехов лейбористов в завоевании широкой популярности у электората совпал с окончанием Второй мировой войны. Последствия этой войны оказали огромное влияние как на уровень жизни широких масс населения, так и на их политическое мировоззрение, которое основывалось на представлении о социальной справедливости и необходимости государственного контроля над рыночными механизмами. Это было сложное время, когда вся Ев-

ропа восстанавливала свои силы после ужасающих разрушений, а мир разделился на два противоборствующих военно-политических лагеря. Тем не менее многие британцы связывали окончание Второй мировой войны с надеждами на рост своего благосостояния, они верили, что правительство удовлетворит их социальные требования: увеличит пенсии и пособия, улучшит систему образования и здравоохранения, откроет новые рабочие места. Наблюдался всплеск симпатий к идеалу социального государства, под которым подразумевался умеренный демократический социализм. Потери военных лет и дух коллективного усилия перед лицом общего врага дали начало популярной идее о том, что послевоенная Великобритания должна быть свободна от социальных потрясений, особенно это касалось массовой безработицы¹.

В мае 1945 г. на ежегодной партийной конференции лейбористы во главе со своим лидером Клементом Эттли утвердили программу «Лицом к будущему», в которой было заявлено, что лейбористская партия является социалистической и гордится этим². Лейбористы обещали провести национализацию важных отраслей производства, покончить с безработицей и построить «государство благоденствия», которое обеспечит меры социальной защиты населения в условиях капиталистического строя. Взяв за основу доклад Уильяма Бевериджа, лейбористское правительство повело ряд важных реформ. Были национализированы Банк Англии, металлургическая, угольная, газовая и сталелитейная промышленность, электроэнергетика, транспорт и железные дороги. Создавалась Национальная служба здравоохранения, и по всей стране вводилось бесплатное медицинское обслуживание³. Резко возросшие расходы государство компенсировало за счет национальной системы страхования и прогрессивного налогообложения.

Успешный период премьерства К. Эттли в 1945–1951 гг. сменился для лейбористов «черной полосой», и они на 13 лет ушли в оппозицию. В течение 1950-х гг. лейбористская партия потерпела подряд три поражения на парламентских выборах, причем каждый раз количество голосов, отданных за нее, постепенно сокращалось⁴. Мнения политических экспертов о причинах поражения лейбористов разделились. Одни считали, что лейбористская партия потеряла связь с проблемами молодого поколения, а также с избирателями из среднего класса, которые видели в национализации промышленности пережиток прошлого. Другие полагали, что причиной неудач лейбористов стал усиленный государственный контроль, который тормозил развитие британской экономики.

Тем не менее период продолжительной оппозиции оказал огромное влияние на формирование новых программных подходов.

В период лидерства Хью Гейтскелла в 1955–1963 гг. в лейбористской партии, находившейся в оппозиции, развернулась острая полемика между правым и левым крылом о путях развития социализма в современном обществе и дальнейшей национализации производства. Х. Гейтскелл придерживался теории «демократического социализма»⁵ и заявлял, что национализация должна охватывать только отдельные отрасли промышленности. В своем памфлете «Социализм и национализация» 1956 г. он утверждал, что общественная собственность не является необходимой предпосылкой социализма. Его концепция лежала в основе принятого в 1957 г. программного документа «Промышленность и общество», отвергавшего принцип национализации и взамен предлагавшего проект покупки будущим лейбористским правительством акций крупных промышленных компаний для более успешного развития смешанной экономики.

Лейбористская партия в 1959 г. опубликовала предвыборный манифест «Британия принадлежит тебе». Она обратилась к избирателю с обновленной программой в духе ревизионизма, обещая национализировать только убыточные отрасли промышленности⁶. Тем не менее на выборах 1959 г. выиграли консерваторы, которые убедительно говорили не только о блестящих перспективах развития страны в будущем, но и о достижениях, которые уже сделаны. Достижения лейбористов были скромнее, как, впрочем, и сумма, потраченная на предвыборную кампанию. Согласно подсчетам, консервативный кабинет Гарольда Макмиллана вложил в нее 500 тыс. фунтов⁷.

После поражения на выборах в лейбористской партии возобновились разногласия. Х. Гейтскелл обвинял левых в том, что они мешают сплочению партии, и предложил изменить IV пункт Устава, который касался полномасштабной национализации промышленности. Эта попытка закончилась неудачей Гейтскелла, так как партия, объявившая себя социалистической, не могла так легко отказаться от тех базовых принципов, на которых она была основана. В это же время вновь набирает силу «Кампания за ядерное разоружение», которая привлекает на свою сторону всё больше сторонников из числа лейбористов. В итоге партийная конференция 1961 г. поддержала идею одностороннего ядерного разоружения, несмотря на протест лидера. Кроме того, Х. Гейтскелл высказался против вступления Великобритании в Европейское экономиче-

ское сообщество⁸. В партии всё чаще стали обращать внимание на нецелесообразность пребывания Гейтскелла на посту лидера. Его внезапная смерть в январе 1963 г. означала конец целой эпохи в истории лейбористской партии, которая сменилась, тем не менее, другой интересной эпохой с приходом Гарольда Вильсона.

В начале 1960-х гг. положение лейбористской партии снова улучшилось, и в октябре 1964 г. она одержала победу на парламентских выборах. Лейбористы во главе с Гарольдом Вильсоном опубликовали манифест «Новая Британия», ставший главным «оружием» в противостоянии консерваторам. В нем руководство лейбористов подвергло критике консерваторов не за их философию частной собственности или за то, что их поддерживали деловые круги, а скорее за их старомодность и некомпетентность⁹. Лейбористы в предвыборном манифесте делали ставку на научно-техническую революцию, которая, по их мнению, должна была не только способствовать улучшению экономической ситуации, но и повысить их популярность и оживить интерес к социализму. Вильсон хотел, чтобы «белые воротнички», ученые и менеджеры отождествляли лейбористскую партию с научным прогрессом, что, несомненно, давало ему огромные преимущества перед консерваторами¹⁰. Главными целями лейбористов стали модернизация британской промышленности и создание справедливой системы распределения материальных благ. В манифесте было заявлено, что обеспечение продолжительного экономического роста и развитие наукоемких отраслей производства могут быть достигнуты только за счет государственного планирования¹¹. Лейбористы наглядно продемонстрировали приверженность социалистическим ценностям, сделав акцент на том, что эти ценности не вступают в противоречие с глубокими изменениями, происходившими во всех сферах современной жизни. Государство в условиях отставания британской экономики от других развитых капиталистических стран, в частности Франции и ФРГ, должно было сосредоточить внимание на повышении профессиональной квалификации кадров, сократить безработицу и обеспечить социальные гарантии для наиболее уязвимых слоев населения. Государственное планирование стало ключевым элементом лейбористского подхода к улучшению эффективности национальной экономики. В 1960-е гг. руководство лейбористской партии, в состав которого входила небольшая, но сплоченная группа так называемых технократов, возродило идеи «демократического планирования» и выступало за форсированное развитие научно-технической революции. «Демократическое планирование»

предполагало активное участие трудящихся в его разработке и учитывало интересы всего населения в распределении доходов. На практике «демократическое планирование» воплотилось в создании двух государственных ведомств, возникших в период премьерства Г. Вильсона: Министерства экономического развития и Министерства по технологиям. В лейбористской теоретической мысли в 1960-е гг. стали господствовать идеи левоцентристских «технократов», которые настаивали на том, что рыночные механизмы не могут обеспечить справедливое распределение ресурсов и осуществлять эффективное макроэкономическое управление в стране¹².

Политику Гарольда Вильсона отличал прагматизм, который выражался в стремлении примирить классы, построить конструктивный диалог с профсоюзным движением. Вильсон критиковал грубый индивидуализм, отсутствие сопричастности отдельного гражданина к современным социальным проблемам в условиях капиталистического строя. В качестве альтернативы этому явлению он предложил принцип корпоративизма, когда предприниматели, профсоюзы и правительство строят деловые отношения друг с другом на основе конкретных обязательств. В результате складывается благоприятная атмосфера взаимовыгодного сотрудничества и партнерства, когда учитываются интересы рабочих. Государство в данном случае выступает в качестве посредника на переговорах между крупным бизнесом и лидерами профсоюзного движения.

В годы премьерства Гарольда Вильсона были расширены социальные гарантии и гражданские права. Лейбористское правительство увеличило размер пенсий, ограничило право домовладельцев произвольно повышать квартплату, улучшило систему образования, ослабило цензуру средств массовой информации и отменило смертную казнь. Правление Вильсона многие британские историки называют периодом «либерализации» общественно-политической жизни. Тем не менее к началу 1970-х гг. экономические реформы, проведенные лейбористами, не привели к желаемым результатам, правительство было вынуждено ввести жесткие меры экономии, сократить расходы на социальное обеспечение и девальвировать фунт. В провале экономических реформ правительство обвинило тред-юнионы, которые не хотели вести конструктивный диалог с властью и сознательно препятствовали введению новых производственных технологий, так как опасались сокращения рабочих мест.

Следует сказать, что внутри партии в период премьерства Вильсона царили острые разногласия, потому что итоги его правительства сильно разочаровали левое крыло. Его экономическая

политика доказала свою несостоятельность, так как большая часть расходов на социальное обеспечение выразилась в увеличении числа безработных и росте цен, а перераспределение доходов между крупным частным капиталом и бедными слоями населения существовало только на бумаге¹³. Современники Вильсона относились скептически к его стремлению ослабить фракционную борьбу внутри лейбористской партии. Например, Пол Фут в статье 1968 г. «Гарольд Вильсон и левые лейбористы» писал, что прагматизм Вильсона привел лейбористское движение к идеологическому тупику, когда «правые» решили отказаться от IV статьи устава партии и пытались найти способы сгладить социальное неравенство в рамках капитализма, а «левые» пытались сохранить социалистические требования¹⁴.

Кроме того, у правительства Вильсона возникли серьезные разногласия с тред-юнионами, поддерживавшими левых активистов. С начала 1970-х гг. руководство Конгресса тред-юнионов и Национальный исполнительный комитет лейбористской партии провели ряд встреч, на которых решали такие вопросы, как контроль над ценами, широкая национализация, ослабление судебных постановлений по поводу стачек. На лейбористских конференциях начала 70-х гг. с энтузиазмом приняли эти новые планы и затем их вместе включили в «Лейбористскую программу 1973 г.», которая была разработана при участии лидера левого крыла Тони Бена. Кроме всего прочего, она предполагала национализацию 25 главных компаний. Вильсон ясно дал понять, что не будет осуществлять ее главные положения¹⁵.

Таким образом, мы видим, как быстро расширялась пропасть между умеренным крылом и левыми активистами, которые ждали от правительства Вильсона радикальных реформ. Многие бывшие сторонники лейбористов переходили на сторону консерваторов, а правительство оставалось на центристских позициях, опасаясь нового раскола¹⁶.

К середине 1970-х гг. Великобритания вступила в полосу глубокого экономического кризиса. Лейбористское правительство Джеймса Каллагэна для снижения инфляции решило сократить заработную плату трудящихся, вызвав возмущение в профсоюзной среде. Зимой 1979 г. профсоюзные лидеры провели массовые стачки. Рейтинг лейбористов стал стремительно падать, большая часть избирателей считала, что они неспособны решить острые социально-экономические проблемы. В мае 1979 г. консерваторы во главе с Маргарет Тэтчер обошли лейбористскую партию на

парламентских выборах. Лейбористы перешли в оппозицию, которая продолжалась 18 лет.

Левое крыло отравило в отставку умеренного лейбориста Д. Каллагэна и избрало на его место Майкла Фута в ноябре 1980 г. В период его лидерства была проведена важная структурная реформа ЛПВ. Левые лейбористы развернули «Кампанию за демократию в лейбористской партии», которая закончилась учреждением коллегии выборщиков. 40 % выборщиков представляли профсоюзы и по 30 % принадлежало местным отделениям и членам парламентской фракции¹⁷. Лейбористы предложили избирателям на выборах 1983 г. программу левого толка «Новая надежда для Британии»¹⁸. Она включала одностороннее ядерное разоружение, высокий подоходный налог, высокую степень вмешательства государства в экономику, которая выражалась в национализации промышленности, транспорта, телекоммуникаций и банковской системы, выход из ЕЭС и увеличение расходов на образование. Лейбористы также обещали упразднить палату лордов. Это была самая радикальная предвыборная программа за всю послевоенную историю Великобритании. Общее экономическое улучшение в стране, приватизация муниципальной собственности и успехи во внешней политике при Маргарет Тэтчер заставили большую часть избирателей вновь отдать свое предпочтение консерваторам. Лейбористы получили 209 мест в парламенте, в то время как консерваторы – 397 мест¹⁹. После очередного поражения лейбористов на выборах Майкл Фут решил оставить пост лидера и подал в отставку, что означало в целом несостоятельность левого курса.

В октябре 1983 г. лидером лейбористской партии был избран Нил Киннок, который начал проводить модернизацию ее программных и партийных установок. Он дистанцировался от левого крыла и стоял на умеренных позициях. Результатами работы Киннока стали подготовка и принятие ряда документов, в значительной мере менявших сложившийся в начале 1980-х облик партии. В 1984 г. исполнительный комитет лейбористов принял «Хартию равенства женщин в партии»²⁰, содержащую призыв ко всем партийным отделениям позволить женщинам занимать руководящие посты и запрещающую их дискриминацию. Этот документ свидетельствовал о постепенном расширении социальной базы лейборизма, который перешел от классового подхода к общенациональному. Для того чтобы изменить баланс сил в пользу центра при разработке политического курса, был создан Национальный политический форум, включавший представителей от профсоюзов,

округов, регионов и парламентской фракции²¹. Нил Киннок стремился ослабить позиции левых, особенно наиболее радикальных из них. В 1985 г. на партийной конференции он потребовал исключить из состава лейбористской партии группу троцкистского толка «Милитант», преобладавшую к тому времени в местном совете Ливерпуля²².

В 1987 г. вышел предвыборный манифест «Британия победит с лейборизмом»²³. Он оказался полной противоположностью манифеста 1983 г. и символизировал окончательное возвращение лейбористов к умеренным позициям. Было решено укреплять партнерские отношения в рамках ЕЭС, обеспечить стабильные темпы экономического роста и всеобщую занятость, поддержать право арендаторов на покупку муниципального жилья.

Выборы в июне 1987 г. снова выиграли консерваторы, которые смогли набрать 42,9 % голосов²⁴. Лейбористы получили 32,1 % голосов избирателей, сохранив статус оппозиции, в то время как альянс социал-демократов с либералами набрал 22,9 %²⁵. После поражения лейбористы сосредоточились на том, чтобы продолжать обновление программных установок и привести их в соответствие с новыми потребностями и настроениями широких масс избирателей²⁶. Умеренное крыло лейбористов стало разрабатывать обновленную концепцию «социального рынка», которая должна была сгладить значительное неравенство в доходах британцев и оказать поддержку социально незащищенным слоям населения.

На парламентских выборах 1992 г. лейбористы потерпели очередное поражение, которое стало четвертым подряд. Сменивший Нила Киннока на посту лидера лейбористской партии Джон Смит продемонстрировал свою твердую приверженность ревизионистскому подходу своего предшественника и продолжил процесс идеологического пересмотра лейбористских программных установок. Джон Смит был уверен, что лейбористы созрели для перехода от традиционного государственного социализма к европейской социал-демократии. Его политические взгляды сильно тяготели к этическому и христианскому социализму в интерпретации Ричарда Генри Тоуни и Вильяма Темпла. В марте 1993 г. Джон Смит, выступая с лекцией, посвященной памяти Р.Г. Тоуни, заявил, что для него особенностями этического социализма были вера в общество и взаимозависимость свободы личности и коллективного действия²⁷. Ричард Генри Тоуни и Вильям Темпл признавали свободу личности исключительно в рамках общества, поскольку она проявлялась во взаимодействии людей и достижении общих целей.

Моральную основу христианского социализма составляла вера в то, что индивид добьется больших результатов внутри сообщества, где отношения построены не на конкурентной борьбе, а на тесном сотрудничестве. В 1994 г. Джон Смит планировал издать переработанную и улучшенную версию своей лекции, которая легла бы в основу новых социал-демократических ценностей лейбористской партии²⁸. Приверженность умеренно правой позиции в управлении партией привела к тому, что Смит столкнулся с сопротивлением левого крыла, хотя оно было не таким серьезным, как при его предшественнике. Смит в отличие от Киннока руководил партией, обходясь без властных методов контроля, и предпочитал коллегиальный подход к решению спорных вопросов²⁹. Он пользовался широкой поддержкой однопартийцев и имел мало политических противников³⁰.

При Джоне Смита были пересмотрены отношения с профсоюзами и ограничено их влияние при выборе кандидатов для парламентских выборов, когда профсоюзные лидеры, пользуясь правом «коллективного голоса», продвигали своих кандидатов. Он предложил новый принцип голосования «один человек – один голос» («One Member – One Vote»), который был поддержан рядовыми членами профсоюзов, возмущенными спекуляцией на их избирательном праве. В 1993 г. на партийной конференции Джон Смит ввел принцип ОМОВ, который стал применяться для выдвижения кандидатов от ЛПВ на парламентских выборах и избрания в Национальный исполнительный комитет³¹. В результате этой реформы произошло ослабление позиций профсоюзов в формировании политического курса лейбористов и были созданы благоприятные условия для пересмотра партийной идеологии.

Серьезным препятствием, которое мешало лейбористам завоевать широкую популярность среди избирателей, по-прежнему оставался IV пункт Устава ЛПВ, согласно которому устанавливалась общественная собственность на средства производства. Соратники Джона Смита по партии требовали от своего лидера решительных действий по изменению устава в соответствии с современной политической обстановкой. В частности, теневой министр по охране окружающей среды Джек Стро в марте 1993 г. опубликовал памфлет «Политика и идеология», в котором высказывался за полный пересмотр IV пункта Устава ЛПВ. Главный аргумент, который приводил автор, заключался в том, что IV пункт создавал разрыв между существовавшей партийной идеологией и политическим курсом³². Тем не менее Смит не рискнул пойти на изъятие из Устава

Лейбористской партии IV Статьи, опасаясь, что оно вызовет негодование левого крыла и приведет партию к расколу. Он считал, что это не имеет никакого отношения к делу победы на выборах, продолжая оставаться на умеренных, но все же традиционных лейбористских позициях³³. Несмотря на призывы соратников о проведении радикальных перемен в короткие сроки, чтобы основательно подготовиться к предстоящим парламентским выборам, Смит придерживался мнения, что модернизация партийной структуры и идеологии должна произойти в длительной перспективе.

Политических эксперты считали, что у Джона Смита было много шансов обеспечить партии победу на парламентских выборах. В мае 1994 г. опрос общественного мнения показал, что лейбористы опережают консерваторов по количеству отданных за них голосов, а 49 % опрошенных были удовлетворены работой Смита на посту лидера³⁴. Тем не менее обстоятельства сложились таким образом, что работа по кардинальному изменению облика партии легла на плечи Тони Блэра. 12 мая 1994 г. Джон Смит в результате сердечного приступа скоропостижно скончался.

Заняв пост лейбористского лидера, Тони Блэр с присущими ему упорством и активностью стал проводить «модернизацию» партии, о которой он неоднократно заявлял. В наследство Блэру досталась партия, деморализованная из-за частых поражений на парламентских выборах, тем не менее он заявил, что намерен вернуть лейбористам большинство в парламенте. Проводить новый политический курс помогло Блэру то обстоятельство, что он был первым лидером за всю историю ЛПВ, который абсолютно не зависел от традиционных лейбористских принципов³⁵. Он и его соратники из числа «модернизаторов» отвергали идею в духе «старого лейборизма» о том, что капитализм может быть однажды заменен более совершенной социально-экономической системой³⁶.

По мнению Блэра, лейбористская партия со времени лидерства Нила Киннокка твердо встала на социал-демократические позиции, поэтому наступило время отказаться от классового подхода и добиваться поддержки массового избирателя. Первостепенной задачей Блэр считал замену IV пункта устава лейбористской партии 1918 г., который долгие годы определял ее главной задачей введение общественной собственности на средства производства и справедливой системы распределения продуктов труда³⁷. Еще находясь на посту министра в теновем кабинете Джона Смита, Тони Блэр окончательно сформировал свою позицию относительно IV пункта: «После поражения партии на выборах 1992 г., не советуясь ни

с кем, даже с Гордоном Брауном, я четко определил для себя, что если я стану лидером, то устав будет переписан, старые требования национализации и государственного контроля будут выброшены из него»³⁸.

На конференции в октябре 1994 г. Блэр заявил: «Наша задача – приспособить новые ценности под условия современного мира. Это изменит традиционные барьеры между левыми и правыми»³⁹. Хотя на конференции напрямую не говорилось о том, что следует отказаться от IV пункта Устава, делегаты поняли истинный смысл этой фразы. При подготовке речи Блэр консультировался как со своими соратниками из крыла «модернизаторов», так и со своими оппонентами из крыла «традиционалистов» – Джоном Прескоттом и Маргарет Беккет⁴⁰. Хотя первоначально Джон Прескотт сомневался в стратегическом и тактическом благоразумии Блэра, он всё же с ним согласился, но при условии, что лидеры тред-юнионов получают гарантии от Блэра, что тот не будет проводить новые реформы по модернизации партии до начала парламентских выборов 1997 г.⁴¹

Новый вариант IV статьи лейбористского устава, предложенный Блэром, содержал в себе традиционные социал-демократические ценности: солидарность, толерантность, социальную справедливость. Блэр включил в него также принципы христианского социализма, предложенные Джоном Смитом и выраженные в идее «сообщества», которое рассматривалось как единая британская нация. Понятие «равенство» трактовалось теперь как равенство доходов и возможностей в условиях смешанной экономики. В целом на основе этого документа можно проследить общие контуры доктрины «нового лейборизма», которая основана на принципах, определяющих прогрессивную политику уже более века, – демократия, свобода, справедливость, взаимные обязательства и интернационализм⁴².

В апреле 1995 г. на специальной партийной конференции в Вестминстере, где по иронии судьбы был принят в 1918 г. лейбористский устав, Тони Блэр одержал внушительную победу и набрал 65 % голосов, что позволило ему утвердить новый текст IV Статьи устава. Его поддержали 90 % выборщиков от избирательных округов и 54,6 % выборщиков от тред-юнионов⁴³. Утверждение новой IV Статьи лейбористского устава ознаменовало собой переход к доктрине «нового лейборизма», который признавал, что в рамках капиталистического строя можно сгладить социальное неравенство, если сочетать распределительную деятельность государства в социальной сфере с личной инициативой граждан. Смыслом социальных реформ, по мнению Блэра, должно было стать превраще-

ние «государства благоденствия» в «государство социальных инвестиций». «Новые лейбористы» разработали собственный подход в сфере социально-экономической политики, который сочетал идеи либерализма и достижения консерваторов.

Предвыборный манифест «Новый лейборизм: потому что Британия заслуживает лучшего» 1997 г. заверил избирателей, что приоритетные направления государственного развития останутся неизменными⁴⁴. «Новые лейбористы» не стали искоренять элементы рыночной экономики, которые существовали в системе образования и здравоохранения, но потребовали одинакового уровня предоставляемых услуг, как в частных, так и в государственных учреждениях. В экономической политике «новые лейбористы» взяли за основу концепцию «социального рынка» и поощряли сотрудничество государства и бизнеса. Они выступили за прогрессивное налогообложение, утверждение минимального уровня оплаты труда, введение налога на сверхприбыль корпораций, отказались от повторной национализации предприятий, приватизированных в период правления консервативных кабинетов М. Тэтчер и Дж. Мэйджора. Главной задачей экономической политики лейбористов было обеспечение низких темпов инфляции, сохранение существующего уровня подоходного налога и снижение государственных расходов. Успешность сформулированной Тони Блэром доктрины подтвердили парламентские выборы 1997 г., на которых лейбористская партия одержала внушительную победу.

Таким образом, рассмотрев эволюцию доктрины лейборизма с 1945 по 1997 г., можно сделать вывод, что политический курс лейбористов в большей мере зависел от результатов фракционной борьбы внутри партии, а в меньшей мере был ответом на программные установки консервативных кабинетов. В послевоенные годы, когда возрос интерес к идее умеренного демократического социализма, лейбористское правительство успешно реализует программу «государства благоденствия». В 1950-е гг., когда лейбористская партия находится в оппозиции и безуспешно старается победить на выборах в парламент, ее руководство во главе с Х. Гейтскеллом прибегает к ревизионистскому подходу, который предполагает отказ от полномасштабной национализации промышленности. С приходом на пост лидера Г. Вильсона позиции лейбористской партии в противостоянии консерваторам сильно окрепли, что сразу же сказалось на результатах выборов. Лейбористы становятся партией социального действия, отождествляющей свои успехи с научно-техническим прогрессом.

Ухудшение экономической ситуации в Великобритании в конце 1970-х гг., неспособность лейбористской партии предложить адекватный выход из кризиса показали историческую несостоятельность применяемых методов управления, которые уступили место в 1979 г. новым подходам неоконсерваторов. С этого времени лейбористы задумываются о коренной модернизации организационной структуры и имиджа партии.

Выборы 1983 г. доказали несостоятельность социалистических идей и чуть было окончательно не отбросили партию на второстепенные позиции. Приход в партию умеренных лейбористов во главе с Нилом Кинноком, курс на ограничение роли профсоюзов и левого крыла в партии и признание эффективности рыночных механизмов вернули симпатии избирателей и подготовили почву для модернизации партийной идеологии. В период лидерства Тони Блэра оформилась доктрина «нового лейборизма», которая отвергла классовый подход в политике и существовавшее ранее деление партий на «правых» и «левых». Именно она стала определять политический курс лейбористского правительства в начале XXI в.

Примечания

- ¹ *Fielding S.* The Labour Party. Continuity and change in the making of New Labour. N. Y., 2003. P. 21.
- ² Let Us Face the Future: A Declaration of Labour Policy for the Consideration of the Nation [Электронный ресурс] // Political Science Resources. URL: <http://www.politicsresources.net/area/uk/man/lab45.htm> (дата обращения: 25.04.2014).
- ³ *Coates D.* The Labour Party and the Struggle for Socialism. L., 1975. P. 44.
- ⁴ *Fielding S.* Op. cit. P. 23.
- ⁵ Теория «демократического социализма» предусматривала создание общественного устройства с многоукладной, социально ориентированной экономикой, государственным регулированием рынка в интересах населения и контролем со стороны общественных организаций. Каждому человеку гарантировано равенство возможностей и создаются необходимые условия, позволяющие ему свободно развивать и реализовывать свои навыки и таланты, полезные для общества. В Великобритании популяризацией теории «демократического социализма» занималось Фабианское общество, основанное в Лондоне в 1884 г.
- ⁶ *Coates D.* Op. cit. P. 78.
- ⁷ 1959: Macmillan wins Tory had trick [Электронный ресурс] // BBC News. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/vote_2005/basics/4393287.stm (дата обращения: 19.03.2014).

- ⁸ *Howe S.* Labour and international affairs // Labour's First Century. Cambridge, 2000. P. 139.
- ⁹ *Coates D.* Op. cit. P. 97.
- ¹⁰ *Morgan K.* Britain Since 1945. The People's Peace. L., 2001. P. 231.
- ¹¹ "The New Britain" [Электронный ресурс] // Political Science Resources. URL: <http://www.politicsresources.net/area/uk/man/lab64.htm> (дата обращения: 25.04.2014).
- ¹² *Favretto I.* The long search for a Third Way: The British Labour Party and the Italian Left since 1945. N. Y., 2003. P. 65.
- ¹³ *Coates D.* Op. cit. P. 114.
- ¹⁴ *Foot P.* Harold Wilson and the Labour Left (Summer 1968) [Электронный ресурс] // Marxists' Internet Archive. URL: <http://www.marxists.org/archive/foot-paul/1968/xx/wilson.htm> (дата обращения: 25.04.2014).
- ¹⁵ *Kogan D.* The Battle for the Labour Party. L., 1983. P. 24.
- ¹⁶ *Berrington H.* Change in British Politics. L., 1984. P. 41.
- ¹⁷ *Громыко А.А.* Модернизация партийной системы Великобритании. М., 2007. С. 46.
- ¹⁸ The New Hope for Britain [Электронный ресурс] // Political Science Resources. URL: <http://www.politicsresources.net/area/uk/man/lab83.htm> (дата обращения: 25.04.2014).
- ¹⁹ *Harmer H.* The Longman companion to the Labour party, 1900–1998. L., 1999. P. 125.
- ²⁰ *Степанова Н.М.* Культура гендерных отношений в политических партиях и в парламенте Великобритании [Электронный ресурс] // Open Women Line. URL: <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/stepanova1.htm> (дата обращения: 25.04.2014).
- ²¹ *Капитонова Н.К.* Великобритания в кон. XX – нач. XXI века: от консерваторов к лейбористам. М., 2003. С. 39.
- ²² *Shaw E.* The Wilderness Years 1979–1994 // The Labour Party: a Centenary History. N. Y., 2000. P. 123.
- ²³ Britain will win with Labour [Электронный ресурс] // Political Science Resources. URL: <http://www.politicsresources.net/area/uk/man/lab87.htm> (дата обращения: 25.04.2014).
- ²⁴ Политические сдвиги в странах Запада / Под ред. С.П. Перегудова. М., 1989. С. 78.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 97.
- ²⁷ *Jones T.* Remarking the Labour Party from Gaitskell to Blair. L., 1996. P. 98.
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ *Shaw E.* Op. cit. P. 135.
- ³⁰ *McSmith A.* John Smith. L., 1994. P. 180.
- ³¹ Ibid.
- ³² *Jones T.* Op. cit. P. 98.
- ³³ *McSmith A.* Op. cit. P. 184.
- ³⁴ *Short C.* An honourable deception? New Labour, Iraq, and the misuse of power. L., 2004. P. 44.

- ³⁵ *Panitch L., Leys C.* The End of Parliamentary Socialism: from New Left to New Labour. L., 2001. P. 227.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ Clause IV [Электронный ресурс] // AustralianPolitics.com. URL: <http://www.australianpolitics.com/uk/labour/clauseIV.shtml> (дата обращения: 25.04.2014).
- ³⁸ *Blair T.* A Journey: My Political Life. L., 2010. P. 78.
- ³⁹ *Blair T.* The Labour Party conference speech, October 4, 1994 [Электронный ресурс] // Tony Blair. URL: <http://keepTonyBlairForPM.wordpress.com/1994-first-blair-speech-to-conference-as-party-leader> (дата обращения: 25.04.2014).
- ⁴⁰ *Blair T.* A Journey... P. 86.
- ⁴¹ *Jones T.* Op. cit. P. 103.
- ⁴² The New Labour Reader / Ed by A. Chadwick, R. Heffernan. Cambridge, 2003. P. 28.
- ⁴³ *Jones T.* Op. cit. P. 108.
- ⁴⁴ New Labour. Because Britain deserves better [Электронный ресурс] // Political Science Resources. URL: <http://www.politicsresources.net/area/uk/man/lab97.htm> (дата обращения: 25.04.2014).

А.Н. Комаров

ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
КАНАДСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ
В 2006–2011 гг.

Цель статьи – проанализировать внешнюю политику канадских консерваторов в 2006–2011 гг. В статье уделяется внимание миротворческой миссии Канады в Афганистане, защите интересов Канады в Арктике, продолжению канадо-американской интеграции, проведению саммитов G-8 и G-20, а также участию Канады в событиях «арабской весны».

Ключевые слова: С. Харпер, миротворчество, Афганистан, Арктика, суверенитет, G-8, G-20.

При всем глубинном внимании к вопросам внутренней политики у канадских консерваторов никогда не было недооценки важнейших внешнеполитических проблем, стоящих перед страной, среди которых можно выделить афганский вектор внешней политики страны, продолжающуюся канадо-американскую интеграцию и защиту интересов Канады в Арктике.

Необходимо отметить, что афганское направление внешней политики стало играть значительную, если не определяющую, роль в период нахождения консерваторов у власти в 2006–2008 гг. Этому способствовали несколько важных причин.

Во-первых, само изменение ситуации в мире после 11 сентября 2001 г., когда на первый план вышли вопросы борьбы с международным терроризмом, и в частности с талибами в Афганистане. В этой связи представлялся несомненно важным контекст обеспечения безопасности несостоявшихся государств, т. е. не могущих обеспечить свою собственную безопасность, к числу которых относился и Афганистан. Канадские власти справедливо считали, что

безопасность таких государств, как Афганистан, влияет на глобальную безопасность мира в целом, а поэтому необходимо всячески способствовать наведению порядка и обеспечению стабильности в этой стране. Это было подчеркнуто премьер-министром страны С. Харпером сразу после его победы на всеобщих выборах 2006 г.¹

Во-вторых, нельзя не согласиться с Е.В. Израелян, которая отмечает, что фактор Афганистана стал использоваться правительством С. Харпера для нормализации канадо-американских отношений, испытывавших некоторое охлаждение после того, как Канада не присоединилась к боевым действиям США в Ираке в 2003 г.²

В-третьих, канадская политика в отношении Афганистана позволила бы улучшить отношения с союзниками по альянсу НАТО, что было актуальным после вывода контингента канадских войск из Европы в 1994 г.³

Миротворческая миссия Канады в Афганистане формировалась последовательно и поэтапно после 11 сентября 2001 г. На первоначальном этапе она определялась знаковыми целями противостояния международному терроризму, ставшему в нынешнем столетии одним из глобальных вызовов современному постиндустриальному обществу. В частности, в октябре 2001 г. по указанию премьер-министра страны Ж. Кретьена страна приняла участие в антитеррористической операции в Афганистане, выделив для нее 6 военных кораблей, 6 транспортных самолетов, более 2 тыс. военнослужащих. Эти меры были продолжены, когда в феврале 2002 г. около 800 солдат прибыли в Афганистан. В этом же году военное присутствие Канады в Афганистане было несколько сокращено до 3 военных кораблей, 5 самолетов и 40 спецназовцев⁴.

С 2003 г. изменился характер военной миссии Канады в Афганистане. Начиная с этого момента канадские войска находились в этой стране в составе международных сил содействия безопасности (ИСАФ)⁵.

С 2005 г. Канада усилила свое военное присутствие в Афганистане в рамках борьбы с международным терроризмом, а также с целью улучшения канадо-американских отношений, которые были в значительной степени испорчены после того, как либеральное правительство П. Мартина объявило о своем отказе участвовать в американской программе противоракетной обороны (ПРО). Более того, перед канадскими военными был поставлен комплекс задач, связанный с обеспечением должного уровня безопасности для экономического развития страны, поддержки афганской армии и полиции, оказания гуманитарной помощи местному населению и т. д.⁶

В этой связи необходимо отметить действия трех военных миссий, в целом взаимосвязанных между собой. К ним можно отнести операцию «Афина», включавшую 2,5 тыс. человек и действовавшую под руководством НАТО, операцию «Лучник», включавшую 30 человек, преимущественно военных инструкторов, занимавшихся обучением афганской армии в Канадском учебном центре в Кабуле, офицеров связи на аэропорте в Баграме и т. д., операцию «Аргус», в ходе которой с сентября 2005 г. афганскому правительству было предоставлено 15 канадских военных советников. Причем цель проведения вышеупомянутых операций либеральное правительство П. Мартина определяло как национальное строительство в Афганистане, а не просто борьбу против талибов или Аль-Каиды⁷.

Одержав победу на всеобщих выборах 2006 г., консерваторы продолжили прежнюю внешнеполитическую линию, связанную с военным присутствием Канады в Афганистане в рамках альянса НАТО, а также материальной поддержкой этого государства в плане финансирования канадцами общественно значимых и необходимых для этой страны проектов.

В частности, после своего прихода к власти консерваторы во главе со С. Харпером добиваются от канадского парламента согласия на продление срока пребывания канадских войск в Афганистане. С перевесом в четыре голоса, 149 против 145, парламентарии продлили пребывание канадских войск в Афганистане до февраля 2009 г.⁸ Причем, как и ожидали консерваторы, в парламенте они получили поддержку либералов, которые, с одной стороны, чтобы не дискредитировать себя новым и нелогичным политическим решением, а с другой – чтобы быть последовательным перед избирателями, проголосовали также за продление пребывания канадских войск в Афганистане⁹. Более того, премьер-министр Канады сделал несколько важных заявлений, касающихся военной операции в Афганистане. Так, например, выступая в сентябре 2006 г. в ООН, С. Харпер подчеркнул всю важность военной операции канадцев в этой стране в качестве основного средства борьбы против международного терроризма. Своим выступлением премьер-министр успокоил общественное мнение, которое было взбудоражено после сообщений о гибели тринадцати канадских солдат в августе – сентябре 2006 г.¹⁰ Кроме того, премьер-министр Канады учел мнение своих политических оппонентов – Квебекского блока, НДП и Либеральной партии. В частности, лидер НДП Дж. Лейтон после сообщений о потерях среди солдат стал требовать вывода канадских войск из Афганистана. Лидер Квебекского блока Ж. Дюсепп,

в свою очередь, потребовал пристального внимания консерваторов к проблеме восстановления Афганистана. Лидер Либеральной партии С. Дион заявил о том, что канадские войска должны быть выведены из Афганистана в 2009 г.¹¹

В свою очередь, правительство консерваторов во главе с С. Харпером сделало выводы из заявлений лидеров политических партий и настроений общественности.

Во-первых, премьер-министр сообщил, что в феврале 2009 г. канадские войска будут выведены из Афганистана; во-вторых, С. Харпер подчеркнул, что после этого срока войска могут остаться в Афганистане только в том случае, если общественность и политические партии выразят свое согласие по этому поводу¹². Таким образом, в течение своего первого срока нахождения у власти в 2006–2008 гг. консерваторами был поддержан афганский вектор канадской внешней политики, начатый ранее либералами. Следует заметить, что консерваторы не внесли каких-либо существенных корректив в это направление внешней политики, тщательно прислушиваясь к общественному мнению и критике своих политических оппонентов. В период нахождения консерваторов у власти в 2006–2008 гг. они подтвердили приверженность миротворческим традициям Канады, борьбе с международным терроризмом, партнерским отношениям с НАТО.

Следующим важным шагом как во внутренней, так и во внешней политике консервативного кабинета С. Харпера явилась защита интересов Канады в Арктике¹³. Арктическая стратегия консервативного правительства С. Харпера предусматривала принятие нескольких важных мер по ряду направлений, ставших особенно актуальными в начале нынешнего столетия.

Во-первых, это защита канадского суверенитета в Арктике, что стало особенно актуальным в связи с конкуренцией с США и Российской Федерацией в этом регионе. Остается, безусловно, важным спор с США вокруг статуса Северо-Западного прохода, что было обусловлено программными документами американцев и, в частности, докладом американского конгресса от сентября 2006 г., в котором было заявлено о стратегических интересах США в Арктике и Антарктике¹⁴. Канадские эксперты, а также общественность по этому поводу подчеркивали, что два государства должны заключить официальное соглашение, по которому Канаде следует предложить США признать ее права на Северо-Западный проход в обмен на гарантии пропуска через него всех американских правительственных судов, ледокольную проводку торговых судов и закупку оборудо-

вания для контроля за этим проходом на круглогодичной основе¹⁵. Помимо этого, в Канаде выразили готовность предпринять усилия по защите канадского континентального шельфа, что было вызвано деятельностью российской экспедиции «Арктика – 2007», которая должна была доказать, что подводные арктические хребты Менделеева и Ломоносова являются продолжением Сибирской континентальной платформы, т. е. частью российского континентального шельфа. Это было продемонстрировано российской стороной путем спуска в августе 2007 г. батискафов «Мир-1» и «Мир-2» на дно Северного полюса и установкой там российского флага¹⁶.

В связи с вышеупомянутым консервативное правительство С. Харпера в августе 2007 г. приняло ряд решений по усилению канадского военного присутствия в Арктике. Их основу составили следующие меры: строительство военного учебного центра в Резольюте, занимающегося подготовкой войск для действий в условиях Крайнего Севера; увеличение численности канадских рейнджеров, обеспечивающих военное присутствие Канады в Арктике, с 4100 до 5000 человек; строительство глубоководного порта в Нанисивике, который бы улучшил возможности патрульных кораблей осуществлять национальное присутствие в водах канадской Арктики в течение навигационного периода¹⁷.

Как отмечает Д.А. Володин, «Канада, претендующая на четверть всей Арктики, столкнулась с необходимостью разработки новой стратегии по защите своих интересов на фоне повышения активности в регионе остальных арктических игроков»¹⁸. В связи с этим еще в августе 2006 г. С. Харпер совершил поездку на Канадский Север в качестве премьер-министра, в ходе которой он посетил Икалуит, Алерт, Уайтхорс, Йеллоунайф и одновременно сообщил, что укрепление суверенитета Канады в Арктике будет одной из приоритетных задач правительства. Помимо этого, премьер-министр подчеркнул, что разработка месторождений полезных ископаемых на Крайнем Севере приобретает все более важное значение для Канады. Консерваторы также отметили, что суверенитет страны на Крайнем Севере невозможно обеспечить без постоянного наблюдения и усиления в этом регионе военного присутствия¹⁹.

Вышеупомянутые программные заявления консерваторы во главе с С. Харпером подкрепили быстрым принятием ряда важных решений в этой области. В частности, в июле 2007 г. премьер-министр заявил о том, что правительство выделит 3,1 млрд долл. на строительство восьми патрульных кораблей, способных преодолевать льды толщиной до одного метра. Он также сообщил, что

4,3 млрд долл. будут израсходованы на закупку вооружений для кораблей и их эксплуатационное обслуживание в течение 25 лет, причем каждое судно будет оборудовано специальной площадкой для вертолетов С-148 «Циклон». Все это, с его точки зрения, позволит Канаде патрулировать воды Арктики и Северо-Западный проход на постоянной основе»²⁰.

Во-вторых, канадским правительством было представлено переосмысление новой глобальной роли Арктики в современной ситуации в условиях парникового эффекта, который можно охарактеризовать как постепенное потепление климата на планете Земля в результате увеличения концентрации в атмосфере антропогенных примесей (диоксида углерода, метана, оксида азота, озона, фреонов и т. д.). Стоит заметить, что к отрицательным последствиям глобального потепления климата относят повышение уровня Мирового океана за счет таяния материковых и горных ледников, в том числе Арктики, морских льдов, теплового расширения океана и т. д.²¹ В этой связи консервативный кабинет С. Харпера осенью 2007 г. дал обещание разработать комплексную стратегию развития Севера, направленную на усиление суверенитета Канады, защиту окружающей среды, передачу местным властям дополнительных полномочий с тем, чтобы жители Севера сами могли решать свою судьбу²². Помимо этого, правительство пообещало возвести современную научно-исследовательскую станцию в Арктике, занимающуюся вопросами экологии и использования природных ресурсов. Кроме того, консерваторами было заявлено, что будет доведено до конца картографирование морского дна в канадской части Арктики²³.

В-третьих, консервативный кабинет С. Харпера предпринял меры по инвестированию в социально-экономическое развитие канадской Арктики. На наш взгляд, именно финансирование со стороны центральных властей регионов Крайнего Севера, с суровым климатом и тяжелыми бытовыми условиями, является принципиально важным. В частности, консерваторы 8 млн канадских долл. выделили на строительство гавани по обслуживанию рыболовных судов в Нунавуте, а 34 млн канадских долл. были ассигнованы Министерству природных ресурсов на разведку полезных ископаемых на канадском Севере. Помимо этого, на 10 % были увеличены налоговые скидки жителям Крайнего Севера²⁴.

Необходимо также отметить, что накануне внеочередных всеобщих выборов 2008 г. премьер-министр С. Харпер выступил с рядом важных заявлений, касающихся Канадской Арктики. Одним

из наиболее значительных из них было обещание выделить 100 млн канадских долл. на разведку полезных ископаемых на севере страны, т. е. определение, пользуясь терминами геологии, их разведанных запасов. Кроме того, консервативный кабинет С. Харпера озвучил формулу о том, что необходимо либо использовать Арктику, либо потерять ее²⁵.

Таким образом, арктическая стратегия консервативного кабинета С. Харпера в 2006–2008 гг. состояла в защите канадского суверенитета в Арктике в связи с конкуренцией с США и Российской Федерацией в этом регионе, в переосмыслении новой глобальной роли Арктики в современной ситуации в условиях парникового эффекта, в инвестировании в социально-экономическое развитие Канадской Арктики.

С арктической повесткой дня правительства С. Харпера были связаны и его заявления относительно прошлого, настоящего и будущего аборигенных народов Канады. В частности, выступая в канадском парламенте в июне 2008 г., Харпер принес на официальном уровне извинения аборигенным народам Канады за политику их ассимиляции, проводившуюся властями страны начиная с периода новой истории, а именно с XVIII и XIX столетий. Так, премьер-министр указал на насильственное обучение детей аборигенов в школах-интернатах, что приводило как к разрыву семейных связей, частым психологическим травмам, так и к отлучению от уникальной первозданной культуры этих народов²⁶. Необходимо отметить, что тем самым канадские консерваторы продолжили политическую линию на признание уникальной роли коренных народов в становлении канадской государственности, взятую еще в Мичлейкском соглашении кабинетом Б. Малруни, а также не только консервативными, но и либеральными кабинетами.

Помимо вышеуказанных мер, консервативное правительство С. Харпера предприняло меры по продолжению североамериканской интеграции, выразив преемственность с внешнеэкономической политикой своего предшественника Б. Малруни. Продолжение С. Харпером курса на углубление североамериканской интеграции было во многом связано с успехом в этой области, который был обусловлен этим процессом²⁷.

В завершение следует отметить, что при консервативном правительстве С. Харпера Канада принимала участие в саммитах «большой восьмерки» и «двадцатки», обсуждая такие важные глобальные вызовы современности, как экологическая проблема, продовольственная безопасность, борьба с международным терроризмом,

наркотрафиком и т. д. Тем самым канадцы проявили свою активность в переговорном процессе, деятельно готовясь к обоим саммитам²⁸.

Особенностью канадской внешней политики этого периода явилось и участие страны в событиях «арабской весны», в частности в событиях в Ливии²⁹. После принятия в марте 2011 г. резолюции Совета Безопасности ООН о защите гражданского населения Канада присоединилась к военной кампании³⁰. На данном направлении Канада использовала около 650 канадских военнослужащих, 7 истребителей-перехватчиков, патрульную авиацию и т. д., причем запланированный трехмесячный срок канадского участия был по решению канадского парламента продлен до конца 2011 г.³¹

Важно и то, что вступление Канады в события «арабской весны» происходило исходя из концепции «безопасности личности» и теории «ответственности по защите», разработанной бывшим министром иностранных дел Канады Л. Эксуорзи, согласно которой в том случае, если существующее правительство в той или иной стране не может обеспечить безопасность своих граждан, то международное сообщество обязано это сделать³².

Примечания

¹ См.: Canada's Engagement in Afghanistan. Backgounder. Cost of the Afghanistan Mission 2001–2011. Ottawa, 2011. P. 5–8; *Израэлян Е.В.* Помощь Канады «несостоявшимся государствам»: уроки Афганистана // Канадский ежегодник. Труды Российского общества изучения Канады / Отв. ред. В.А. Коленеко. Вып. 12. М.: РОИК, 2008. С. 6.

² Там же. С. 69.

³ Там же.

⁴ *Володин Д.А.* Канада и проблемы миростроительства в Афганистане // США – Канада: Экономика, политика, культура. 2007. № 10. С. 43.

⁵ Там же. С. 47.

⁶ Там же. С. 48.

⁷ Там же. С. 49.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 50.

¹¹ Там же. С. 51.

¹² Там же. С. 52.

¹³ *Володин Д.А.* Правительство С. Харпера и защита интересов Канады в Арктике // США – Канада: Экономика, политика, культура. 2008. № 12. С. 35–50.

- ¹⁴ Там же. С. 38.
- ¹⁵ Там же. С. 39.
- ¹⁶ Там же. С. 44.
- ¹⁷ Там же. С. 47.
- ¹⁸ Там же. С. 35.
- ¹⁹ Там же. С. 37.
- ²⁰ Там же. С. 42.
- ²¹ *Потапов А.Д.* Экология. М.: Высшая школа, 2002. С. 291–292.
- ²² Speech from the Throne. Ottawa, 16.10.2007. P. 5–8.
- ²³ *Володин Д.А.* Указ. соч. С. 48.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 49.
- ²⁶ *Максимова Д.Д., Соколов В.И.* Коренные народы Канады: эволюция отношений с государством // США – Канада: Экономика, политика, культура. 2010. № 12. С. 55.
- ²⁷ См.: *Комаров А.Н.* Канадский консерватизм в эпоху Б. Малруни в 1984–1993 годах. М.: РУДН, 2010. С. 166–167; *Bliss M.* Right Honourable Men. The Descent of Canadian Politics from Macdonald to Mulroney. Toronto: Harper Collins, 1994. P. 292; *Mulroney B.* Where I Stand. Toronto: McClelland and Stewart, 1983. P. 2–5.
- ²⁸ Muskoka Declaration: Recovery and New Beginnings. Muskoka, Canada, June 26, 2010. P. 2–10.
- ²⁹ Canada Continues Humanitarian Support in Libya. Canadian International Development Agency. News Release. 14.06.2011. P. 5.
- ³⁰ *Израелян Е.В.* Внешнеполитическая повестка дня для Канады // США – Канада. Экономика, политика, культура. 2012. № 1. С. 64–65.
- ³¹ Там же. С. 68.
- ³² *Израелян Е.В.* Канада и миротворчество // Канада: взгляд из России. Экономика, политика, культура. М., 2002. С. 188–189.

Abstracts

R. Aseyenov

“NOBLESSE DEBILITÉE”
AND “COMMUNAUTÉ”:
BURGUNDIAN LANDS IN FRONT
OF THE FRENCH INVASION IN 1477

The description of wars and of chivalry's heroic exploits was the main occupation of medieval chroniclers. Nonetheless the aftermath of Charles the Bold's death at Nancy demonstrated the betrayal of many nobles and their desire for agreement with French king while urban community decided to defend Mary of Burgundy. Jean Molinet described strikingly an incapacity of “Noblesse debilitée” to execute their functions and the will of “Communauté” to maintain the rights of the duke's heiress.

Key words: nobility, urban community, Jean Molinet, betrayal, French invasion.

O. Aurov

THE BEGINNING OF ONE REVOLT
(TO THE ANALYSIS OF THE CAP. 1025
OF THE “FIRST GENERAL CHRONICLE
OF SPAIN”)

The author of the article tries to emphasize the part of some formal characteristics of manuscripts in the process of medieval chronicles analysis. The subject of the analysis is the cap. 1025 of the “First General Chronicle”, which contains a story about the beginning of the revolt of Castilian nobility in the period of minority of Enrique I, king of Castile and Toledo (1214–1217).

Key words: medieval chronicles, medieval manuscripts, Castile and Leon, Alfonso X, “History of Spain”, Enrique I, feudalism, revolts of nobility, private wars, Reconquest.

E. Barinova

ETHNOCULTURAL RELATIONS
OF CHINA'S WITH CENTRAL ASIAN PEOPLES
IN THE ANCIENTRY AND THE MIDDLE AGES

The article is devoted to the holistic analysis of the forms and stages of formation and development of ethnic and cultural relations between China and the nations of Central Asia in ancient times and the Middle Ages. Direction, the nature, scope, and intensity of intercivilizational contacts are determined by objective factors such as: ancientry, originality and potential cultures, socio-political situation, the development of means of communication, etc.

Key words: China, Central Asia, Ancientry, Middle Ages.

N. Basovskaya

WAR AND PEACE IN THE HISTORY OF CIVILIZATION
(STATEMENT OF THE PROBLEM ON THE MATERIAL
OF ANCIENT AND MEDIEVAL HISTORY)

The article studies the role of war in the history of civilization, analyses the correlation of the notions of war and peace in different historical periods, the estimation of war as a phenomenon, and provides a typology of wars.

Key words: war, peace, history of civilization, Antiquity, Middle Ages, Modern Times.

E. Buldakova

THE CONCEPT OF WAR IN ESTABLISHING
OF "PEACE OF GOD" IN FRANCE AT THE
END OF THE X – THE BEGINNING
OF THE XII CENTURIES

In the last quarter of the X century French church has initiated a movement that in the middle of the next century has been called the movement for "Peace of God" (*pax Dei*). Church efforts primarily aimed at combating endless internecine wars that led both large and small lords in an extremely weakened royal power. But the desire of the world at this time was paradoxically associated with the war. In establishing "Peace of God" church was forced to develop its own concept

of “just war”, which was a significant indication of the continuity of these antagonistic phenomena. “Just war” was the most effective way to achieve peace. Being supplemented by new provisions at the end of XI century in connection with the organization of the crusading movement, the idea of “just war” acquired the status of “holy war”, referring to the cause of the Roman throne.

Key words: “Peace of God”, just war “truce of God”, synod, canon, “holy war”.

E. Bulycheva

EISPHORA IS THE WAR TAX IN TIME OF PEACE

Eisphora was special tax in the ancient Attica. It was introduced during Pelloponness war. The article represents a brief analysis of the character of the eisphora. The important information about the tax provides us the inscriptions about renting of the public lands from Attica of the 4 century B.C. The eisphora was paid as citizens so organizations. The sum of the tax can to depend from many cases (income from land, local conditions). The documents shows that the eisphora had been existed a long time.

Key words: eisphora, land, Attica, rent, tax.

D. Burashnikov

HISTORICAL KNOWLEDGE IN CASE OF NATIONAL-SOCIALISTIC IDEOLOGY IN WORKS OF ERNST KRIECK

In the article is taken into consideration the function of science in the national-socialistic society and state in the view of Ernst KriECK, for whom the rejection and succession of classical German philosophy at the same time is typical. The aim and problems of historical knowledge in case of national-socialistic ideology and also education system are took into consideration. Separately the term “race” is distinguished, which KriECK consider only as political, but not in case of racial and biological researches of Third Reich. Because of this ambiguous view, based on fundamental humanitarian knowledge, there were fierce debate and struggle for the further development of ideological vector.

Key words: Ernst Krieck, National-socialist ideology, race, science, historical philosophy, history.

I. Ermolova

THE “BARBARIAN ASPECT”
OF THE PROCOPIUS’ REBELLION

This article devotes to the analysis of the barbarian tribes’ participation in the Procopius’ rebellion 365–366 and their alliance with the Roman provincials.

Key words: The Roman Empire, barbarians, rebellion, usurpation, provinces, provincials, warriors.

S. Izvekov

“NO PEACE, NO WAR”. THE AUSTRIAN
DIPLOMATIC MISSION TO THE SULTAN SULEYMAN
THE MAGNIFICENT IN 1541

The purpose of this article is to make an attempt to analyse the image of Turks in the autobiographic works of Sigismund von Herberstein (1486–1566). This diplomatist, the author of “Notes on Muscovite Affairs”, was the chief of the Austrian legation to Suleyman the Magnificent in 1541. Herberstein’s aim was to persuade Suleyman to cede Hungarian lands to Austria. Although Herberstein’s mission didn’t fulfil the plan, the report about this expedition has very big worth for history, because of the detailed description of the military life of the sultan and of the diplomatical order of Ottomans. We have tried to show how the ambassador of Habsburgs has represented the camp of Turks and the attitude to Europeans. The translation of the report is located in the appendix.

Key words: Buda, the Ottoman Empire, Hungary, Ferdinand I Habsburg, Suleyman the Magnificent, Herberstein, diplomacy.

G. Kaninskaia

FRENCH SOCIETY ON THE ALGERIAN WAR (1954–1962)

The article discusses the reaction of French society on the Algerian war 1954–1962, which were unleashed by the French Governments of

the IVth Republic and by then largely contributed to the downfall of the IV Republic. De Gaulle who came to power on a wave of Algerian ultrakolonialists rebellion not only created and headed the new V Republic, but also granted independence to Algeria. An overview of the position of various political parties and their leaders as well as ordinary citizens during the war is presented. The evolution of the public opinion of the French society towards the recognition of the independence of the Algerian people is reviewed. Particular attention is paid to the position of the French intelligentsia, for which the Algerian War has largely become a landmark event. It is shown the influence of the Algerian war on the modern French society.

Key words: “Franco-French War”, “War of petitions”, public opinion, de Gaulle, the V Republic, anticolonialists.

S. Karikov

BACKGROUND AND CONSEQUENCES OF THE SCHMALKALDIC WAR IN THE WORKS OF WITTENBERG REFORMERS

The article is devoted to the works of Wittenberg reformers before, during and after the Schmalkaldic war in Germany. The tracts, letters, reports of reformers are analysed. The conclusion about compromise between the Wittenberg theologians and territorial authority of the Electoral District of Saxony is made.

Key words: Wittenberg reformers, Schmalkaldic War, Reformation, authority, the Electoral District of Saxony, confessionalization.

A. Komarov

THE ISSUES OF WAR AND PEACE IN THE FOREIGN POLITICS OF THE CANADIAN CONSERVATIVES IN 2006–2011

The purpose of this article is to finalize the foreign politics of the Canadian Conservatives in 2006–2011. In particular, the author draws the reader’s attention to the peaceful mission of Canada in Afghanistan, defense of Canadian interests in the Arctic region, the continuation of Canadian and USA economic integration, the participation of Canada in G-8 and G-20 summits.

Key words: Steven Harper, peacemaking, Afghanistan, the Arctic region, sovereignty, G-8, G-20.

A. Lobanov

THE TREATY OF TROYES (1420):
FROM THE EXTERNAL WAR TO AN INTERNAL
ONE AND BACK AGAIN

The article is looking at the essential provisions of the Treaty of Troyes, concluded on 21 May 1420, as well as certain aspects of its implementation. In spite of declared intention to put a permanent end to the Anglo-French conflict, what the treaty really succeeded in, was starting a new stage in the Hundred Years war by reconfiguring the relations between the main powers in France and by changing the legal reasons behind the English participation in the hostilities on the continent. The nature of these changes and their importance for the military efforts of both the kingdom of England and the dominions of the duke of Burgundy are analysed in the article.

Key words: The Treaty of Troyes, The Hundred Years War, Lancastrian France, Henry V, Philip the Good, History of France of the XVth century.

D. Obrezkova

THE DUTY OF BILLETING IN THE LATE
ROMAN EMPIRE IN THE IVth – THE FIRST THIRD
OF THE Vth CENTURIES (ACCORDING
TO THE THEODOSIAN AND JUSTINIAN CODES)

In this article I made an attempt to show all the points regulating the institution of billeting in the legislation of the Later Roman empire in the IVth – the beginning of the Vth centuries. The article begins with the research in the late latin terminology, which is used to describe the institution on billeting. Then the main categories of persons, who had the right of billeting, are demonstrated. The next questions which are discussed are the duties of the houseowner towards his guest and the privileges concerning the liberation of the duty of billeting. In the end of the article I tried to bring out some general tendencies of the evolution of this institution.

Key words: the Late Antiquity, hospitium, hospitalitas, billeting, duty, the Theodosian Code, the Justinian Code.

O. Ohoshin

THE TRANSFORMATION
OF THE LABOUR'S DOCTRINE
IN GREAT BRITAIN (1945–1997)

The article is dedicated to the problem of the further development of Labour doctrine in Great Britain in Post-War period. On the basis of the Labour party's pre-election manifestos the formation of new approaches to reconsideration its ideological principles according to modern political conditions is investigated. Relevance of this subject is connected with the fact, that transformation of the Labour doctrine and fractional fight in the Labour party reflected a common problem of self-identification of all progressive parties in the second half of the XX century which consisted in search of the modern political program, capable to consider real requirements of the population.

Key words: Labour Party, social policy, Neil Kinnock, Clause IV of the Labour Party constitution, Tony Blair, pre-election manifestos.

N. Rostislavleva

MAX WEBER IN THE YEARS
OF THE FIRST WORLD WAR

On the eve of the First World War Weber's key values were nation, power and culture. According to Weber Germany had to become a powerful state (*Machtstaat*) and to exercise its influence on the future of the world. When the war started he with all his heart shared the national mood of August 1914. At the same time Weber wished that the war remains defensive and that it should be ended as soon as possible. Though Weber was not against annexations in general he did not suggest annexations in the framework of the First World War. Weber considered entry into the war of the United States as a great disaster for Germany but for reasons of political discipline he supported the government's position. Weber supported the idea of the independence of Poland and suggested complete revision of the Prussian policy on the Polish question. Weber saw historical significance of the war for the Germany's advance to the status of a great power which it sought by virtue of Germany's responsibility before history.

Key words: the First World War, Max Weber, the nation, the power, the culture.

N. Tanshina

THE COUNT J.-J. DE SELLON:
FROM GENEVA PEACE SOCIETY
TO UNITED NATIONS

The purpose of the article is to investigate the life and work of the Swiss philanthropist and publicist count J.-J. de Sellon, who stood at the origins of the European pacifism, was the founder of the first Peace society on the European continent, and who can rightly be called the harbinger of the “spirit of Geneva”.

Key words: count J.-J. de Sellon, pacifism, Geneva Peace society, inviolability of a human life, protestantism, liberalism, United Nations.

S. Tikhomirov

GEOPOLITICAL STRATEGY
OF THE EUROPEAN NORTH
IN THE NAPOLEONIC WARS: LOCALITY
IN GLOBAL HISTORICAL PROCESS

The complexity of the question posed in the article is that the historiography on it is very small. Information given in the publication is introduced into scientific circulation for the first time or new interpretations. The author pursued the objective to pay attention of researchers on the events of Large European War 1805–1815, occurred in Northern Europe, to consolidate the idea of the inevitability of the involvement of the Russian Empire in the early of the XIXth century in the armed conflicts with the major European Powers (Britain, France, Sweden), to establish the inevitability of the formation of the northern bridgehead geopolitical strategies for states bordering Russia in the European North to the Napoleonic invasion of 1812.

Key words: the era of Napoleon, Europe, European North, war in the early XIXth century, Continental blockade, Russian-Swedish war, intelligence, geopolitics, geo-strategy.

Сведения об авторах

Асейнов Ренат Меулетович – кандидат исторических наук, старший редактор редакции всеобщей истории Большой Российской энциклопедии, aseynov@gmail.com

Ауров Олег Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, olegaurov1@yandex.ru

Баринова Елена Борисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, BarinovaElena@rambler.ru

Басовская Наталия Ивановна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, директор учебно-научного Центра визуальной антропологии и эгоистории, basovskaya555@yandex.ru

Булдакова Елена Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Киевского национального университета им. Т. Шевченко, ev_buldakova@mail.ru

Булычева Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, bulychevalena@yandex.ru

Бурашников Дмитрий Андреевич – аспирант Российского государственного гуманитарного университета, burashnikov@bk.ru

Ермолова Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, merira@mail.ru

Извеков Семен Гаральдович – аспирант кафедры Средних веков МГУ им. М.В. Ломоносова, semen.izvekov@gmail.com

Канинская Галина Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, kaninsk6@mail.ru

Кариков Сергей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Национального университета гражданской защиты Украины (г. Харьков), karsan2002@mail.ru

Комаров Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, ruslan10@inbox.ru

Лобанов Александр Михайлович – аспирант Саутгемптонского университета, alobanov83@gmail.com

Обрезкова Дарья Викторовна – аспирант Российского государственного гуманитарного университета, pargatti@yandex.ru

Охошин Олег Валерьевич – аспирант Российского государственного гуманитарного университета, ohoshin89@gmail.com

Ростиславлева Наталия Васильевна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, ranw@mail.ru

Таньшина Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета, horoshovo@mail.ru

Тихомиров Сергей Алексеевич – директор Вологодского регионального научно-исследовательского центра краеведения и локальной истории, главный редактор издательства «Книжное наследие» (г. Вологда), tihomirovs1812@yandex.ru

General data about the authors

Aseynov Renat M. – Ph.D. in History, senior editor, Department of World History, Great Russian Encyclopedia, aseynov@gmail.com

Aurov Oleg V. – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, olegaurov1@yandex.ru

Barinova Elena B. – Ph.D. in History, senior researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, BarinovaElena@rambler.ru

Basovskaya Natalia I. – Dr. in History, professor, head, Department of World History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, director, Centre for Visual Anthropology and Ego-history, Russian State University for the Humanities, basovskaya555@yandex.ru

Buldakova Elena V. – Ph.D. in History, associate professor, doctoral student, Department of History of the Ancient World and the Middle Ages, Shevchenko Kiev National University, ev_buldakova@mail.ru

Bulycheva Elena V. – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, bulychevalena@yandex.ru

Burashnikov Dmitriy A. – postgraduate student, Russian State University for the Humanities, burashnikov@bk.ru

Ermolova Irina E. – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, merira@mail.ru

Izvekov Semen G. – postgraduate student, Department of Middle Ages, Lomonosov Moscow State University, semen.izvekov@gmail.com

Kaninskaia Galina N. – Dr. in History, professor, Department of World History, P.G. Demidov Yaroslavl State University, kaninsk6@mail.ru

Karikov Sergey A. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, National University of Civil Defence of Ukraine (Kharkiv), karsan2002@mail.ru

Komarov Andrey N. – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, ruslan10@inbox.ru

Lobanov Aleksandr M. – PhD candidate, University of Southampton, alobanov83@gmail.com

Obrezkova Darya V. – postgraduate student, Russian State University for the Humanities, pargatti@yandex.ru

Ohoshin Oleg V. – postgraduate student, Russian State University for the Humanities, ohoshin89@gmail.com

Rostislavleva Natalia V. – Dr. in History, professor, Department of World History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, ranw@mail.ru

Tanshina Natalia P. – Dr. in History, professor, Department of Modern and Contemporary History, Moscow Pedagogical State University, horoshovo@mail.ru

Tikhomirov Sergey A. – director, Vologda Regional Research Centre for the Local Studies and History; chief editor, “Book Heritage” Publishing House (Vologda), tihomirovs1812@yandex.ru

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*
Художник *В.В. Сурков*
Художник номера *В.Н. Хотеев*
Корректор *О.Н. Панкова*
Компьютерная верстка *М.Е. Заболотникова*

Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 13,3. Уч.-изд. л. 13,9.
Тираж 1050 экз. Заказ № 111

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru